II-10.
Р-138.

ОП

РЕПЕРТУАРЪ РУССКАГО

И

ПАНТЕОНЪ

ИНОСТРАННЫХЪ ТЕАТРОВЪ.

Т945: 6997

1843.

ТОМЪ ВТОРОЙ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ГОСУДАРСТВЕН. АКАДЕМ.
Ленинградская Театральная
БИБЛИОТЕКА
имени А. В. ЛУНАЧАРСКОГО

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. 1843 года, марта 30 дня.

Цензоръ *П. Корсаковъ*

ВЪ ТИПОГРАФІИ ВѢДОМОСТЕЙ С.-П.-Б. ГОРОДСКОЙ ПОЛИЦІИ.

РЕПЕРТУАРЪ

и

ПАНТЕОНЪ.

=

ЗЕРКАЛО СОВРЕМЕННЫХЪ ТЕАТРОВЪ, РУССКАГО И ИНОСТРАННЫХЪ.

=

ГОДЪ ПЯТЫЙ.

=

КНИЖКА ШЕСТАЯ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
1843.

РЕПЕРТУАРЪ И ПАНТЕОНЪ,

СОЕДИНЕННЫЯ ИЗДАНІЯ,

ИМѢЮЩІЯ ОДНУ ОБЩУЮ ЦѢЛЬ—

ТЕАТРЪ.

Репертуаръ Русскаго Театра издается съ 1839-го года. Въ 1842-мъ году онъ соединился въ одно общее изданіе съ Пантеономъ Иностранныхъ Театровъ, и съ тѣхъ-поръ составляетъ съ нимъ неразрывное цѣлое.

«Репертуаръ» вначалѣ имѣлъ предметомъ исключительно *русскій театръ*; соединившись съ «Пантеономъ», онъ расширилъ поле своей дѣятельности и такимъ-образомъ сдѣлался *зеркаломъ современнаго театра*, въ самомъ обширномъ значеніи слова.

Драматическія произведенія, русскія и иностранныя, во всѣхъ родахъ, жизнь актеровъ, драматическихъ поэтовъ и музыкантовъ, теорія и исторія драматическаго и сценическаго искусства, музыка, критическая лѣтопись современныхъ театровъ, русскихъ и иностранныхъ, повѣсти и разсказы, запечатлѣнныя интересомъ драматическимъ, театральные нравы, очерки, анекдоты, однимъ словомъ *театръ* съ его многоразличными отраслями, со всѣмъ, что къ нему имѣетъ отношеніе — вотъ предметы, которые составятъ содержаніе книжекъ «Репертуара и Пантеона».

«Репертуаръ и Пантеонъ» будетъ достигать предположенной цѣли, при содѣйствіи слѣдующихъ г-дъ литераторовъ, постоянно въ немъ участвующихъ: *Ѳ. В. Булгарина*, *А. Н. Греча*, *П. И. Григорьева*, *М. П. Загоскина*, *В. Р.* и *Р. М. Зотовыхъ*, *В. А. Каратыгина*, *П. А. Каратыгина*, *Н. А. Коровкина*, *П. А. Корсакова*, *П. В. Кукольника*, *Д Т. Ленскаго*, *М. Н. Макарова*, *В. С. Межевича*, *П. Г. Ободовскаго*, *В. И. Орлова*, *Н. А. Полеваго*. *В. М. Строева*, *П. Р. Фурмана*, *Князя А. А. Шаховскаго*, *П. С. Ѳедорова*, и мн. др., стараясь съ каждой книжкой болѣе и болѣе пріобрѣтать себѣ, между извѣстнѣйшими литераторами русскими, усердныхъ сотрудниковъ и помощниковъ.

ДОЧЬ ШУТА.

Драма въ 5-ти дѣйствіяхъ, въ стихахъ.

Пер. съ Англійскаго. *

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Рожеръ, Графъ Тулузскій.
Требель, придворный шутъ Графа.
Бланка, дочь его.
Маргарита, ея надзирательница.
Сентъ-Аманъ. }
Бріонъ. }
Монтеню. } Рыцари, Вассалы Графа Раймонда.
Коссе. }
Ландри. }
Г-жа Коссе.
Г-жа Бріонъ.
Лувье, Докторъ Графа.
Ревельятти, Италіанецъ, бандитъ, содержатель трактира.
Терезина, сестра его, танцорка.
Придворные графа, дамы, рыцари, оруженосцы, народъ.

---

* Эта старинная, но у насъ вовсе неизвѣстная, драма называется въ оригиналѣ «A fool and his daughter» (*Шутъ и его дочь*). Независимо отъ своего внутренняго достоинства, она занимательна еще болѣе тѣмъ, что знаменитая драма Виктора Гюго «Le Roi s'amuse» есть, просто, передѣлка этой драмы. Читайте и сличайте! *Ред.*

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Великолѣпно-освѣщенная зала во дворцѣ Графа. Балъ. Вдали музыка. Множество рыцарей и дамъ гуляютъ по заламъ; нѣкоторые заняты игрою въ кости и шахматы. Впереди, у стола, сидятъ Бріонъ и Коссе за шахматною игрою.

ЯВЛЕНІЕ I.

Бріонъ *и* Коссе.

КОССЕ.

Да!... матъ!... какой злодѣй!... я проигралъ.
Еще сыграемъ! хочешь-ли?

БРІОНЪ.

Пожалуй!
Вѣдь намъ не танцовать. За всѣхъ насъ Графъ
Танцуетъ и поетъ и пьетъ.

КОССЕ.

Охъ, эти балы!
Кому здѣсь весело? Смѣхъ, шумъ, толпа!...
Для рыцарей расходъ и разоренье,
Для дочерей соблазнъ, для женъ развратъ!...

БРІОНЪ.

Да, да! Графъ слишкомъ ужъ съ твоей женой любезенъ.

КОССЕ.

Съ моей, Бріонъ?... а если и съ твоей?...
Да что́ и говорить?... не двѣ, а сотни
Готовъ онъ обольстить. Нашъ кругъ, нашъ дворъ,
Для волокитствъ его бываетъ тѣсенъ.
Какъ часто бродитъ онъ на площадяхъ
Въ толпѣ мѣщанъ, переодѣтый клеркомъ,
И ищетъ тамъ разврата и забавъ!

БРІОНЪ

Когда-бы не былъ онъ такъ добръ, такъ храбръ,
Давно-бы я уѣхалъ изъ Тулузы

И перешелъ-бы въ службу хоть къ Бургундцу.
Богатыя помѣстья Герцогъ мнѣ
Давно ужъ предлагаетъ,—если я
Пойду подъ знамена его.

КОССЕ.

А мнѣ
Прованскій Графъ.—Да, нѣтъ! я здѣсь родился,
И умереть хочу въ землѣ родной.
Не волочись Рожеръ — вѣдь онъ владѣтель
Всѣхъ лучше, и богаче, и храбрѣе....
И только-бы скорѣй его женить,
Такъ волокитства всѣ свои забудетъ.

БРІОНЪ.

Да! на турнирахъ онъ и въ битвахъ молодецъ!
Но чтобъ страстямъ постыднымъ угодить
Ни чьей онъ жизни, чести не жалѣетъ.

КОССЕ.

Да! бѣдный Сентъ-Аманъ! худой конецъ
Съ нимъ будетъ....

БРІОНЪ.

Графъ, конечно, виноватъ!
Дочь обольстя его, онъ долженъ былъ,
Какъ рыцарь истинный, какъ Христіанинъ,
Безчестье и вину загладить бракомъ.
Но и старикъ не правъ: онъ какъ убійца,
Какъ бѣшеный, съ кинжаломъ прибѣжалъ,
И Графа заколоть хотѣлъ безъ боя.

КОССЕ.

Да бой-то между ними не возможенъ!
Тотъ старъ и дряхлъ,—а этотъ полонъ силы,
Искуснѣйшій боецъ.... Какой тутъ поединокъ?

БРІОНЪ.

А Божій судъ ты ни во что считаешь?
Какъ часто правдою старикъ силенъ,
А исполинъ неправдой погибаетъ!

КОССЕ.

Все такъ! Но Сентъ-Аманъ почелъ вѣрнѣй
Кинжаломъ отомстить свою обиду.

БРІОНЪ.

За то́ теперь и будетъ онъ судимъ
Законами, и приметъ казнь убійцы.

КОССЕ.

А дочь наложницею графа будетъ?
Куда какъ справедливо!

БРІОНЪ.

Вѣрно Графъ
Его проститъ: онъ, право, добръ въ душѣ....

КОССЕ.

За-то житья отъ злаго шута нѣтъ.
Вотъ истинная язва! Создалъ Богъ
Творенье дерзкое, смѣшное, злое —
Природѣ на-смѣхъ, людямъ на-позоръ....

БРІОНЪ.

Всѣхъ Графа волокитствъ Требель затѣйникъ.
Онъ сводитъ, переноситъ, лжетъ въ глаза,
И при дворѣ мы всѣ его боимся.

КОССЕ.

Да! я-бы отдалъ золотую цѣпь,
За то, чтобъ кто-нибудь придумать могъ,
Какъ шуту отомстить за всѣ проказы.

БРІОНЪ.

Графъ, кажется, идетъ....

КОССЕ.

Такъ что́жъ? Онъ намъ
Не помѣшаетъ.... Продолжай игру.

БРІОНЪ.

Онъ что́-то шепчется съ Ландри. Опять
Рожеръ ужъ, вѣрно, шалость затѣваетъ....

ЯВЛЕНІЕ II.

Тѣже, ГРАФЪ, ЛАНДРИ *въ дружескомъ разговорѣ въ полголоса. Черезъ нѣсколько минутъ* КОССЕ *и* БРІОНЪ *уходятъ.*

ГРАФЪ.

Пожалуйста, Ландри, развѣдай обо всемъ,

Мнѣ страхъ какъ хочется интригу кончить....
Прелестнѣйшая дѣвушка!...

ЛАНДРИ.

И гдѣ-же
Вы съ нею видитесь?

ГРАФЪ.

По воскресеньямъ
Она приходитъ въ церковь Notre-Dame

ЛАНДРИ.

И вы два мѣсяца ужъ ходите за нею?

ГРАФЪ.

И никогда еще я не былъ такъ влюбленъ.

ЛАНДРИ.

Въ предмѣстьи Оверньи?...

ГРАФЪ.

Угóльный домъ
Съ заборомъ, гдѣ живетъ Коссе... ну, подлѣ!

ЛАНДРИ.

Вы съ нею никогда не говорили?...

ГРАФЪ.

Какая-то старуха вѣчно съ ней,
Все стережетъ—и шагъ, и взглядъ, и слово!

ЛАНДРИ.

Всегда драконъ у гесперидскихъ яблокъ.

ГРАФЪ.

А что́ всего страннѣй и любопытнѣй —
Къ ней каждый вечеръ, въ сумерки, тайкомъ
Является таинственный мужчина;
Въ плащѣ закутанъ съ головы до ногъ —
Войдетъ,—дверь на замóкъ,—и два часа
Сидитъ у ней.

ЛАНДРИ.

Не льзяль, какъ онъ, прокрасться?

ГРАФЪ.

Дверь заперта всегда,—а ключъ при немъ.

ЛАНДРИ.

Престранно!... Вы за дѣвушкой ходили
Хоть издали,—глаза ея что́ говорятъ?

ГРАФЪ.

Довольно сладки и краснорѣчивы;
Что я ей нравлюсь—я увѣренъ въ томъ.

ЛАНДРИ.

А знаетъ ли она, кто вы?

ГРАФЪ.

Какъ можно!
Переодѣвшися простымъ студентомъ,
Я издали ей вздохи посылалъ.... *(увидя входящаго Требеля.)*
Ахъ! вотъ Требель! вѣдь надо и ему
Все разсказать....

ЛАНДРИ.

Тогда я отступаюсь
И не беруся ни за что.

ГРАФЪ, *смѣется.*

Да, да,
Я и забылъ, что всѣ его не любятъ....
Ну, хорошо! секретъ пусть между нами.

ЯВЛЕНІЕ III.

Тѣже и группа рыцарей подходитъ съ Требелемъ.

ГРАФЪ.

Что́жъ, господа, оставили вы танцы?

МОНШЕНЮ.

Да отъ Требеля нѣтъ житья! Бранитъ
Всѣхъ на-повалъ.... Уймите, Графъ, его!

ГРАФЪ.

Ты, злой дуракъ, опять тамъ напроказилъ!

ТРЕБЕЛЬ.

Ничуть! я только правду говорилъ, —
А это-то и бѣситъ всѣхъ придворныхъ.
Я у Коссе спросилъ, за чѣмъ и отъ кого
Жену свою онъ прячетъ все въ предмѣстьи?
Бріону я замѣтилъ, что съ-тѣхъ-поръ,
Какъ въ шахматы игралъ онъ здѣсь спокойно,
Лобъ у него и выше сталъ и круче....
Тутъ Моншеню пришелъ....

ГРАФЪ.

Ну, замолчи!
Ты пустомеля злой! всѣ это знаютъ,
И скоро буду я всѣхъ здѣсь просить,
Чтобъ остроты твои они–бы палкой
Записывали на твоей спинѣ....
Быть–можетъ сгладится тогда твой горбъ.

ТРЕБЕЛЬ.

Нѣтъ, не испрямится ихъ даже лобъ!
Побьютъ меня, а все умнѣй не будутъ!
Я замолчу — и будетъ всѣмъ скучнѣе.

ГРАФЪ.

И точно! Ври себѣ, ври, мой дуракъ!
Кто, господа, изъ васъ повѣритъ шуту?
Кто правдой глупости его сочтетъ? *(Входятъ дамы.)*
А! вотъ и дамы!...

ЯВЛЕНІЕ IV.

Г-жа Коссе, г-жа Брионъ, нѣсколько дамъ и тѣже.

ГРАФЪ.

Боже мой! что значитъ!
Вѣдь ужинъ черезъ–часъ—а бальный залъ
Ужъ опустѣлъ... помилуйте! *(беретъ подъ руку г-жу Коссе, отведя въ сторону)* Ужели
Уѣхать вы хотите?

Г-ЖА КОССЕ, *тихо.*

Ахъ, не я, мой мужъ!

ГРАФЪ, *также.*

Я не пущу его, запру всѣ двери....
А вы, жестокая, ужель мою любовь
Отвергнуть вы хотите?

Г-ЖА КОССЕ.

Ради–Бога!
Мужъ близко, слышитъ все.... устройте танцы.
И тамъ удобнѣй будетъ говорить....

ГРАФЪ, *громко.*

Нѣтъ, господа,—прошу въ ту залу!

До ужина еще хоть полчаса
Мы потанцуемъ; пусть кто старъ и слабъ,
Останется здѣсь въ галлереѣ; мы-же
Ни въ битвахъ, ни въ любви, ни въ танцахъ, ни въ винѣ,
Какъ рыцари, не ослабѣемъ....
(Беретъ подъ руку г-жу Бріонъ и уходитъ; дамы и вся молодежь идутъ за ними).

ЯВЛЕНІЕ V.

Коссе, Бріонъ, Моншеню, и нѣсколько рыцарей.

МОНШЕНЮ.

Что-же
Намъ дѣлать господа? чѣмъ мы займемся?
Не выпить-ли шампанскаго?

КОССЕ.

Нѣтъ, нѣтъ!
Здѣсь голова и безъ вина кружится.

МОНШЕНЮ.

Помилуй! у тебя все на умѣ
Требель и глупыя его слова.

БРІОНЪ.

Его слова и злы, и глупы,—такъ!
Но самъ онъ поумнѣе многихъ здѣсь,
И дерзокъ свыше мѣръ. О, еслибъ можно
Потѣшиться надъ нимъ хорошей палкой—
Или хоть чѣмъ-нибудь за наглости отмстить!...
(Входитъ Ландри).

ЯВЛЕНІЕ VI.

Тѣже и Ландри.

ЛАНДРИ.

Ну господа! что я узналъ? скорѣй!
Ко мнѣ! Въ кружокъ! Вотъ новость! Вотъ прекрасно!
Да вы отъ-радости съ ума сойдете!
Вы удивитесь чудесамъ такимъ!
Со-смѣху захвораете, умрете!...

ВСѢ.

Что? что̀ такое? Разскажи скорѣй!

ЛАНДРИ.

Вдругъ разсказать? Нѣтъ, много мнѣ трудовъ
Открыть все дѣло стоило друзья.
Помучить надобно и васъ.

ВСѢ.

Да что?...

Да полно! Говори Ландри скорѣе.

ЛАНДРИ.

Во-первыхъ—дѣло о Требелѣ. Кто
Изъ васъ надъ нимъ здѣсь хочетъ посмѣяться?
Кто хочетъ отомстить и отшутить?

ВСѢ *кричатъ*.

Всѣ, всѣ!

ЛАНДРИ.

Да, точно! Всѣмъ онъ надоѣлъ
И злостью, и насмѣшками своими.
Вотъ оттого-то я рѣшился всѣмъ
Открыть секретъ и важный, и забавный....
Ну, угадайте! Что-же я узналъ?
Что̀ у него открылъ? что̀ отыскалъ?

ВСѢ.

Ну, перестань, не мучь! скажи скорѣе!

КОССЕ.

Что̀ можетъ путнаго быть у Требеля?

БРІОНЪ.

Что̀ можно у бездѣльника найти?

ЛАНДРИ.

Такъ знайте.... у него.... интрига есть....
Любовница,—красавица!

ВСѢ *хохочутъ*.

Вотъ вздоръ!

КОССЕ.

Какой-нибудь уродъ!

БРІОНЪ.

Горбатая старуха!

МОНШЕНЮ.

Колдунья съ шабаша!...

ЛАНДРИ.

Клянусь, что нѣтъ!
Красавица, молоденькая, чудо!
Онъ каждый вечеръ ходитъ къ ней, и тамъ
До полночи сидитъ. Она всегда
На-запертѣ, замокъ передъ дверьми,—
Ключъ у него....

ВСѢ *хохочутъ*.

Скупецъ! Вотъ новый кладъ!

ЛАНДРИ.

Теперь всѣ ближе! Моего секрета
Осталось лучшее вамъ разсказать.—
Но ради-Бога будьте молчаливы!—
Тутъ дѣло ужъ становится важнѣе,
Забавнѣе, опаснѣй и смѣшнѣе....
Въ любовницу Требеля—Графъ влюбленъ,
Объ этомъ ничего и самъ не зная.
За нею цѣлый мѣсяцъ бродитъ онъ,
Переодѣвшись клеркомъ и вздыхая.—
Онъ поручилъ развѣдать мнѣ объ ней,
И я давно лазутчиковъ разставилъ:
Одинъ изъ нихъ явился лишь сей-часъ,
Все вывѣдалъ, узналъ.... и планъ чудесный
Я тотчасъ-же составилъ. Вотъ онъ въ чемъ:
Собрать друзей и завтрешнюю-жъ ночь
Похитить изъ дому любовницу Требеля,
Привезть ее сюда и Графу сдать.

ВСѢ *кричатъ и смѣются*.

Прекрасно! Браво! Вотъ чудесный планъ!
Всѣ въ заговоръ идемъ!

ЛАНДРИ.

Такъ по-рукамъ!

(*Всѣ даютъ другъ-другу руки*).

И завтра ввечеру собраться у Коссе.

КОССЕ.

Какъ! Почему-же у меня?

ЛАНДРИ.

Нашъ кладъ
Близехонько отъ васъ....

БРІОНЪ.

Неужли? славно! *(къ Коссе.)*
Такъ главная квартира у тебя?

ЛАНДРИ.

Но, господа, смотрите-жъ! Это тайна,
И важная покуда. —

КОССЕ.

Будь спокоенъ!
Требеля столько всѣ мы ненавидимъ,
Что за успѣхъ составленнаго плана
Обѣтъ дадимъ три дни молчать, не ѣсть....
Но тише.... вотъ и Графъ, а съ нимъ Требель.

ЯВЛЕНІЕ VII.

Тѣже, Графъ, Требель, нѣсколько рыцарей.

ГРАФЪ.

Теперь до ужина мы отдохнемъ,
Покуда туалетъ поправятъ дамы....
Чѣмъ занимался вы здѣсь?—О чемъ
Шла рѣчь?

ЛАНДРИ.

У насъ ученый разговоръ.

ТРЕБЕЛЬ.

Ученый! Вотъ на свѣтѣ вѣчно такъ!
Ученость на словахъ, а глупость въ головѣ.

ГРАФЪ.

Вотъ у меня сестра ученыхъ любитъ
И пристаетъ все, чтобъ ихъ взять въ Тулузу,
Дарить и угощать. Она толкуетъ,
Что это и меня, и Дворъ прославитъ мой.

ТРЕБЕЛЬ.

О Боже! будь къ намъ милосердъ! мы грѣшны!
Мы каемся! Не накажи-же насъ
Такою гибелью, такой чумою, —
Избавь, мой Богъ, Ты отъ *ученыхъ* насъ!

ГРАФЪ.

Дуракъ! да что тебѣ они мѣшаютъ?

ТРЕБЕЛЬ.

Ученые! Ахъ, дыбомъ волоса!
Ученые!... Всѣ звѣри, птицы, гады,
И кротъ слѣпой, и съ палкою медвѣдь,
И котъ морской, и филинъ пучеглазый,
И Турокъ, и Арапъ и даже Жидъ, —
Всѣ лучше, всѣ уклюжѣе ученыхъ! *(Всѣ смѣются).*

КОССЕ.

Въ числѣ всѣхъ пугалъ и уродовъ въ свѣтѣ
Ты перваго забылъ себя, Требель!

ТРЕБЕЛЬ.

Объ насъ двоихъ, товарищъ, помолчимъ!
Мы красотой смѣшимъ, а не пугаемъ! *(Всѣ смѣются).*

БРІОНЪ.

А ты-бы могъ въ любой попасть звѣринецъ;
Всѣ за верблюда-бы тебя сочли.

ТРЕБЕЛЬ.

А самъ ты звѣрь какой?... Забылъ названье....
А знаю, что рогатый *(Смѣются.)*

БРІОНЪ.

Лжешь, бездѣльникъ!..
Хорошъ и я,—связался съ дуракомъ!...

ЛАНДРИ, *тихо ему.*

Оставь, Бріонъ, до завтра....

ГРАФЪ.

Слушай, шутъ!
Смѣшить ты можешь насъ—и это долгъ твой;
Но спину береги,—ей скоро будетъ праздникъ.

ТРЕБЕЛЬ.

Напрасно! Вѣдь спина моя не виновата
За правду языка; а палка ваша,
Что́ мнѣ докажетъ? то́, что вы сильнѣй,
А не правѣй.

ГРАФЪ.

Она докажетъ только,
Что наглой дерзостью ты надоѣлъ....
Пошелъ, дуракъ, съ тобой какъ съ человѣкомъ,
Разговорился я.... Ну, господа!
Что́ завтра! Чѣмъ-то мы повеселимся?

Не поохотиться-ли намъ за волкомъ,
Или за вепремъ?

МОНШЕНЮ.

Если вамъ угодно,
То мы готовы....

ГРАФЪ.

Прикажи-жъ Ландри *(Входятъ дамы.)*
А! вотъ и дамы.
(*Мужья встрѣчаютъ ихъ и берутъ подъ руки; графъ отходитъ въ сторону*).
Такъ, мужья ужъ съ ними!

ТРЕБЕЛЬ.

Да! эти всѣ мужья пустой народъ!
Объ нихъ такъ дружески хлопочутъ,—что́ же?
Они за всѣ страданья дуютъ губы
И не хотятъ оленьихъ украшеній.

ГРАФЪ, *тихо ему.*

А госпожа Коссе мила, не правда-ль?

ТРЕБЕЛЬ.

Для васъ, не для меня; мнѣ что́ за дѣло!

ГРАФЪ.

Ты плутъ на все, Требель,—и много
Мнѣ прежде помогалъ, нельзяль и тутъ?...

ТРЕБЕЛЬ.

Коссе сердитъ; онъ за услугу разомъ
Пырнетъ меня кинжаломъ.

ГРАФЪ.

Что́жъ? мой докторъ
Вѣдь вылечитъ.

ТРЕБЕЛЬ.

Благодарю покорно!
Такъ средство я гораздо лучше знаю.

ГРАФЪ.

Какое?

ТРЕБЕЛЬ.

Увезти ее, похитить!

ГРАФЪ.

Дуракъ! какъ можно! всѣ узнаютъ,
И мужъ потребуетъ жену и поединка.
(*Коссе тихо подходитъ и подслушиваетъ.*)

ТРЕБЕЛЬ, *замѣтя это.*

Ну такъ еще есть средство — мужа сбыть....
Убить его!...

КОССЕ, *отскакивая.*

Злодѣй!

ГРАФЪ.

Вотъ вздоръ какой!
Нѣтъ, ты ужъ нынче сталъ осла глупѣе.
(*Идетъ къ дамамъ.*)

ТРЕБЕЛЬ, *въ сторону.*

Посмотримъ, Графъ!... Ну, какъ-бы и надъ нимъ
Потѣшиться сегодня?

СЛУГА, *подходя, Требелю тихо*

Гость незванный
Пришелъ и хочетъ видѣть Графа....

ТРЕБЕЛЬ.

Кто?
Зови сюда!

СЛУГА.

Нельзя! вѣдь Сентъ-Аманъ!

ТРЕБЕЛЬ.

Ай худо!... (*подумавъ*). Все равно! зови сюда!

СЛУГА.

Да мнѣ достанется....

ТРЕБЕЛЬ.

Скажи, что я
Тебѣ велѣлъ. (*Слуга уходитъ.*)

СЕНТЪ-АМАНЪ, *за кулисами.*

Я съ Графомъ говорить
Хочу.

ГРАФЪ.

Кто тамъ?

СЕНТЪ-АМАНЪ.

Впусти!

ГРАФЪ.

Чей голосъ? Сентъ-Аманъ!
Теперь не время,—не впускай!...

ЯВЛЕНІЕ IX.

Тѣже и Сентъ-Аманъ.

СЕНТЪ-АМАНЪ.

Я здѣсь! (*всеобщее удивленіе*).
Спокойны будьте, Графъ,—я безоруженъ.
Я только говорить хочу,—не бойтесь!

ГРАФЪ.

Бояться? мнѣ? Рожеру? Кто видалъ
Изъ васъ, чтобъ я чего-нибудь боялся?
Когда на жизнь мою ты покушался,
Блѣднѣлъ-ли я, увидя твой кинжалъ?
Не я-ли правомъ мести погнушался?—
Что́-жъ хочешь ты сказать? (*садится*) Я слушаю, вассалъ.

ТРЕБЕЛЬ.

Позвольте, Графъ, быть вашимъ адвокатомъ,
Позвольте слова два мнѣ рыцарю сказать.

ГРАФЪ.

Пожалуй ври, не такъ хоть скучно будетъ.

ТРЕБЕЛЬ.

За что́ вы сердитесь почтенный Сентъ-Аманъ?
Вы дочь свою, прелестную какъ май,
Хотѣли за урода за-мужъ выдать.
Ей Графъ понравился,—ну вотъ и все!
Есть изъ чего шумѣть!... напротивъ вы
Должны-бъ благодарить. Ну, что́ за радость,
Когда-бы внуковъ вамъ Богъ далъ десятокъ,
Забавныхъ какъ Коссе, косыхъ какъ Моншеню,
Рогатыхъ какъ Бріонъ, горбатыхъ, такъ какъ я?
Теперь повѣрьте мнѣ не то ужъ будетъ,
Похвастать можете своимъ потомствомъ:
Все будутъ великаны, храбрецы,
Красивые собой, въ роднѣ со знатью;
Вы будете воспитывать ихъ, няньчить
И съ ними въ жмурки и въ солдатики играть.

(*Всѣ составляютъ группы; иные смѣются, другіе пожимаютъ плечами.*)

СЕНТЪ-АМАНЪ, *послѣ нѣкотораго молчанія, не глядя на Требеля.*

И такъ еще обида, поруганье!
Графъ! это дурно! горестный старикъ
Ждалъ встрѣтить здѣсь холодное вниманье,
А не ругательства отъ подлыхъ слугъ.—
Но все равно!—И насъ разсудитъ Богъ!
Передъ Его судомъ и вѣчнымъ и святымъ
И предъ слѣпыми судьями земными
Я сознаюсь, что умертвить хотѣлъ
Тебя за стыдъ мой, за позоръ кровавый,
Тебя, дерзнувшаго внести въ мой домъ
Обиду низкую, прощенье со стыдомъ.
Я умертвить тебя хотѣлъ, но слабый,
Безсильный, дряхлый, я не могъ свершить,
Не могъ съ моей главы позора смыть,—
И чувствую теперь, что преступленье
Заслуживало божескую казнь,
А не руки обиженнаго мщенье!
И ты, предавъ меня суду, былъ правъ....
Я ждалъ, я требовалъ, я жаждалъ смерти....
И что́-же? Ты меня простилъ! Ахъ, Графъ!
Прощенье это хуже всякой мести!
Ты дурно поступилъ! за жизнь отца
Ты взялъ честь дочери; меня прощая,
Ты захотѣлъ, чтобъ жизни до конца
Я видѣлъ свой позоръ, даръ жизни проклиная....
Ты дурно поступилъ!—Я былъ вассалъ,
Ты — Графъ, владѣтель, — я тебѣ принадлежалъ....
Но дочь, но честь моя—*мое* имѣнье!
Какъ хищный звѣрь ты взялъ ихъ, растопталъ,
Влачилъ въ грязи позора, преступленья,—
И къ довершенью—далъ свое прощенье!...
Прощенье! !—И вашъ судъ безсовѣстный посмѣлъ
Назвать *прощеньемъ* стыдъ и униженье,
И мнѣ-жъ благодарить тебя велѣлъ!!...
Нѣтъ, Графъ! за смерть мою, за судъ неправый,
Какъ Христіанинъ, я-бъ тебя простилъ,
И нашъ—за дочь и жизнь—разсчетъ кровавый

Въ день страшнаго суда Творцу-бы поручилъ....
Но ты меня заставилъ жить краснѣя,—
Ты дурно поступилъ!—На что́ мнѣ жизнь?
Съ позоромъ жизнь мила лишь для злодѣя,—
А мнѣ, мнѣ честь нужна безъ пятенъ, укоризнъ.
Иль ты не зналъ что рыцарь, Христіанинъ,
Ужъ обезглавленъ, умерщвленъ, казненъ,
Коль безвозвратно чести онъ лишенъ?—
На что́ мнѣ жизнь? Нѣтъ! я прошу, желаю,
Я требую, чтобъ ты казнилъ меня.
Я казнь мою заранѣе прощаю,—
Жизнь и прощеніе—вотъ казнь моя!—
Спѣши-же кончить, Графъ, съ сѣдою головою,
Сорви ее нетрепетной рукой
И брось, какъ даръ сердечный, вѣковой,
На ложе дочери, поруганной тобою.
Я не за тѣмъ пришолъ, чтобъ взять ее назадъ.
Нѣтъ! гдѣ клеймо стыда, печать злодѣйства,
Тамъ нѣтъ родныхъ, нѣтъ дочери, семейства,
И я не соглашусь ее признать.
Но знай, что всякій день, въ часы пировъ разгульныхъ,
Въ часы твоихъ бесѣдъ, развратныхъ, шумныхъ,
Какъ привидѣніе являться стану я,
И буду восклицать: Что́-жъ, скороль казнь моя!
Съ блѣднѣющимъ челомъ и яростью безсильной
Ты будешь трепетать съ улыбкой на устахъ,
И всякой день здѣсь голосъ мой могильный
Распространитъ въ толпѣ златопоклонной страхъ.
Такъ Графъ! мой видъ, мой голосъ, появленье
Тебя принудятъ умертвить меня.
Со вздохомъ скажешь ты: «теперь свободенъ я!»
И ошибешься! да! въ часы замозабвенья,
Въ часы разгула, буйства и пировъ
Являться буду я, въ часъ грозныхъ привидѣній,
Въ одной рукѣ неся вамъ пѣнистую кровь,
Въ другой-же голову мою держа сѣдую.

ГРАФЪ, *удерживая гнѣвъ.*

Вассалъ! Я выслушалъ! Ландри! подъ стражу....

ТРЕБЕЛЬ.

Графъ, не сердитесь! Старикъ съ ума сошелъ!
Скорѣй его въ больницу отошлите,
Лекарства дайте, кровь ему пустите....

СЕНТЪ АМАНЪ.

На умирающаго льва—песъ лаетъ!
Молчи наглецъ! презрѣнное созданье!
Ты Богомъ и природой заклейменъ,
На смѣхъ творенью, людямъ въ поруганье;—
Молчи! ты видишь-ли? (*указывая на Графа.*)
— Молчитъ и *онъ!*
Кто святость старости не уважаетъ,
Тотъ проклятъ *тамъ* и *здѣсь* отнынѣ и вовѣки....
Вы оба прокляты моей рукой! (*всеобщее движеніе*).
Графъ! я вассалъ,—а ты владѣтель знаменитый,
И графское твое чело вѣнецъ покрылъ.
(*Указывая на голову.*)
Но *здѣсь* другой вѣнецъ Всевышній осребрилъ:
Честная старость! видъ ея маститый
Священъ по всей землѣ,—отъ кущи дикарей,
Отъ хижинъ до дворцовъ, отъ нищихъ до царей:
Обиды трону—мечь, законъ людей отмщаетъ;
Кто-жъ старость оскорбитъ — того самъ Богъ караетъ!...
(*Медленно уходитъ со стражею. Всеобщая группа. Завѣса падаетъ.*)

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Узкая улица предмѣстья. На-право небольшой домъ съ маленькимъ дворомъ. Заборъ около двора идетъ вдоль театра. На дворѣ нѣсколько деревьевъ и скамья. Въ заборѣ калитка отпирается на улицу. На заборѣ терасса, соединяющаяся съ 1-мъ этажемъ дома. Съ терассы на дворъ лѣстница. На-лѣво, въ отдаленіи, дома и сады.

ЯВЛЕНІЕ I.

ТРЕБЕЛЬ, *закутанный въ плащъ и одѣтый въ простое платье, идетъ тихо и задумавшись къ калиткѣ забора. За нимъ идетъ* РЕВЕЛЬЯТТИ, *также въ черномъ плащѣ. Въ глубинѣ видны* ЛАНДРИ *и* МОНШЕНЮ, *подсматривающіе за Требелемъ.*

ТРЕБЕЛЬ.

Я проклятъ старикомъ!...

РЕВЕЛЬЯТТИ, *обойдя его, останавливаетъ и кланяется.*

Когда-бъ я смѣлъ....
Спросить у васъ....

ТРЕБЕЛЬ, *съ досадою.*

Вотъ во-время! (*ищетъ въ карманахъ.*) Сей-часъ!...
Ну, виноватъ! я кошелекъ забылъ....

РЕВЕЛЬЯТТИ, *обидясь.*

Помилуйте! ужель вы думать смѣли,
Что подаянья я прошу у васъ?

ТРЕБЕЛЬ.

А если нѣтъ, тѣмъ лучше....

РЕВЕЛЬЯТТИ.

Преобидно!
Ужели я на нищаго похожъ?—
Нѣтъ, знайте, сударь, я не нищій, я бандитъ.

ТРЕБЕЛЬ, *отступая.*

О! о!—Что-жъ надобно тебѣ?

РЕВЕЛЬЯТТИ.

Работы!
Я каждый вечеръ вижу васъ вотъ здѣсь,
Бродящаго тайкомъ, тихонько....

ТРЕБЕЛЬ.

Что-же?

РЕВЕЛЬЯТТИ.

Я разсудилъ, что вѣрно есть у васъ
Жена, иль дѣвушка здѣсь подъ замкомъ.

ТРЕБЕЛЬ, *въ сторону.*

Проклятый, угадалъ! (*ему*) Да что-жъ тебѣ
За дѣло? Я тебѣ вѣдь не открою,
Кого, за чѣмъ и гдѣ?

РЕВЕЛЬЯТТИ.

Да мнѣ не то
И нужно; но у васъ, быть-можетъ, есть
Соперникъ, подлипала, вертопрахъ....

ТРЕБЕЛЬ, *съ нетерпѣніемъ.*

Ну! ежели и такъ?...

РЕВЕЛЬЯТТИ.

Тогда вамъ стоитъ
Мигнуть мнѣ—и червонцевъ десять дать... (*Тихо и быстро.*)
Я вамъ соперника сей часъ зарѣжу....

ТРЕБЕЛЬ.

А! ну теперь я понялъ все!—Прощай!...

РЕВЕЛЬЯТТИ.

И я не нуженъ вамъ?

ТРЕБЕЛЬ.

Покуда нѣтъ!...
Постой!... А что берешь ты за работу?

РЕВЕЛЬЯТТИ.

Цѣна неровная,—кого велятъ
Убить? Студента, рыцаря, на все цѣна.
У насъ въ Италіи и поминутно
Всѣхъ рѣжутъ на-заказъ.... Но тамъ насъ много
И другъ у друга отбиваемъ хлѣбъ.—
Я выѣхалъ сюда и здѣсь недавно,
Такъ вашихъ я обычаевъ не знаю.

ТРЕБЕЛЬ.

Но какъ и гдѣ-жъ ты убиваешь?

РЕВЕЛЬЯТТИ.

Какъ
Прикажутъ,—или даже какъ удобнѣй:
Слѣжу по улицамъ,—и ночью стерегу,
Гдѣ повѣрнѣй,—не то такъ дома....

ТРЕБЕЛЬ.

Гдѣ?
Ужели у тебя?

РЕВЕЛЬЯТТИ.

Я содержу трактиръ
Въ предмѣстьи, и притомъ-же у меня
Сестра есть—Терезина; цѣлый день
Она на площадяхъ и пляшетъ и поетъ,
А если нуженъ кто, того и зазоветъ.

ТРЕБЕЛЬ.

Чтобы зарѣзать!

РЕВЕЛЬЯТТИ.

Да! и тутъ гораздо легче.

ТРЕБЕЛЬ.

Прекрасная-жъ васъ пара!

РЕВЕЛЬЯТТИ.

Какъ-же быть!
Хлѣбъ надо добывать и ремесло
Свое имѣетъ каждый.... Вотъ мое!
(Вынимаетъ изъ подъ плаща предлинную шпагу).

ТРЕБЕЛЬ, *отступая.*

Ужасно! Благодарствуй! Мнѣ пора....
Теперь въ тебѣ я нужды не имѣю,
А ежели случится....

РЕВЕЛЬЯТТИ.

Всякій день
Я ровно въ полдень подъ аркадой церкви
Святыя Магдалины....

ТРЕБЕЛЬ.

Хорошо!
Прощай!

РЕВЕЛЬЯТТИ.

Слуга вашъ! Искренно желаю,
Чтобъ могъ скорѣй вамъ услужить. *(Уходитъ).*

ТРЕБЕЛЬ, *про-себя, глядя ему вслѣдъ.*

Злодѣй!

ЛАНДРИ, *показываясь съ Моншеню и наблюдая за Требелемъ.*

Съ кѣмъ это тамъ шептался онъ такъ долго?

МОНШЕНЮ.

Уйдемъ Ландри!... еще свѣтло.... увидятъ.... *Уходятъ.*

ТРЕБЕЛЬ.

А впрочемъ между нами сходство есть....
Онъ колетъ шпагою, я—языкомъ
Онъ рѣжетъ, я смѣшу—и все за деньги!...

ЯВЛЕНІЕ II.

Требель, одинъ, отпираетъ калитку въ заборъ, входитъ на дворъ, запираетъ опять калитку на ключь, оглядываясь сперва вездѣ; хочетъ идти въ домъ, но останавливается, ворочается и садится на лавку, подъ деревомъ.

ТРЕБЕЛЬ.

Нѣтъ, подожду.... я такъ разстроенъ.... сяду....
И съ мыслями своими соберусь....
Я проклятъ старикомъ!... и онъ былъ правъ!
Я смѣлъ надъ горестью его смѣяться
И честію его шутить, смѣшить!...
Я гнусно поступилъ!... Но онъ не знаетъ,
Что видъ его, слова,—еще теперь
Невольный страхъ въ груди моей рождаютъ.
Я проклятъ!... Ахъ! И люди и природа
Какъ поступили жестоко со мной!
Природа создала меня уродомъ,
А у людей я шутъ!... Шутъ!—Боже мой!
Что́ можетъ быть моей ужаснѣй доли? —
О ярость!... шутомъ быть! проклятье! быть уродомъ
И чувствовать и знать, во снѣ и на яву,
Когда вселенную полетомъ мысли
Я облечу,—когда возвышенной душой
Я міръ обнять готовъ,—опомнясь, видѣть, —
Что я лишь шутъ, придворный только шутъ!
Что я ни дѣлать, ни желать, ни думать
Не долженъ ничего другаго, какъ смѣшить! —
Какое грустное существованье!
Какъ? то́, что можетъ всякой человѣкъ, —
Наемный воинъ, продающій жизнь

За полъ-экю, и земледѣлецъ, въ потѣ
Вернувшійся съ полей, голодный нищій,
Алжирскій плѣнникъ, на галерахъ воръ,
Мужъ, старецъ, женщина, дитя,
И все, что̀ движется, живетъ и дышитъ, —
Свободу полную, даръ, право,
Когда захочетъ самъ, и плакать и смѣяться—
Я этого лишенъ!—лишь я одинъ лишенъ!
Вездѣ вокругъ меня блеститъ краса,
И счастіе, и юность, и довольство, —
А я съ растерзанной душой одинъ,
Не смѣю показать, какъ сердцу грустно!
А ежели на мигъ склоню печально
Измученную голову на грудь,
Вдругъ Графъ мой явится, мой Графъ блестящій, —
Богатъ, красивъ, и счастливъ и силенъ,
Усталый отъ побѣдъ, любви успѣховъ,
Придетъ, ногой меня презрительно толкнетъ,
И въ креслахъ протянувшися, зѣвая,
Мнѣ скажетъ: Шутъ, ну, разсмѣши меня!...
О бѣдный, шутъ!... А между-тѣмъ
Въ груди моей кипитъ досада, мщенье,
Злость, гордость, буря всѣхъ страстей, —
А между-тѣмъ я самъ съ презрѣньемъ вижу,
Что я умнѣй всѣхъ баловней судьбы,
Что погруженные въ развратъ, въ корысть,
Они душой меня гораздо ниже....
И чтожъ? всѣ на меня они съ презрѣньемъ смотрятъ!
О! какъ за-то я ненавижу ихъ!
Съ какой злорадностью языкъ свой изощряю,
Чтобъ уколость ихъ, уязвить, поссорить!
Какимъ злымъ демономъ шепчу я Графу,
О каждомъ словѣ ихъ, домашнихъ тайнахъ,
О ихъ порокахъ, замыслахъ.... И если
Надъ кѣмъ-нибудь, мнѣ удается злость, —
О! какъ я радъ! О! какъ я счастливъ.
И вотъ какъ я живу!... и это жизнь?!

(Послѣ минутной задумчивости).

Я проклятъ старикомъ!... Къ чему мысль эта,
Какъ тяжкій гнетъ на душу налегла?
Какъ чорный воронъ вьется передъ бурей,
Какъ привидѣніе, какъ страшный сонъ!...
Ужель со мной бѣда случится?... *(Подумавъ)*. Нѣтъ!
Тамъ за калиткой этой міръ другой,—
Тамъ я несчастный шутъ, злодѣй, наглецъ!—
Здѣсь я перерожденъ! Здѣсь счастливый отецъ!

(Идетъ къ двери дома и стучитъ; дверь отворяется, выбѣгаетъ Бланка и бросается въ объятія Требеля).

ЯВЛЕНІЕ III.

Требель *и* Бланка, *потомъ* Маргарита.

ТРЕБЕЛЬ.

Дочь! Бланка!... О! еще къ груди прижмись!
Обвей меня лилейными руками!—
Еще одинъ прелестный поцѣлуй....
Какъ мнѣ легко! Какъ счастливъ я съ тобой!
Какъ ты прелестна! Бланка!... ангелъ мой!...
Довольна-ли ты всѣмъ? Тебѣ чего
Не нужно-ли?...

БЛАНКА.

О какъ ты добръ!

ТРЕБЕЛЬ *садится.*

Ахъ, нѣтъ!
Не доброта,—любовь! любовь къ тебѣ!
Ты кровь моя!—Ты жизнь моя!—О Боже!
Что́ было-бы со мною безъ нея?

БЛАНКА.

Ты пасмуренъ, ты тяжело вздыхаешь....
Какія есть печали у тебя?
За чѣмъ ты ихъ отъ дочери скрываешь?
Скажи мнѣ, все скажи—моя судьба
Такъ мало мнѣ самой извѣстна.... Даже
Я имени не знаю твоего.

ТРЕБЕЛЬ.

Къ чему и знать! Оно давно забыто,

А дали мнѣ другое.... и его
Я самъ желалъ-бы позабыть!...

БЛАНКА.

Въ деревнѣ,
Гдѣ я росла, меня всѣ сиротою
Считали.... Ты пріѣхалъ, взялъ меня
И нѣжностью твоей я такъ счастлива!

ТРЕБЕЛЬ.

Я-бъ долженъ былъ тебя въ деревнѣ той
Оставить,—это было-бъ осторожнѣй! —
Но я и самъ не могъ жить сиротой,
Жить одинокимъ,—ахъ! мнѣ сердце нужно было,
Которое-бъ меня жалѣло и любило! *(обнимаетъ ее.)*

БЛАНКА.

И я тебя люблю, люблю всей силой,
Со всею нѣжностью, покорствомъ....

ТРЕБЕЛЬ.

Ты
Не ходишь никуда?

БЛАНКА.

Нѣтъ, вотъ ужъ скоро
Два мѣсяца.... По воскресеньямъ я
Бываю въ *церкви*.... вотъ ужъ восемь разъ....
Ты это знаешь,—всякой день меня
Ты спрашиваешь....

ТРЕБЕЛЬ.

Да! да!—я боюсь
Всего и всѣхъ.

БЛАНКА, *послѣ краткаго молчанія.*

Ты тоже никогда
Объ маменькѣ не говорилъ мнѣ....

ТРЕБЕЛЬ, *въ сильномъ волненіи.*

Ахъ!
Какую мысль ты въ сердцѣ будишь, Бланка!
Мысль счастья и любви, мелькнувшихъ будто сонъ,
Мысль свѣтлыхъ радостей, которыхъ я лишенъ,
Мысль грустная теперь, какъ скорбь, какъ грусть святая,
Мысль духа падшаго, воспоминанье рая! —
Да, Бланка! Да! дитя мое,—смотри!

Какъ безобразенъ я, какъ скученъ,—ахъ,
Мнѣ юность не цвѣла волшебной силой,—
Я въ молодости точно былъ такой-же.
И что-жъ?—я женщину, я ангела нашелъ,
Которая меня любила.... Боже!
Благодарю тебя за краткіе часы
Святаго счастія и жизни мимолетной....
Я не ропщу!—Ты повелѣлъ,—ее
Не стало!... Боже мой! Благодарю тебя!
(Плачетъ, закрывъ лицо руками).

БЛАНКА.

О, какъ страдаешь ты! Ахъ! перестань!
Твои мнѣ слезы сердце раздираютъ....
Не плачь.

ТРЕБЕЛЬ.

Ахъ, Бланка! Еслибъ знала ты,
Какъ сладко плакать! Не желай во вѣкъ
И, видѣть какъ смѣюсь я,... *(сквозь зубы)* какъ смѣшу!

БЛАНКА.

Но почему-жъ? скажи.

ТРЕБЕЛЬ.

Къ чему вопросы?
Въ твоемъ незнаньи — счастье и покой.
Ахъ! лучше обними меня!... Вотъ сядь со мной,
Прижмись къ груди моей, и будемъ только
И знать и говорить, что любимъ мы другъ-друга.
О милое дитя! Пусть у другихъ
Семейство есть, и братья, и друзья,
И жены, и мужья, вассалы, предки,—
А у меня одна *ты*, Бланка.... Пусть
Другіе молоды, богаты, горды,—
Что мнѣ во всемъ? *Ты* мнѣ богатство,
Семейство, родина, супруга, мать,
Сестра и дочь!—Ты счастіе мое,
Моя вселенная, жизнь, свѣтъ, душа,
Все, все!—Одна, всегда!—лишь ты одна!—

БЛАНКА.

О! какъ вознаградить могу твою
Ко мнѣ любовь? чѣмъ счастіе твое
Могла-бы я составить?...

ТРЕБЕЛЬ.

Такъ любить
Меня, какъ я тебя люблю. О Боже!
Храни ея невинность въ чистотѣ,
Храни отъ козней наглыхъ и лукавыхъ,
Храни, какъ солнца свѣтъ въ священной красотѣ.

(Задумывается. Приходитъ Маргарита съ фонаремъ).

БЛАНКА.

А скороль ты позволишь мнѣ хоть разъ
Тулузу посмотрѣть?

ТРЕБЕЛЬ, *съ живостью.*

Нѣтъ! никогда!
Какая мысль!... ужели?... Маргарита!
Ты не нарушила-ли мой приказъ?

МАРГАРИТА.

Нѣтъ! Боже сохрани!

ТРЕБЕЛЬ.

Смотри-же, если
Жизнь дорога тебѣ! *(Въ сторону)* Тулузскій дворъ,
О! знаю я его, и если кто
Увидитъ Бланку и разскажетъ!... ахъ!
Дочь шута—значитъ-ли имъ что-нибудь?
Забава, смѣхъ, занятіе отъ скуки!...
Нѣтъ! Мысль одна меня до изступленья
Доводитъ....

БЛАНКА.

Не сердись! Я вѣдь спросила
Такъ, безъ намѣренья.... Я никогда
Не буду, не хочу ходить....

ТРЕБЕЛЬ.

Ахъ, Бланка!
Мнѣ счастіе твое все дороже....
Живи, дитя мое, какъ можно скрытнѣй,
Чтобъ не видалъ тебя никто въ Тулузѣ:
Отъ этого зависитъ жизнь моя.
Ну, обними-жъ меня еще!... Ужъ ночь,—
И я опять пойду съ поникшей шеей

Подъ золотую цѣпь печальной жизни.
Прощай, дитя мое, до завтра!...

(Въ эту минуту Графъ, переодѣтый, входитъ и съ досадою осматриваетъ запертую калитку и вышину забора).

БЛАНКА.

Завтра
Опять придешь?

ТРЕБЕЛЬ.

Приду, мой другъ.

БЛАНКА.

Прощай!

ТРЕБЕЛЬ.

Я прежде посмотрю, нейдетъ-ли кто
По улицѣ, ктобъ могъ меня увидѣть....

(Отпираетъ калитку; Графъ услыша это прячется. Требель, выходя, осматривается и, не видя никого, возвращается, оставя дверь отпертою.)

Нѣтъ никого!... Смотри-же Маргарита,
Ни на терассу, ни къ окну....

МАРГАРИТА.

Все знаю.
Ужъ будьте вы спокойны....

(Графъ проскользнулъ въ калитку и спрятался за дерево.)

ТРЕБЕЛЬ.

Еслижъ кто
Войдетъ сюда насильно или скрытно, —
Тотчасъ зови, кричи сосѣдей, стражу....

МАРГАРИТА.

Кому сюда войти?

(Нечаянно оборачиваясь къ Графу, вдругъ видитъ его и только-что хочетъ закричать, тотъ бросаетъ ей кошелекъ. Маргарита, свѣсивъ его въ руку, остается безмолвною.)

ТРЕБЕЛЬ.

Прощай-же, милый другъ, дитя мое!
Прощай!

ГРАФЪ, *про себя.*

Требеля дочь? ну, вотъ забавно!

ТРЕБЕЛЬ.

Прощай! да сохранитъ тебя Господь.
(Уходитъ, запирая за собою калитку.)

ЯВЛЕНІЕ IV.

БЛАНКА, МАРГАРИТА *и* ГРАФЪ.

БЛАНКА, *прислушиваясь къ шагамъ Требеля.*

Вотъ онъ ушелъ!... Тссъ.... не слыхать шаговъ....
Ахъ, Маргарита! Какъ онъ добръ! меня
Какъ любитъ! Для чего я не сказала
Ему о человѣкѣ молодомъ,
Который, помнишь ты, по воскресеньямъ
Всегда насъ провожаетъ....

МАРГАРИТА.

Эхъ! за чѣмъ
И говорить объ этомъ? Онъ вспылитъ,
А пользы никакой не будетъ.—Ты-же
Врядъ и замѣтила того красавца,
Который за тобой слѣдитъ....

БЛАНКА.

О нѣтъ!
Ужъ очень помню, видѣла и знаю....
Какъ онъ хорошъ, какъ статенъ! взглядъ какой!

МАРГАРИТА, *подходитъ къ Графу и протягиваетъ ему руку, Графъ даетъ ей денегъ. Нѣмая эта игра повторяется при каждомъ ея отвѣтѣ въ пользу Графа.*

Не дуренъ!

БЛАНКА.

Вѣрно онъ и добръ!

МАРГАРИТА.

О! вѣрно!

БЛАНКА.

Чувствителенъ, любезенъ!

МАРГАРИТА.

Безъ сомнѣнья!

БЛАНКА.

Какъ нѣжно смотритъ, какъ вздыхаетъ!

МАРГАРИТА.

Да!

Премилый человѣкъ!

БЛАНКА.

Не сирота-ли?

Быть-можетъ бѣденъ!...

МАРГАРИТА.

Нѣтъ, напротивъ, онъ

Такъ важно смотритъ, щедро поступаетъ

БЛАНКА.

Ты почему-же знаешь?...

МАРГАРИТА.

Я видала,

Какъ щедръ онъ къ бѣднымъ.

ГРАФЪ, *опустошившій всѣ карманы и не находя болѣе ничего, тихо Маргаритѣ.*

Да! но деньги всѣ!

Теперь уйди пожалуста,—а завтра

Ты вдвое отъ меня получишь....

МАРГАРИТА, *недовѣрчиво ворчитъ.*

Завтра!

БЛАНКА.

Я безпрестанно думаю объ немъ!

Его черты, его пріятный взглядъ

Во снѣ и на яву я вижу....

МАРГАРИТА.

Вѣрно

И онъ мечтаетъ о тебѣ.

БЛАНКА, *вздохнувъ.*

Кто знаетъ?

МАРГАРИТА.

О, онъ влюбленъ безъ памяти,—я знаю....

(Протягивая опять руку.)

ГРАФЪ.

Нельзя не дать! Ну вотъ кольцо мое,

Предорогое.... но теперь уйди *(Маргарита уходитъ.)*

БЛАНКА, *не видавши ея ухода, продолжаетъ мечтать.*

О, еслибъ можно было, чтобы онъ
Былъ тутъ всегда и день, и ночь со мною!
Чтобъ я ему не взглядомъ, а словами
(Графъ тихо подходитъ.)
Твердила безпрестанно: я тебя....
(Графъ быстро бросается къ новамъ ея; она останавливается какъ окаменѣлая.)

ГРАФЪ.

Люблю! люблю! скажи! докончи Бланка!

БЛАНКА.

Онъ! Маргарита! гдѣ ты?... Никого!

ГРАФЪ.

Кого-жъ тебѣ мой ангелъ! Насъ здѣсь двое,
А это—цѣлый міръ!

БЛАНКА.

Кто ты? откуда?

ГРАФЪ.

О! все равно! холодные вопросы,
Для пламенной любви!... О! будь моей!
Да, повтори прелестнѣйшее слово:
Люблю тебя!

БЛАНКА.

И ты подслушалъ? Боже!...
Но ежели тебя увидитъ кто?... уйди!
Уйди скорѣе, ради Бога!

ГРАФЪ.

Мнѣ?
Уйти? Когда тебя я слышу, вижу?
Когда со мною ты на-единѣ?
Когда любовь твоя какъ солнца лучь
Душѣ моей блаженствомъ возсіяла?...
О! знаешь-ли ты, что́ такое страсть?
Могла-ль понять твоя холодная невинность
Любви блаженство, роскошь, власть?
Забвеніе вселенной, душъ взаимность?
О! Бланка,—можно-ль выразить любовь?
Жить, чувствовать и радоваться жизнью

И счастіемъ дышать, и видѣть, слышать
Одну любовь, одно блженство свѣта!
И тысячью глазами пожирать,
И тысячью руками обнимать,
И радостно дрожать, и сладостно вздыхать.
Ахъ! что на свѣтѣ власть, богатство, сила,
Побѣды, почести, толпы рабовъ?
Ударитъ часъ, и все возметъ могила,
Но выше всѣхъ, всего — любовь! любовь!
О Бланка! будь моей! Ко мнѣ! Къ груди!...

(Обнимаетъ ее, она противится.)

БЛАНКА.

Нѣтъ, нѣтъ, оставь меня! оставь! уйди!
Мнѣ страшно!

ГРАФЪ.

Не противься, Бланка! Ангелъ!
Прелестное сокровище мое!...

БЛАНКА.

Нѣтъ, нѣтъ! пусти меня!

ГРАФЪ.

Хоть повтори,
Что любишь ты меня.

БЛАНКА.

Ты знаешь.... слышалъ!...

ГРАФЪ.

Я счастливъ!

БЛАНКА.

Я погибла!

ГРАФЪ.

Нѣтъ! со мною
Ты будешь счастьемъ жизни наслаждаться....

БЛАНКА.

Но кто ты? Какъ зовутъ тебя?

ГРАФЪ, *съ замѣшательствомъ.*

Меня?...
Гоше-Майе!.... я бѣдный клеркъ!...

(На улицѣ является Коссе, Бріонъ, Ландри, и Мошеню, закутанные въ плащи,—у одного потаенный фонарь).

ЛАНДРИ.

Вотъ здѣсь нашъ домъ: осмотримъ, какъ заборъ?

МАРГАРИТА, *прибѣгаетъ.*

На улицѣ есть люди и сюда,
Какъ кажется, идутъ....

БЛАНКА.

Ахъ! мой отецъ!...
Бѣги, бѣги скорѣе!

МАРГАРИТА, *тащитъ его.*

Пойдемте! я другой
Калиткою васъ выпущу....

ГРАФЪ.

И мнѣ
Тебя оставить?...

БЛАНКА.

Ахъ, скорѣй! когда
Меня ты любишь....

ГРАФЪ.

Такъ и быть, иду!
Но завтра я опять съ тобой увижусь,
Не правда–ль?

БЛАНКА.

Хорошо! но ради–Бога
Уйди!—

ГРАФЪ.

А поцѣлуй? хоть на прощанье!...

БЛАНКА.

Нѣтъ, нѣтъ! (*Графъ обнимаетъ ее и уходитъ за Маргаритою. Вслѣдъ за ними Бланка входитъ въ домъ. Въ это время группа рыцарей въ плащахъ собралась передъ домомъ; одинъ несетъ лѣстницу.*)

БЛАНКА, *у окна.*

Гоше Майе! Гоше Майе!... Вотъ имя,
Которое всю жизнь твердить я буду.

ЛАНДРИ.

Смотрите! вотъ она!

МОНШЕНЮ.

О! о! прелестна!

КОССЕ.

И этакой мерзавецъ, плутъ, горбунъ,
Красоткою такой владѣетъ....

БРІОНЪ.

Чудо!

ЛАНДРИ.

Что́жъ? начинайте господа! *(Бланка отходитъ отъ окна.)*

ТРЕБЕЛЬ, *тихо входитъ.*

За-чѣмъ
Сюда я воротился? Самъ не знаю!
Какая-то тоска мнѣ давитъ грудь....
Я проклятъ старикомъ!... Отъ этой мысли
Я не могу освободиться.... *(слышитъ шумъ)*. Кто идетъ?

БРІОНЪ, *прибѣгая къ другимъ.*

Бѣда! бѣда!—Требель опять пришелъ....

КОССЕ.

Такъ что́-жъ? убьемъ его! никто не видитъ....

ЛАНДРИ.

Э, полно! шуту слишкомъ много чести!
Надъ кѣмъ-же завтра будемъ мы смѣяться?
Постойте,—я устрою все!

ТРЕБЕЛЬ, *прислушиваясь.*

Здѣсь точно
Есть люди,—и тихонько говорятъ. — *(Сильно.)*
Кто тамъ?

ЛАНДРИ.

Да это ты, Требель? Молчи!
Что́ ты кричишь, глупецъ! Испортишь все.
Ты лучше помоги намъ.

ТРЕБЕЛЬ.

Въ чемъ?

ЛАНДРИ.

Неужели
Не догадался ты еще? Хитрецъ!...
Для Графа мы жену Коссе увозимъ....

ТРЕБЕЛЬ, *весело.*

Жену Коссе?... да! онъ вѣдь здѣсь живетъ!...
Прекрасно! я готовъ! я съ вами! Что́-же
Мнѣ надо дѣлать?

ЛАНДРИ.

Мы во-первыхъ въ маскахъ,
Надѣнь и ты.... *(надѣвая маску, завязываетъ глаза.)*

ТРЕБЕЛЬ.

Пожалуй! хоть напрасно;
Ночь такъ темна, что въ двухъ шагахъ безъ маски
Не видно ничего.

ЛАНДРИ.

Теперь ты намъ
Подержишь лѣстницу....

ТРЕБЕЛЬ.

Давайте! только
Я право ничего не вижу въ маскѣ....

ЛАНДРИ.

Я поведу тебя....

ТРЕБЕЛЬ.

Васъ много?

ЛАНДРИ.

Нѣтъ!
Три человѣка, дама вѣдь ужъ знаетъ
И согласилася сама вчера.

ТРЕБЕЛЬ.

Прекрасно!—такъ хлопотъ немного будетъ.

ЛАНДРИ.

Ну, господа! теперь скорѣе къ дѣлу,
Требель намъ помогаетъ....
(Рыцари всходятъ по лѣстницѣ, которую держитъ Требель, и по террассѣ входятъ въ домъ. Вскорѣ выбѣгаютъ оттуда на дворъ, сламываютъ калитку, несутъ на рукахъ Бланку, безъ чувствъ, съ завязаннымъ ртомъ. Всѣ уходятъ. Уже въ отдаленіи слышенъ голосъ Бланки. Требель все стоитъ у лѣстницы.)

БЛАНКА, *вдали.*

Помогите!

ТРЕБЕЛЬ.

Ну, что-жъ такъ долго, господа? тьфу къ чорту!
Мнѣ душно въ этой маскѣ. Что за вздоръ!
Сниму.... Какъ! *(ощупываетъ повязку.)* Это что? Повязка!... Мнѣ

Они хотѣли завязать глаза....
Гдѣ я? что это все? фонарь!
(Бѣжитъ къ оставленному фонарю, и взявъ его, осматривается съ возрастающимъ ужасомъ.)
Мой домъ!
Калитка сломана! дочь! Бланка! Бланка!
(Какъ сумасшедшій бѣжитъ въ домъ, гдѣ слышны его крики. Чрезъ минуту онъ выбѣгаетъ оттуда, таща за собою Маргариту, связанную по рукамъ и съ завязаннымъ ртомъ. Дико смотритъ онъ на все, рветъ на себѣ волосы съ глухимъ стономъ.)
Теперь все ясно!... я погибъ! смерть! смерть!
(Падаетъ безъ чувствъ.)

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТІЕ.

Пріемная зала во Дворцѣ Графа; столъ, кресла, табуреты. На-лѣво кабинетъ. Главная дверь въ срединѣ.

ЯВЛЕНІЕ I.

Собраніе рыцарей, потомъ Графъ.

ЛАНДРИ.

Смотрите-жъ, господа, когда придетъ
Требель — и виду не подайте....

БРІОНЪ.

Что?
Его еще не видно!

КОССЕ.

Нѣтъ! не скоро
Опомнится и нападетъ на-слѣдъ....
Я безъименную ему записку
Оставилъ, и сказалъ, что увожу
Его любезную за Пиринеи.

ЛАНДРИ.

Прекрасно! Графу сдѣлаемъ сюрпризъ.
По-утру я послалъ ему сказать,
Что мы нашли ему гризетку—прелесть,
И привели сюда съ ея согласья.

КОССЕ.

Вотъ для обоихъ-то свиданье!—Чудо!—
А гдѣ красавица?

ЛАНДРИ, *указывая на-лѣво.*

Все здѣсь еще!
Все плакала, рыдала — и заснула!

БРІОНЪ.

Вотъ женская натура!

МОНШЕНЮ.

Графъ идетъ!

ГРАФЪ *входитъ.*

А! господа! вы ужъ и собрались!
Заспался, виноватъ! Но мы успѣемъ
Къ обѣду два—три вепря затравить.... (*тихо Ландри.*)
А гдѣ-же дѣвушка—твоя находка?

ЛАНДРИ.

Здѣсь въ кабинетѣ, Графъ.... Сперва взгляните,
А послѣ я вамъ разскажу, какъ все
Случилося....

ГРАФЪ.

Посмотримъ. (*садится въ кресла*).

ЛАНДРИ, *выводитъ Бланку подъ вуалемъ.*

Вотъ она! (*ей*)
Да перестань дрожать и плакать: ты
Въ рукахъ владѣтельнаго Графа;—Графъ
Рожеръ передъ тобой.

БЛАНКА *бросается къ ногамъ его.*

Спасите Графъ!

ГРАФЪ.

Чей голосъ?... Господа!
(Проситъ знаками, чтобъ его оставили одного. Всѣ уходятъ.)

ЯВЛЕНІЕ II.

Графъ и Бланка.

ГРАФЪ, *быстро поднимаетъ вуаль.*

Что́ вижу? Бланка!

БЛАНКА, *отступая съ ужасомъ.*

Гоше-Майе! онъ самъ! ахъ! кто-же ты?

ГРАФЪ, *весело.*

Вотъ прелесть! вотъ нечаянность! ты, Бланка!
Нарочно-ли, случайно,—я не знаю—
Попала ты ко мнѣ, но все равно!
Я счастливъ, благодаренъ.... Обними-жъ
Меня, мой ангелъ!

БЛАНКА, *съ ужасомъ.*

Нѣтъ! Гоше-Майе,
Иль графъ, иль ктобъ ты ни былъ, пощади,
Спаси меня и сжалься надо мною.

ГРАФЪ.

Спасти и пощадить,—что́ за слова!
Давно-ли ты мнѣ нѣжно повторяла:
«Люблю тебя!» Давно-ль у ногъ твоихъ
Описывалъ тебѣ любви я сладость
И прижималъ къ трепещущей груди?
Я тотъ-же,—съ тою разницею только,
Что вмѣсто бѣднаго студента—Графъ!
Тулузскій Графъ Рожеръ!—Такъ отъ чего-жъ
Ты, Бланка, вдругъ ко мнѣ перемѣнилась
И смотришь съ ужасомъ такимъ?... Забавно!

БЛАНКА.

И онъ смѣется! Боже мой! гдѣ я?

ГРАФЪ.

Ты у меня, со мной и не спѣшишь
Въ объятья? Гдѣ-жъ любовь твоя, гдѣ чувства?
О Бланка! будь моей! любовь и наслажденье
Вотъ юности законъ, пріятнѣйшій для насъ!...
Жизнь, молодость пройдутъ,—тамъ дряхлость, разрушенье....
О доверши!... Скажи: «Да! я твоя! ты мой!»

БЛАНКА.

О, сладкія мечты мои! Гдѣ вы?
Гоше-Мойе.... Уже-ли это онъ?

ГРАФЪ.

Ужли ты думала, что я одинъ изъ тѣхъ
Любовниковъ, плаксивыхъ и несчастныхъ,
Которые вѣкъ цѣлый все вздыхаютъ
И взгляды страстные украдкой посылаютъ.
Все это хорошо для новичка,—
Но я довольно опытенъ, мой ангелъ....

БЛАНКА.

Прочь! прочь! оставь меня! ты мнѣ ужасенъ.

ГРАФЪ.

Не вѣрю.—Я понравился тебѣ
Въ костюмѣ бѣдняка; ужель я хуже
Теперь, когда я въ графа превратился?

БЛАНКА, *съ достоинствомъ.*

Я равнаго себѣ могла любить:
Онъ могъ свою судьбу съ моей соединить....
Но вы, вы—графъ!

ГРАФЪ.

Такъ что́жъ? Я такъ-же буду
Любить тебя и пламенно и страстно....

БЛАНКА.

А мнѣ любовницей быть вашей, Графъ?
Какая низость!...

ГРАФЪ.

Бланка! ты спѣсива!

БЛАНКА.

Когда вы—Графъ Тулузскій, нашъ владѣтель,
То защитить меня теперь должны,—
Отмстить за наглое насильство, похищенье,
И возвратить меня отцу!

ГРАФЪ.

Отцу?—
Но твой отецъ—мой шутъ, придворный шутъ....
Онъ рабъ, онъ мой и тѣломъ и душою,—
Я прикажу ему—и ты моя!

БЛАНКА.

О, Боже!... Бѣдный мой отецъ! теперь
Я всѣ слова его и слезы понимаю!
Кто-жъ защититъ меня? мой Богъ! я погибаю! *(плачетъ.)*

ГРАФЪ.

О перестань, не плачь, мой милый ангелъ!...
Я буду вѣчно твой защитникъ, другъ,
Любовникъ вѣрный, пламенный, нѣжнѣйшій....
Смотри, вотъ я опять у ногъ твоихъ!...

БЛАНКА.

Нѣтъ, прочь! оставь меня! ты ужъ не тотъ.

ГРАФЪ.

Все тотъ-же, Бланка! съ тою-же любовью,
Съ той сильной страстью.... Обними меня!
Скажи по прежнему: «Рожеръ! люблю тебя»!

БЛАНКА.

Нѣтъ! Кончено! ты не Гоше-Майе!
Ахъ! я того любила,—и еще
Теперь люблю, но графъ, графъ мнѣ ужасенъ.

ГРАФЪ.

Ребячество, капризъ, прелестный, милый!...
Брось этотъ вздоръ, и поцѣлуй меня *(стараясь обнять.)*
Я твой, а ты моя!... О, не противься?

БЛАНКА.

Нѣтъ, никогда!

ГРАФЪ.

Шалунья!—ты вѣдь здѣсь
Со мною, у меня,—къ чему-жъ сопротивленья?

БЛАНКА.

Ахъ, помогите!

ГРАФЪ.

Перестань кричать!
Кто-жъ смѣетъ здѣсь услышать, помѣшать?

БЛАНКА.

Несчастная!... нѣтъ, нѣтъ! пусти меня!

(Вырывается и убѣгаетъ въ кабинетъ на-лѣво.)

ГРАФЪ.

Прекрасно! Тамъ-то ты ужъ не уйдешь....

Какъ? заперлась задвижкой? не поможетъ
И это,—у меня есть ходъ другой....
(Идетъ въ среднюю дверь, но вдругъ Ландри съ поспѣшностью входитъ.)

ЯВЛЕНІЕ III.

Графъ, Ландри, *въ глубинѣ театра рыцари, потомъ* Требель.

ЛАНДРИ.

Несчастье, Графъ! я съ вѣстью непріятной....
Но гдѣ-же Бланка?

ГРАФЪ, *указывая на кабинетъ.*

Заперлася тамъ!
Но что случилось! ты разстроенъ, блѣденъ!

ЛАНДРИ.

Несчастье!... всѣ мы такъ поражены....

ГРАФЪ.

Что! Говори скорѣе....

ЛАНДРИ.

Сентъ-Аманъ
Потребовалъ послѣдняго свиданья
Съ своею дочерью: она явилась, —
И онъ кинжаломъ грудь ея пронзилъ.
(Всеобщее молчаніе).

ГРАФЪ.

Безумный!... Что-жъ?... его схватили?...

ЛАНДРИ.

Нѣтъ!
И подойти никто не смѣлъ. Онъ самъ
Сказалъ спокойно стражамъ: «Что-же вы
Стоите? Я свиданіе окончилъ
И возвращаюся въ темницу; вы-же,
Вассалы Графа, повторите мой
Вопросъ ему: «Что, скоро-ль казнь моя?»

ГРАФЪ.

Ужасно!... Нѣтъ-ли средствъ спасти?
Гдѣ докторъ? Можетъ-быть, ударъ скользнулъ....

Скорѣй пойдемте.... За Луве пошлите.
(Быстро уходитъ. Рыцари, стоявшіе въ глубинѣ, подходятъ на авант-сцену).

КОССЕ.

Что Графъ? разсчетъ твой кажется не вѣренъ,
И обольщенье плодъ кровавый принесло!

БРІОНЪ.

Да! будетъ памятенъ ему урокъ.

МОНШЕНЮ.

И Бланку позабылъ.

ЛАНДРИ.

Не до нея
Теперь.... Постойте господа, молчите!
Требель идетъ.

КОССЕ.

Ну, этотъ не заколетъ
Дочь за безчестіе.... Надъ нимъ мы можемъ
Смѣяться и шутить.
(Требель входитъ съ беззаботнымъ видомъ и старается скрыть свое ужасное состояніе. Одна блѣдность и блуждающіе взоры измѣняютъ ему. Въ продолженіе всей сцены онъ вездѣ неприлѣтно осматриваетъ).

ТРЕБЕЛЬ *(про-себя)*.

А вотъ и всѣ!
Собраніе губителей сполна.

КОССЕ.

Требель! Здорово другъ *(бьетъ его по плечу)*

БРІОНЪ.

Здорово братъ! *(тоже)*

МОНШЕНЮ.

Что поздно такъ пришелъ? Графъ по тебѣ
Соскучился. *(Тоже бьетъ по плечу)*

ТРЕБЕЛЬ.

А я по васъ. *(въ сторону)* Всѣ вмѣстѣ!
Всѣ въ заговорѣ были.... На лицахъ ихъ
Весь подлый замыслъ отпечатанъ....

ЛАНДРИ.

Что
Не въ духѣ ты Требель?

ТРЕБЕЛЬ.

Я? нѣтъ! напротивъ!

КОССЕ.

Что новенькаго въ городѣ?

ТРЕБЕЛЬ.

Не много.
Вѣдь все, что ново, глупо и смѣшно—
Все между вами, господа.... *(про-себя)* Куда
Успѣли скрыть ее? Спросить у нихъ?
Нѣтъ! надо-мной они смѣяться будутъ.

КОССЕ.

Да полно про-себя ворчать. Скажи
И намъ, что не слыхалъ-ли ты
Чего забавнаго, веселаго?

ТРЕБЕЛЬ.

Когда
Коссе сердитъ—довольно онъ забавенъ,
Когдажъ смѣется,—чрезвычайно глупъ.
(Во все продолженіе этой сцены рыцари между собою смѣются).

БРІОНЪ.

Ты что-то молчаливъ, угрюмъ.... скажи
Не простудился-ли—мы за Луве
Пошлемъ.

ТРЕБЕЛЬ.

Простые люди,—къ намъ простуда
Не пристаетъ; она наслѣдство знатныхъ.
Вотъ напримѣръ я за Ландри вчера
Боялся очень *(ему въ полголоса)* Помнишь ночь....

ЛАНДРИ.

Напрасно!
Я съ вечера залегъ, всю ночь проспалъ
И здоровешенекъ и свѣжъ, какъ рыба.

ТРЕБЕЛЬ.

Всю ночь?... да, кажется, тебя я видѣлъ....

ЛАНДРИ.

Меня?—никакъ воснѣ?—я говорю,
Что рано легъ вчера и спалъ чудесно!

ТРЕБЕЛЬ.

И то быть можетъ,—мнѣ приснилось!...

БРІОНЪ.

Что?

Пожалуста намъ разскажи; ужъ вѣрно
Прекрасный сонъ!
(Требель увидя платокъ, оставленный Графомъ на столѣ, бросается къ нему и разсматриваетъ).
Э! что ты тамъ нашелъ?

ТРЕБЕЛЬ.

Нѣтъ! не ея!

КОССЕ, *Бріону.*

Ты правъ! онъ простудился,
Знать насморкъ у него, что онъ къ платку
Такъ бросился.... *(Всѣ хохочутъ).*

ТРЕБЕЛЬ *про-себя.*

Ландри все что-то бродитъ
У этой двери.... Ахъ! не тамъ-ли Бланка?
(Идетъ къ кабинету).

ЛАНДРИ.

Куда ты?

ТРЕБЕЛЬ.

Въ кабинетъ.

ЛАНДРИ.

Пошелъ! Нельзя!
Графъ важнымъ дѣломъ занятъ.

ТРЕБЕЛЬ.

Ну такъ что-жъ?
Я развѣ помѣшаю?

ЛАНДРИ.

....Не велѣлъ
Впускать къ себѣ....

ПАЖЪ, *входя.*

Графъ приказалъ сей-часъ,
Чтобы охоту отложить до завтра *(уходитъ)*
(Два рыцаря уходятъ также, чтобы исполнить приказаніе).

ТРЕБЕЛЬ.

Такъ господинъ Ландри шутилъ со мною;
Графъ и не здѣсь, не въ кабинетѣ.... *(Идетъ туда).*

ЛАНДРИ.

Прочь!
Ты слышишь-ли, нельзя! Какія шутки?...

ТРЕБЕЛЬ, *съ яростью.*

Нельзя?—такъ *здѣсь она*, здѣсь, здѣсь!

ВСѢ.

Кто? кто?

ТРЕБЕЛЬ.

Здѣсь! О, вы знаете! Къ чему притворство?
Отдайте мнѣ ее, отдайте!

ЛАНДРИ.

Онъ
Съ ума сошелъ. Кого ты потерялъ?
Кого здѣсь ищешь?

ТРЕБЕЛЬ.

Бланку!

КОССЕ.

Кто она?
Твоя любовница, жена?...

ТРЕБЕЛЬ, *съ ужасною силою.*

Дочь! дочь!

ВСѢ, *съ изумленіемъ отступая.*

Какъ? дочь его?...

ТРЕБЕЛЬ.

Да дочь!... Что-жъ не смѣетесь?
Чемужъ вы удивляетесь! Тому-ли,
Что и у шута дочь есть?—Злое племя!
Забыли развѣ вы, что дѣти есть
У тигровъ, у волковъ, и даже у несчастныхъ?
Отдайте-жъ мнѣ ее! Отдайте! или силой
Я отниму ее....
(*Бросается къ кабинету, но всѣ рыцари защищаютъ дверь и отталкиваютъ его*).
Нѣтъ силъ! Злодѣи!
Разбойники! Бандиты! есть-ли въ васъ
Хоть искра чувства, совѣсти и чести?
Ахъ! что я говорю? корысть и злато—
Вотъ вашъ законъ, и Богъ, и стыдъ, и честь!
Но что-жъ съ меня вы взять хотите? Что?—

Вѣдь вамъ судьба дала на свѣтѣ все—
И пышность, и чины, и почести, и злато,
Все, все!—а у меня въ замѣнъ всего
Была лишь дочь! ужель вы и ее
Отнять хотите *(молчаніе)* Чтóжъ? я жду! Отдайте!...
(Съ возрастающею яростью).
Отдайте дочь! Злодѣйская толпа!
Ужель отчаянья не знаете вы силы?
Вы рыцари, бойцы, — я рабъ простой....
У васъ мечи есть, копья, и кинжалы—
Я безоруженъ! Только руки есть
И когти, когти тигра! Отворите
Мнѣ эту дверь! Отдайте дочь! дочь! дочь!
(Съ бѣшенствомъ отчаянія бросается къ двери, борется со всею толпою, но рыцари, преодолѣвая его, влекутъ по полу на авансцену и бросаютъ.)
Всѣ противъ одного!... Вотъ рыцарская честь!
Какъ низко, гнусно, какъ безчеловѣчно! *(Плачетъ).*

МОНШЕНЮ, *тронутый.*

Ландри! Онъ плачетъ!

ТРЕБЕЛЬ.

Да! я плачу, плачу!
Есть Богъ, и Онъ отмститъ вамъ за меня!
(Молчаніе).
Послушайте!—быть-можетъ я васъ злостью
И шутками всѣхъ оскорбилъ, быть-можетъ,
Вы шута бѣднаго убить хотите?...
Ну, такъ и быть!—отдайте только дочь
И на груди ея пожалуй умертвите!...
Чтожъ? вы безмолвны? не хотите? Люди!
Я кровь, я жизнь даю,—и вамъ все мало!
Нѣтъ силъ! Не знаю, что́ и говорить.

БРІОНЪ, *тихо Ландри.*

Что́, если мы отпустимъ Бланку?

ЛАНДРИ, *довольно громко.*

Графъ
Самъ отпуститъ....

ТРЕБЕЛЬ, *услыша.*

Да! онъ отпуститъ! Да!

Когда исполнится вся мѣра злодѣянья,
Дочь! Бланка! Бланка! голосъ мой
Ужель къ тебѣ не достигаетъ? Бланка!
(Дверь кабинета отпирается и Бланка съ крикомъ бросается въ объятія отца.)

БЛАНКА.

Я здѣсь, здѣсь! на груди твоей!

ТРЕБЕЛЬ.

Ты, дочь!
Дитя мое! мой ангелъ!... Отъ восторга
Я плачу. *(рыдаетъ)* Боже мой! благодарю,
Благодарю Тебя!

БЛАНКА, *съ ужасомъ осматривается.*

Пойдемъ, пойдемъ!
Домой! мнѣ страшно здѣсь....

ТРЕБЕЛЬ.

Да, да! скорѣй!
Тамъ ты разскажешь мнѣ....

БЛАНКА.

Все разскажу....
Пойдемъ скорѣй *(Толпа рыцарей загораживаетъ дорогу.)*

ЛАНДРИ.

Вы подождите Графа,
Онъ долженъ быть сей-часъ.

ТРЕБЕЛЬ, *съ достоинствомъ и силою.*

Съ дороги прочь!
Противу дочери съ отцомъ насильство
Употребитъ одинъ *безчестный* рыцарь.
Ктожъ такъ изъ васъ безчестенъ, низокъ будетъ!
Нѣтъ, нѣтъ! И всѣ, кому законы чести,
И божескіе, и природы святы,
Всѣ съ уваженьемъ намъ дадутъ дорогу....
(Идетъ, всѣ раздаются. Въ дверяхъ онъ останавливается.)
Скажите Графу, что за дочь мою
Я не возьму придворной платы.... Честь
Священна въ хижинѣ уединенной,
Въ груди раба, подъ кровлей бѣдняка,
Священна подъ одеждою смиренной, —
И нищему въ лохмотьяхъ дорога.

И если на нее кто посягаетъ,
Кто дерзостно святыню оскорбляетъ,
Тому иль здѣсь — обиженная месть,
Иль тамъ, на небесахъ — каратель есть!

(Уходятъ. Группа. Занавѣсъ опускается.)

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Отдаленное предмѣстье Тулузы. Вдали рѣка. На-право бѣдный трактиръ въ два этажа. Въ нижнемъ комната для посѣтителей, а въ верхнемъ спальня у чердака. Внутренность ихъ обращена къ зрителямъ. Изъ нижней комнаты въ верхнюю ведетъ лѣстница. Внизу столъ, стулья. Остальная половина театра пустая улица. Вечеръ.

ЯВЛЕНІЕ I.

ТРЕБЕЛЬ и БЛАНКА, *на улицѣ.* РЕВЕЛЬЯТТИ, *въ нижней комнатѣ, сидитъ у стола и чиститъ шпагу.*

ТРЕБЕЛЬ.

Сядь здѣсь и отдохни, мой другъ... (*Сажаетъ ее на камень.*)

БЛАНКА.

Когда-же
Уѣдемъ мы отсюда?

ТРЕБЕЛЬ, *мрачно.*

Скоро, скоро!...
Да перестань! Не плачь! Къ чему тутъ слезы?
Я не виню тебя, не упрекаю....
Ты слабое созданье.... Я, *одинъ*
Я виноватъ!... Тебя я Маргаритѣ
Повѣрилъ,—и забылъ, что власть и деньги
Всѣ двери отворяютъ.... Я забылъ,
Что страсть, мечтательность — въ уединеньи
Еще опаснѣе, чѣмъ на свободѣ....

Я виноватъ одинъ.... И ты его
Еще все любишь, Бланка?

БЛАНКА.

Да! люблю!

ТРЕБЕЛЬ.

Все любишь!... Цѣлый мѣсяцъ, Бланка, далъ
Тебѣ я сроку, чтобъ забыть его,
Чтобы отъ страсти излѣлиться....

БЛАНКА.

Мало!...
Я все люблю его!

ТРЕБЕЛЬ.

Не постижимо!
Онъ обманулъ тебя, повергъ въ несчастье, —
Стыдъ, горесть, слезы далъ тебѣ въ удѣлъ....
Отца нѣжнѣйшаго ты для него
Забыла, обманула.... Виноватъ!
Я слово далъ не упрекать тебя....
Но убѣдить тебя я *долженъ*, Бланка, —
И ты свою любовь забыть *должна*....

БЛАНКА.

Нѣтъ! умирая, буду я любить!...
Прости меня, родитель!... Что́жъ мнѣ дѣлать?...
Я не могу его забыть.... Прости!...

ТРЕБЕЛЬ.

Я и тогда тебя, дитя мое, простилъ,
Когда въ невинности чистосердечной
Ты мнѣ призналась въ гибели своей....
Съ тобой я вмѣстѣ плакалъ — и простилъ....
Простилъ *тебя*,—но не простилъ *злодѣя*,
И день расчета близокъ для него.

БЛАНКА.

Ты и ему простилъ.... Все это время
Ты былъ такъ ласковъ съ нимъ....

ТРЕБЕЛЬ.

О! ты не знаешь,
Какъ слабыхъ месть притворствовать должна!
Какой должна личиной прикрываться,
Чтобы своей достигнуть тайной цѣли!

Нѣтъ! мой расчетъ не конченъ съ нимъ! Нѣтъ! скоро
Потребую кровавой я расплаты....
Ты мнѣ одна мѣшаешь, Бланка!... Да!
Безъ твоего согласья, не хочу
Я мстить ему—и для того далъ сроку,
Чтобъ отъ любви могла ты исцѣлиться....

БЛАНКА.

Но ты привелъ меня сюда за тѣмъ,
Чтобъ доказать его ко мнѣ невѣрность....

ТРЕБЕЛЬ.

Увидишь и услышишь все сама.

БЛАНКА.

И не повѣрю.... Нѣтъ! меня онъ любитъ!
Еще вчера онъ въ этомъ мнѣ клялся....

ТРЕБЕЛЬ.

Вчера!... Клялся!... Обманъ и ослѣпленье!
Но если убѣдишься ты сама,
Когда увидишь и услышишь все,
Тогда ты дашь-ли волю мнѣ отмстить?

БЛАНКА.

Тогда!... пожалуй!.... Но не можетъ быть....

ТРЕБЕЛЬ.

Не можетъ быть!... Поди-жъ сюда, смотри!
(Подводитъ ее къ трактиру, гдѣ сквозь трещины можно видѣть все, внутри происходящее, и сажаетъ ее на скамью.)

ЯВЛЕНІЕ II.

Въ нижнюю комнату входитъ изъ боковой двери **Графъ**, *въ одеждѣ простаго офицера.*

БЛАНКА.

Что вижу?—Это онъ!

ТРЕБЕЛЬ.

Молчи и слушай.

(Во все время слѣдующаго разговора, Бланка безмолвно смотритъ на происходящее, только изрѣдка выражая жестами мучительность своихъ чувствъ.)

ГРАФЪ, *бьетъ по плечу Ревельятти.*

Здорово, другъ!

РЕВЕЛЬЯТТИ.

А, капитанъ, здорово!
Давно вы не были у насъ.

ГРАФЪ.

Да что
Здѣсь дѣлать?... Я влюбленъ въ твою сестру
И вижусь часто съ нею, да не здѣсь....
Сегодня только мнѣ она шепнула,
Чтобъ я сюда пришелъ...,

РЕВЕЛЬЯТТИ.

Но я надѣюсь,
Что волокитство ваше съ честной цѣлью....
Не то, — я самъ солдатъ, и не люблю
Шутить....

ГРАФЪ.

Не безпокойся,—съ лучшей цѣлью!...
Теперь подай вина и позови
Сестру....

РЕВЕЛЬЯТТИ.

Сей часъ!... Вотъ вамъ вино.... а вотъ
И Терезина.... *(Она входитъ)* Вотъ твой гость, сестра!..
Онъ говоритъ, что ты его звала....

ТЕРЕЗИНА.

Да! онъ сказалъ мнѣ, что весь этотъ вечеръ
Не знаетъ гдѣ провесть.... такъ я его
Въ трактиръ нашъ пригласила....

ГРАФЪ.

Я и пришелъ,
А ты за это, Терезина, вѣрно,
Дашь поцѣлуй мнѣ.
(Беретъ ее за талію, но она увертывается и показываетъ на брата.)
Знаешь-ли, что, другъ?
Почисти-ко свою ты шпагу — тамъ
Хоть въ ближней комнатѣ.... ну, право лучше
Она и чище будетъ....

РЕВЕЛЬЯТТИ.

Въ-самомъ-дѣлѣ?
Пожалуй, я пойду....

(Выходитъ на улицу, сходится съ Требелемъ и шепчется съ нимъ, указывая на верхній этажъ. Требель, оставя его, подходитъ къ дочери и останавливается.)

ГРАФЪ.

Ну, слава Богу,—
Мы наконецъ одни.... Теперь надѣюсь,
Ты не откажешь въ поцѣлуѣ?...

ТЕРЕЗИНА.

Нѣтъ,
Напротивъ откажу! — На-единѣ
И надо опасаться васъ мужчинъ....
Вы всѣ обманщики, злодѣи....

ГРАФЪ.

Полно!
Я вовсе не злодѣй; — влюбленъ въ тебя,
И только! —

ТЕРЕЗИНА.

Ты влюбленъ? о! у тебя
И взглядъ такой злодѣйской!

ГРАФЪ.

Я клянусь
Твоею красотой!... Что въ свѣтѣ есть
Прелестнѣе тебя?... Вотъ скоро мѣсяцъ,
Какъ шутъ Требель мнѣ показалъ тебя....
И я съ тѣхъ поръ влюбленъ, горю и таю,
Съ ума схожу, — и все безъ пользы, — ты
Со мною такъ сурово поступаешь, —
Такъ холодна.... Ну, поцѣлуй-же!...

ТЕРЕЗИНА.

Нѣтъ!
Ты прежде мнѣ признайся: сколькихъ ты
Ужъ обманулъ?

ГРАФЪ.

Ну, право — ни одной!
Обманывать вѣдь можно только *тѣхъ*,
Которыхъ любишь, — а клянусь тебѣ—

Я не любилъ еще ни разу въ жизни.
Ты первая!...

ТЕРЕЗИНА.

Не вѣрю....

ГРАФЪ *даетъ ей перстень.*

Этотъ перстень
Не можетъ-ли тебя увѣрить?

ТЕРЕЗИНА.

— Какъ?
За деньги ищешь ты любви?—стыдися!
Я бѣдная трактирщица, танцорка,
Но чувствъ своихъ не продаю.

ГРАФЪ.

Ты ангелъ!
Я испытать тебя хотѣлъ. Теперь
Я твой на-вѣкъ!—Ну помиримся-жъ!... ручку!
Вотъ такъ!... и поцѣлуй!... какъ ты прелестна!

БЛАНКА *отходитъ.*

Нѣтъ! болѣе не въ-силахъ видѣть, слышать
Измѣну и обманъ!... О, мой отецъ!
Ты правъ, ты правъ во всемъ.... Прости меня!
Теперь я чувствую, какъ много я
Виновна....

ТРЕБЕЛЬ.

Я тебя давно простилъ....
Но тише.... Замолчи.—Не плачь.... Скажи мнѣ,
Могу-ли мстить я за тебя?

БЛАНКА

Ахъ! дѣлай
Что хочешь....

ТРЕБЕЛЬ.

Дочь! благодарю тебя.
Теперь мнѣ стало легче.

БЛАНКА.

Какъ ты страшенъ!
Скажи мнѣ, что ты хочешь предпринять?

ТРЕБЕЛЬ.

Отмстить!—Готово все давно.... я ждалъ
Лишь твоего согласья.... Послушай....

Ступай въ нашъ домъ.... тамъ въ сундукѣ найдешь
Ты для себя мужское платье.... я
Все приготовилъ тамъ.... переодѣнься,
Пройди въ садовую калитку,—тамъ
Ждетъ проводникъ и верховая лошадь....
Скачи въ Наварру.... На границѣ жди
Меня два дни.... и я къ тебѣ явлюсь....
Возьми съ собою полный кошелекъ,
А остальное самъ я привезу, —
Прощай.... но заклинаю.... и прошу,
Не смѣй сюда ужъ больше возвращаться....

БЛАНКА, *умоляющимъ голосомъ.*

Пойдемъ со мною....

ТРЕБЕЛЬ.

Нѣтъ, нѣтъ! Мнѣ должно здѣсь
Расчетъ послѣдній кончить.... Богъ съ тобой,
Мое дитя, мой другъ! Прости! ступай!
(Провожаетъ ее за кулисы, потомъ возвращается къ Ревельятти.)

ЯВЛЕНІЕ III.

ТРЕБЕЛЬ, РЕВЕЛЬЯТТИ, *на улицѣ.* ГРАФЪ *и* ТЕРЕЗИНА, *въ нижней комнатѣ.*

ТРЕБЕЛЬ.

Въ твоихъ-ли онъ рукахъ?

РЕВЕЛЬЯТТИ.

Въ моихъ.

ТРЕБЕЛЬ.

И сколько
Ты за него возмешь?

РЕВЕЛЬЯТТИ.

Я ужъ сказалъ,
Что за двадцать червонныхъ—я готовъ.

ТРЕБЕЛЬ.

Согласенъ я. — Смотри-жъ, будь вѣренъ слову....
Вотъ и задатокъ....

РЕВЕЛЬЯТТИ.

Половина?

ТРЕБЕЛЬ.

Да!
Какъ мы условились.... Когда-жъ принесть
Мнѣ остальное?....

РЕВЕЛЬЯТТИ.

Въ полночь!... Жду тебя.

ТРЕБЕЛЬ.

И все готово будетъ?

РЕВЕЛЬЯТТИ.

Непремѣнно.

ТРЕБЕЛЬ.

И въ воду бросимъ мы его въ мѣшкѣ?

РЕВЕЛЬЯТТИ.

Къ чему-жъ тебѣ трудиться? Я одинъ
Могу все сдѣлать....

ТРЕБЕЛЬ, *съ жаромъ.*

Нѣтъ! мнѣ, мнѣ отдай!

РЕВЕЛЬЯТТИ.

Ну, какъ угодно.... Не о чемъ и спорить.

ТРЕБЕЛЬ.

Смотри-же, въ полночь.

РЕВЕЛЬЯТТИ.

О! повѣрь, пріятель!
Я аккуратенъ.—До свиданья!... Какъ
Зовутъ *его*?...

ТРЕБЕЛЬ.

На что тебѣ?

РЕВЕЛЬЯТТИ.

Да, такъ....
Для любопытства списокъ я веду....

ТРЕБЕЛЬ

Такъ запиши-же имена обоихъ....
Онъ—преступленіе,—а я—отмщенье! (*Уходитъ.*)

ЯВЛЕНІЕ IV.

Тѣже *безъ* Требеля.

РЕВЕЛЬЯТТИ.

Какъ ночь темна! а! и гроза подходитъ.... (*Громъ гремитъ.*)
Ужъ каплетъ дождь.... Тѣмъ лучше.... нашъ пріятель
Останется въ трактирѣ ночевать....
Однакожъ.... я-бъ желалъ изъ любопытства
Узнать, за что онъ долженъ умереть?
Тотъ тамъ волочится за Терезиной,
А этотъ за *другую* подрядилъ....
Не разберешь.... Какіе чудаки!
А впрочемъ—мнѣ какое дѣло! (*Идетъ въ домъ.*)

ТЕРЕЗИНА, *освобождаясь отъ Графа.*

Полно!
Какой ты хитрой!... Поцѣлуй *одинъ*
Просилъ, а взялъ ихъ сколько!

ГРАФЪ.

Что за счетъ!...

ТЕРЕЗИНА.

Тсъ! мой братъ идетъ.... (*Ревельятти входитъ.*)

ГРАФЪ.

Что скажешь, другъ? За-чѣмъ?

РЕВЕЛЬЯТТИ.

Сказать вамъ, что ужъ поздно на дворѣ....
Что началась гроза,—дождь ливмя льетъ....
Такъ вы-бъ подумали....

ГРАФЪ.

Мнѣ что за дѣло!
Я здѣсь и ночевать останусь... Гдѣ
Положишь ты меня?...

РЕВЕЛЬЯТТИ.

Тамъ на-верху!...
Свѣжо немножко, правда,—вѣтеръ дуетъ....

ГРАФЪ.

Э! я солдатъ!... мнѣ все равно.... А сонъ,
Не знаю отъ чего, а сильно клонитъ....

РЕВЕЛЬЯТТИ, *про-себя.*

За то *я* знаю.... Этимъ средствомъ мнѣ
Гораздо легче справиться съ тобою....

ГРАФЪ.

Ну, не ворчи.... Я заплачу....

РЕВЕЛЬЯТТИ.

Вотъ вздоръ!
О вашихъ деньгахъ право я не думалъ....
Пойдемте... я васъ самъ сведу на-верхъ....

ГРАФЪ.

Пойдемъ.... ты, Терезина, на разсвѣтѣ
Смотри-же, — разбуди меня

РЕВЕЛЬЯТТИ, *про-себя.*

Бѣднякъ!
Мнѣ очень жаль его.... (*Ему.*) Прощай!

ГРАФЪ, *идя по лѣстницѣ.*

Прощай! (*Осматриваясь*).
Ну, мебель очень скромная.... окно
Безъ стеколъ.... не заспишься тутъ.

РЕВЕЛЬЯТТИ, *сквозь зубы.*

Какъ знать!...
Спокойной ночи!...

ГРАФЪ.

Только дождь пройдетъ, —
Вели ты разбудить меня сестрѣ....
Мнѣ надо рано въ караулъ.... смотри-жъ....

РЕВЕЛЬЯТТИ.

Спокойной ночи! (*Сходитъ внизъ*).

ГРАФЪ, *одинъ на-верху.*

Что́ за странность!... Сонъ
Совсѣмъ меня одолѣваетъ.... я
Вина не много пилъ.... прескверное вино!...
Какой-то странный вкусъ.... Нѣтъ! вонъ отсюда!...
Я глупо сдѣлалъ, что пришелъ.... меня
Вездѣ отыскиваютъ, вѣрно.... глупо!... (*Ложится*).
Ахъ! Что́-то Бланка дѣлаетъ теперь?
Я передъ нею очень-виноватъ....

Но я вину исправлю,—и сюда
Ужъ больше ни ногой.... Сонъ.... спать.... Ахъ, Бланка!...
(Засыпаетъ).

ТЕРЕЗИНА, *брату.*

Какъ ловокъ и хорошъ собой нашъ гость!
Неправда-ль, братецъ?

РЕВЕЛЬЯТТИ.

Мнѣ какое дѣло! —
Вѣдь я не женщина.... Я знаю только,
Что двадцать за него червонныхъ я
Сего-дня получу.

ТЕРЕЗИНА.

Онъ больше стóитъ!

РЕВЕЛЬЯТТИ.

Я самъ вѣдь цѣну объявилъ,—а тотъ
Не торговался.... *(Молчаніе).* Я хоть и увѣренъ,
Что онъ спитъ крѣпко,—но сходи, возьми
И принеси сюда его ты шпагу....
(Терезина со свѣчею идетъ на-верхъ, беретъ шпагу Графа и смотритъ на спящаго съ участіемъ. Буря свирѣпствуетъ во всей своей силѣ).

ТЕРЕЗИНА.

Какъ жаль!... онъ спитъ,—а скоро.... нѣтъ, ужасно!
(Медленно сходитъ и отдаетъ брату шпагу.)

ЯВЛЕНІЕ V.

ТѢЖЕ, *и* БЛАНКА, *въ мужскомъ платьѣ.*

БЛАНКА.

Я не могла противиться влеченью....
И воротилась.... Боже! что здѣсь будетъ!...
Рожеръ остался.... и теперь, быть-можетъ,
Въ объятіяхъ другой.... А мой отецъ....
Такъ страшенъ, такъ угрюмъ.... Онъ хочетъ мстить!
Какая-жъ польза *мнѣ*?—Какое мщенье
Мнѣ возвратитъ покой мой, честь, любовь?
Любовь Рожера!... О Рожеръ, Рожеръ!
Гдѣ-жъ всѣ обѣты, клятвы, увѣренья?

О Боже, Боже мой!—иль *все* обманъ?...
Иль какъ пожаръ ужасный—наши страсти
Намъ оставляютъ только горькой дымъ,
Печальныя развалины и пепелъ, —
А часто даже смерть?... Итакъ, Рожеръ
Меня не любитъ!... Голова моя
Горитъ!... И въ ней мракъ, буря, какъ въ природѣ!
И я въ такую ночь одна—и смѣю
По улицамъ ходить!... Куда дѣвались
И робость, и боязнь — отца прогнѣвать?...
Нѣтъ! Я хочу все знать и видѣть, что́
Предпринимаютъ здѣсь.... У нихъ огонь
Еще горитъ.... послушаю.... гдѣ-жъ онъ?...
Гдѣ мой Рожеръ!

РЕВЕЛЬЯТТИ.

Какая ночь!

ТЕРЕЗИНА.

И громъ,
И дождь....

РЕВЕЛЬЯТТИ.

Сего-дня, вѣрно, къ намъ никто
Не завернетъ....

ТЕРЕЗИНА.

Никто.... Послушай, братецъ....

РЕВЕЛЬЯТТИ.

Что́?

ТЕРЕЗИНА.

Знаешь-ли?

РЕВЕЛЬЯТТИ.

Ну что́?

ТЕРЕЗИНА.

Да не сердись....

РЕВЕЛЬЯТТИ

Ну, будетъ-ли конецъ?

ТЕРЕЗИНА.

Нашъ гость такъ молодъ,
Хорошъ и щедръ.... не убивай его....

БЛАНКА.

Творецъ!... убійство!

РЕВЕЛЬЯТТИ.

Ну, твое-ли дѣло? *(Вытаскиваетъ мѣшокъ).*
На-вотъ мѣшокъ, возьми и сшей....

ТЕРЕЗИНА.

На что-же?

РЕВЕЛЬЯТТИ.

А чтобъ ловчѣе гостя бросить въ воду,
Когда убью его....

ТЕРЕЗИНА.

Нельзя-ли, братецъ?...

РЕВЕЛЬЯТТИ.

Э, полно! Глупая! Къ чему тутъ жалость?
Вѣдь надожъ деньги доставать....

ТЕРЕЗИНА.

Нашъ гость
Вѣдь ничего тебѣ не сдѣлалъ?...

РЕВЕЛЬЯТТИ.

Нѣтъ!

ТЕРЕЗИНА.

Такъ неужли тебѣ его не жаль?

РЕВЕЛЬЯТТИ.

Нѣть!—Двадцать я червонныхъ получу,
И больше ничего не знаю....

ТЕРЕЗИНА.

Ты
Всѣ деньги получилъ?

РЕВЕЛЬЯТТИ.

Нѣтъ!—половину.
Другую-жъ въ полночь принесетъ....—и я
Ему отдать убитаго обязанъ.

ТЕРЕЗИНА.

Такъ знаешь что?... убей ты горбуна,
Какъ онъ придетъ, возьми свои червонцы,
А молодаго отпусти.

БЛАНКА.

Злодѣи!
Какъ! моего отца?

РЕВЕЛЬЯТТИ.

Какъ смѣешь ты
Мнѣ предлагать такой поступокъ подлый!
Я развѣ воръ?—Чтобъ я убилъ того,
Кто платитъ мнѣ, кто подрядилъ меня!...

ТЕРЕЗИНА.

Ну, что-нибудь придумай, братецъ,—только
Не убивай его.

РЕВЕЛЬЯТТИ.

Какъ ты смѣшна, сестра!
А двадцать-то червонныхъ?...

БЛАНКА.

О! ужасно!
Ахъ, какъ мнѣ холодно!... промокла я....

ТЕРЕЗИНА.

Какъ хочешь,—только я не дамъ его
Убить.... пойду и разбужу его....

РЕВЕЛЬЯТТИ.

Да что съ тобой!—никакъ ты влюблена
Въ него?—никакъ съ ума сошла сего-дня?...
(Хочетъ итти на верхъ,—но она заграждаетъ ему дорогу).
Послушай.... ты глупа—и я-бы долженъ
Связать тебя и бросить здѣсь.... Но вотъ
Что вздумалъ я.... Теперь ужъ скоро полночь....
Когда въ трактиръ до-тѣхъ-поръ кто зайдетъ,
То я пожалуй помѣняюсь.... ты
Спасешь любовника, а я убью
Того, кого судьба сама предастъ мнѣ....
Когда-жъ придетъ горбунъ,—то мы
Ему прохожаго сдадимъ.... Въ потемкахъ
Не разберетъ и въ море броситъ.... Хочешь?
Согласна-ль ты на это?

ТЕРЕЗИНА.

Такъ и быть....

РЕВЕЛЬЯТТИ.

Смотри-жъ.... теперь ты больше не мѣшайся....
Когда никто къ намъ не зайдетъ, то гостю
Не миновать своей судьбы....

ТЕРЕЗИНА.

Но кто
Въ такую ночь заглянетъ въ нашъ трактиръ?

РЕВЕЛЬЯТТИ.

Кого сама судьба назначитъ.... я
Ужъ больше сдѣлать не могу.

БЛАНКА.

О Боже!
Внуши, наставь меня.... нѣтъ силъ!... разсудокъ
Мой исчезаетъ.... Ахъ! ужели я
Сама должна принесть и *эту* жертву!..
Кому? Рожеру! — тотъ, кто погубилъ
И обманулъ меня!... Не закричать–ли?...
Дозоръ и стража подоспѣютъ.... Боже!
Но этотъ извергъ все тогда объявитъ
И палачамъ предастъ отца.... Что́-жъ дѣлать!...
Мнѣ, мнѣ идти!... Ахъ, нѣтъ!... ужасно!... смерть!...
Убійца.... ножъ въ груди.... холодный ножъ!...

(На башнѣ бьетъ три).

ТЕРЕЗИНА.

Что́ это бьетъ?

РЕВЕЛЬЯТТИ.

Три четверти.... Осталось
До полночи не много.... мнѣ пора....
Горбунъ придетъ,—а я еще сбираюсь....

ТЕРЕЗИНА.

Ахъ, сжалься! подожди!...

РЕВЕЛЬЯТТИ.

Чего тутъ ждать!
Пошла–же, не дурачься....
(Сильно ее отталкиваетъ и хочетъ идти на-верхъ).
Скоро полночь!

БЛАНКА.

Нѣтъ силъ!... Творецъ! прими мою ты жертву!

(Тихо стучитъ въ дверь).

ТЕРЕЗИНА.

Постой!... въ дверь кто–то стукнулъ....

РЕВЕЛЬЯТТИ.

Вѣрно вѣтеръ....
Нѣтъ никого. *(Идетъ. Бланка сильнѣй стучитъ).*

Да!... Точно!... Странно!

ТЕРЕЗИНА, *смотритъ въ окошечко надъ дверью.*

Мальчикъ! *(Бланкѣ.)*
Что надобно тебѣ?...

БЛАНКА, *трепещущимъ голосомъ.*

Ночлега.... пищи....

РЕВЕЛЬЯТТИ, *про-себя.*

На продолжительный ночлегъ пришелъ ты!...
Подай мнѣ, Терезина, ножъ.... Остеръ-ли?

БЛАНКА.

О Боже!... ножъ.... и точитъ онъ его!...
(Становится на колѣни.)
Творецъ! прими мой духъ,—и не взыщи
За смерть мою съ того, кто такъ ужасно
Меня покинулъ, обманулъ, убилъ....
Пусть будетъ счастливъ онъ!—и мой отецъ!...
Да! И объ немъ, мой Богъ, молю Тебя....
Не накажи его за злодѣянье....
Пусть смертію моей онъ примирится
Съ Рожеромъ и съ судьбой.... Меня-же,
Богъ благости, щедротъ,—прими въ селенья,
Гдѣ горю и страстямъ конецъ.... Иду,—
Иду на смерть!

РЕВЕЛЬЯТТИ, *сестрѣ.*

Ты отвори,—а я
За дверью стану, чтобъ ловчѣй попасть.... *(Бланкѣ.)*
Иди!...

БЛАНКА *колеблется.*

Ахъ! это будетъ очень больно!

РЕВЕЛЬЯТТИ.

Что-жъ ты не-йдешь?...

БЛАНКА.

Иду.... сей-часъ—иду....
О Господи! прости ихъ злодѣянье.
(Она идетъ. Завѣса опускается. Слышенъ глухой стонъ.)

ДѢЙСТВІЕ ПЯТОЕ.

Таже декорація. Въ домѣ Ревельятти все темно. Гроза уменьшилась; изрѣдка блеститъ молнія.

ЯВЛЕНІЕ I.

Требель, *закутанный въ плащъ.*

ТРЕБЕЛЬ.

Въ полночный часъ я здѣсь, какъ привидѣнье!
Пришелъ расчетъ кровавый кончить мой.... (*ударъ грома.*)
Тамъ мщенье *вѣчное* гремитъ,—мое-же
Совершено ужъ *здѣсь*.... Да! полночь било,—
И роковой ударъ свершенъ надъ нимъ....
А, Графъ! ты думалъ, что ничтожный шутъ
Не затаитъ въ груди кровавой мести!...
Что если надъ тобой людей безмолвенъ судъ,
То смѣло можешь ты попрать законы чести?...
Нѣтъ, мой властитель! цѣлый мѣсяцъ я
Смѣялся и смѣшилъ, отчаянье тая....
Все видѣлъ, зналъ, все допустилъ свершиться,—
И срока ждалъ, чтобъ мщеньемъ насладиться.
Ты святотатственной рукой попралъ
Все, что имѣлъ я милаго, святаго,
Все, что на свѣтѣ сердцу дорогаго,—
Ты ничего не могъ мнѣ дать, а все, *все* взялъ!
И я молчалъ, шутилъ и улыбался,
И подъ личиною веселой велъ тебя
Въ мѣста, гдѣ ты разврату предавался,
Гдѣ съ местію тебя ждала судьба!...
Теперь ты тамъ, въ сѣтяхъ моихъ незримыхъ
Лежишь и плаваешь въ крови своей....
Свершился жребій твой, въ рукахъ неотразимыхъ,
И буря волнъ морскихъ твой будетъ мавзолей.

(*Стучитъ въ дверь.*)

РЕВЕЛЬЯТТИ.

Кто тамъ?

ТРЕБЕЛЬ.

Ужъ полночь било,—я принесъ
Другую половину.... Ты готовъ-ли?

РЕВЕЛЬЯТТИ.

А! это ты!... Давно готово все.
(Вытаскиваетъ что-то въ мѣшкѣ.)

ЯВЛЕНІЕ II.

Требель *и* Ревельятти.

РЕВЕЛЬЯТТИ.

Возьми,—вотъ онъ!—Скорѣй-же въ рѣку брось....

ТРЕБЕЛЬ.

Гдѣ?... дай мнѣ факелъ посмотрѣть....

РЕВЕЛЬЯТТИ.

Какъ можно?...
Дозоръ увидитъ.... Деньги гдѣ-жъ?

ТРЕБЕЛЬ.

Возьми....
Ты заслужилъ ихъ.

РЕВЕЛЬЯТТИ.

До свиданья.... мнѣ
Пора и спать.... Или помочь тебѣ
Скорѣе бросить въ море?...

ТРЕБЕЛЬ.

Нѣтъ! честь эту
Одинъ *я* окажу ему.... Прощай!

РЕВЕЛЬЯТТИ, *про себя.*

А я покуда уберусь отсюда.... *(уходитъ).*

ЯВЛЕНІЕ III.

Требель *одинъ.*

ТРЕБЕЛЬ.

Ты здѣсь, въ рукахъ моихъ,—ты мертвъ, ты трупъ!...

О! какъ-бы я хотѣлъ его увидѣть!...
Вглядѣться въ тѣ прекрасныя черты,
Которыя всѣ такъ превозносили....
Горсть золота,—и подъ ножомъ наемнымъ
Ты палъ, исчезъ,—и черезъ часъ твой трупъ
Добычей будетъ рыбъ, морскихъ чудовищъ....
Ты здѣсь!... вотъ голова, вотъ ноги, шпоры....
Ты здѣсь, мой грозный властелинъ и воинъ,
Непобѣдимый на турнирахъ, въ битвахъ,—
Всѣхъ женщинъ обольщавшій красотой....
Ты здѣсь, у ногъ презрѣннаго раба,
Даешь ему отчетъ въ его безчестьи....
Богъ судитъ душу *тамъ* твою,—а я
Твое *здѣсь* тѣло!—Что, злодѣй! ты думалъ,
Что шутъ забылъ, простилъ свою обиду,
Что я, въ борьбу кровавую вступя,
Палъ духомъ, увидавъ свое безсилье!
Нѣтъ, нѣтъ, мой графъ! я здѣсь, я торжествую,
А ты у ногъ моихъ въ крови лежишь.—
Теперь ты понялъ-ли какъ сильно мщенье?
Съ нимъ слабый возстаетъ и потрясаетъ свѣтъ!
Съ нимъ *кошка* дѣлается злобнымъ *тигромъ*,
Рабъ—побѣдителемъ, шутъ—палачемъ!—
Я—часто ты котораго ногой
Толкалъ и говорилъ: «шутъ, замолчи!»
Чтожъ *ты* теперь замолкъ? гдѣ-жъ сила, духъ,
Веселость, храбрость?—Подъ моей пятой!...

(Въ это время Терезина сводитъ внизъ Графа, шепчетъ ему что-то и запираетъ за нимъ дверь.)

ЯВЛЕНІЕ IV.

Требель и Графъ.

ГРАФЪ.

Ну, что за вздоръ она мнѣ тутъ шептала!
Убійцы.... жертва.... Все равно,—я радъ

Уйти отсюда, и клянусь, что вѣкъ
Не ворочусь....

ТРЕБЕЛЬ, *пораженный.*

Кто говоритъ здѣсь?.... Голосъ
Знакомый.... ахъ! мое воображенье
Его мнѣ всюду представляетъ....

ГРАФЪ, *прислушиваясь.*

Кто-то
Здѣсь есть... Эй! Кто тутъ?...

ТРЕБЕЛЬ, *съ величайшимъ ужасомъ.*

Боже! что́ за голосъ?...
Я очарованъ,—обезумѣлъ я....
Онъ, онъ! Рожеръ!

ГРАФЪ.

Да это ты, Требель!...
Ты здѣсь что́ дѣлаешь? въ глухую полночь?
Ужъ не колдуешь-ли по перекресткамъ?

ТРЕБЕЛЬ.

Онъ самъ! о ужасъ! Боже!—Кто-жъ убитъ?...
(бьжитъ къ дому.)
Бандитъ! злодѣй! обманщикъ! помогите!
Огня сюда!

ГРАФЪ.

Ты въ изступленьи, другъ....
Скажи мнѣ, что́ случилось?

ТРЕБЕЛЬ.

Нѣтъ! ужасно!
Непостижимо! Люди!... Злые духи!...
Ко мнѣ! сюда!... Кто-жъ, кто зарѣзанъ здѣсь?

ГРАФЪ.

Зарѣзанъ?—Гдѣ? Злодѣй! Кто́, кто дерзнулъ?... *(въ кулисы).*
Вотъ люди, факелы... Ей! кто идетъ?
Сюда! скорѣе всѣ!...

ЯВЛЕНІЕ V.

Ландри, Коссе, Брионъ, Моншеню, Луве, служители съ факелами, а потомъ сходится народъ—и тѣже.

ЛАНДРИ.

Ахъ, слава Богу!
Вотъ Графъ! на силу мы васъ отыскали....
Всѣ во дворцѣ боялися за васъ
И мы взялись сыскать....

ГРАФЪ.

Благодарю....
Подайте факелы.... *(Требелю.)* Что у тебя,
Злодѣй, въ мѣшкѣ?

ТРЕБЕЛЬ, *съ мрачнымъ отчаяніемъ.*

Спроси у Ревельятти....
Зарѣзалъ *онъ*,—*я* заплатилъ,—а *ты*
Былъ долженъ пасть.... Какъ спасся ты, не знаю!
Кто за тебя погибъ,—не постигаю....
Но что-то страшное грудь давитъ, жжетъ,
Мертвитъ и холодитъ.... Кинжалъ подайте....
(Указывая мѣшокъ.)
Разрѣжьте.... Страшно мнѣ!... Что я увижу?...
(Развязываютъ мѣшокъ; Бланка со стономъ выползаетъ. Требель вскрикиваетъ раздирающимъ голосомъ и падаетъ безъ чувствъ).
Дочь!... Бланка! Смерть и адъ!...

ГРАФЪ, *съ ужасомъ.*

Возможно-ль? Бланка!—
О Боже!... Гдѣ Луве? (*Луве подходитъ*) Скорѣй, скорѣй!
Отдамъ полъ-графства за ея спасенье!
И жизнь, и все! *(Луве начинаетъ осматривать.)*

БЛАНКА, *слабымъ голосомъ.*

Гдѣ я? гдѣ мой отецъ?
Рожеръ! ты живъ?...

ГРАФЪ.

Какъ! развѣ знала ты
Про адскій заговоръ отца съ бандитомъ?
(Даетъ знакъ, чтобъ обыскали домъ. Многіе бросаются туда.)

БЛАНКА.

Все знала,—и хотѣла умереть,
Чтобы спасти тебя.

ТРЕБЕЛЬ, *приходя въ себя.*

Гдѣ я? га!—въ адѣ!
Вотъ демоны! вотъ свѣточи отмщенья!...
Нѣтъ, нѣтъ!... Я на землѣ еще.... вотъ дочь!
Дочь!—быть не можетъ!... о, скажите мнѣ!
Вѣдь это не она!... вѣдь я съ ума сошелъ!...
Не правдаль?... о! утѣшьте словомъ: да!

БЛАНКА, *отцу.*

Прости меня! я безъ любви Рожера
Жить не могла,—и для него на жертву
И жизнь и кровь—все отдала.

ГРАФЪ.

О Боже!
Чѣмъ я вознагражу такія чувства?
Луве! Луве! скажи скорѣе, есть-ли
Надежда?

ЛУВЕ, *хладнокровно.*

Ножъ скользнулъ по ребрамъ только....
И вѣрно страхъ, испугъ, потеря крови
Ее повергли въ обморокъ.... но рана
Ни мало не опасна.... я за жизнь
Ея, какъ за свою ручаюсь....

ГРАФЪ.

Радость!
Блаженство!... О Луве! возьми что́ хочешь
За вѣсть твою и за спасенье.... Бланка!
Ты будешь жить.... Моя! всегда моя!...
Прочь гордость неумѣстная!—Она
Превыше чувствами всѣхъ женщинъ въ мірѣ....
И мнѣ-ль стыдиться благодарнымъ быть?...
Смотрите, господа!—Моя супруга,
Тулузская Графиня!... и никто
Да не дерзнетъ улыбкой или взглядомъ
Мой выборъ опорочить!—Мечъ Рожера
Докажетъ всѣмъ, что я свою жену

Умѣю защитить.... (*Требелю.*) Тебя-жъ, злодѣй....
А гдѣ бандитъ?

ЛАНДРИ, *возвратясь изъ дома.*

Домъ пустъ,—хозяинъ скрылся....

ГРАФЪ.

Ищите! Казнь ему! Злодѣямъ мщенье!

БЛАНКА.

Рожеръ! Супругъ мой! Всѣмъ, о! всѣмъ прощенье!
(*Встаетъ.*)
Когда убійца ножъ въ глазахъ моихъ точилъ,
Творца молила я, чтобъ Онъ его простилъ!
(*Графъ бросается къ ногамъ ея. Группа. Занавѣсъ опускается.*)

СЦЕНЫ ИЗЪ НАЦІОНАЛЬНОЙ РУССКОЙ КОМЕДІИ

«ТЁЗКИ».

Алеша, Никита, Параша *и* Соня.

Алеша. Ну, сонъ Панкратьевны—диво, а не сонъ! Не всѣ хорошіе сны такъ скоро сбываются!

Никита. А некрутчина-то, Алеша, то-же сбудется?

Алеша. Богъ вѣсть! коли сбудется, такъ жребія не минуешь!

Никита, *въ испугѣ*. У!... Ну, а что, коли жребій падетъ на тебя?

Алеша. Что? ничего! пойду въ солдаты!

Никита. А я не пойду.... не пойду, хоть за волосы волочи! скажу, я у батюшки росъ на меду да на пряникахъ—на солдатское житье не поваженъ!

Алеша, *смѣясь*. Пожалуй мели, что знаешь! тебя не послушаютъ!

Паша. Ты, Никитушка, лучше надѣнь мой сарафанъ: авось, тебя не узнаютъ!

Никита. Сарафанъ? и впрямъ такъ! Ну а какъ сарафанъ-то велятъ снять?... вотъ, тогда и узнаютъ, что я—не ты! а какъ узнаютъ, такъ будетъ хуже солдатчины!...

Тѣже и Анюта; *она отворила окно въ свѣтелкѣ своей и говоритъ съ крестьянами, не выходя на сцену.*

анюта. Паша, Паша! Соня! Алеша! вы здѣсь?

паша и соня. Здѣсь, Анюта, здѣсь.

анюта. А Петруша?

никита. А Петруши-то нѣтъ!

анюта. А гдѣ-жъ онъ? гдѣ?

никита. Гдѣ, гдѣ, гдѣ? — ну гдѣ? собаки съѣли!

алеша. Онъ пошелъ съ Танею къ Панкратьевнѣ. Мужъ Панкратьевны, старикъ Парамонъ, пришелъ изъ похода. Они повели его къ ней.

анюта. Старикъ Парамонъ!... а вы не спросили у него о батюшкѣ? Парамонъ, вѣстимо, видѣлъ, какъ убили батюшку.... они оба служили въ одномъ полку и въ одно время отданы были въ солдаты.... Счастливая Таня! къ ней воротился отецъ.... а мой отецъ никогда не воротится!

никита. Не плачь! скоро будетъ другой.

анюта. Ахъ! этотъ будетъ вотчимъ, а не отецъ!... онъ разлучитъ меня съ Петрушею!...

никита, *подойдя къ окну Анютиной свѣтелки.* Не плачь! на-ко, не хочешь-ли, покушай орѣховъ.

(*Подаетъ ей шляпу съ орѣхами, продолжая грызть орѣхи.*)

анюта. Ахъ! Петруша, Петруша!...

Не дорожка по крутымъ горамъ бѣжитъ,
А на сердцѣ горе лютое лежитъ!
Не дорожку дождь осенній уливалъ,
Не дорожкой вѣтеръ буйный пробѣгалъ:
Дождь осенній—то кипитъ на сердцѣ кровь!
Вѣтеръ буйный—то Терентьича любовь!

Какъ Терентьичь назоветъ меня женой?
Какъ надѣнетъ онъ мой перстень золотой?
Для него-ли русу косу я плела?
На него-ли наглядѣться не могла?
Онъ-ли суженый мой, ряженый женихъ?
Онъ не стоитъ слезъ дѣвическихъ моихъ!...

НИКИТА, *перебивая.* Нѣтъ, Аннушка, онъ не стóитъ не одной слезинки твоей! да ты много не плачь! а коли ужъ больно захочется плакать—такъ поплачь, да и перестань.

АНЮТА.

Я не знала ни о чемъ въ свѣтѣ тужить....
Было время, не мѣшали мнѣ любить!
Было время, какъ съ Петрушею тайкомъ,
Рѣчи сладкія твердили мы вдвоемъ!
Было время, а ужо скажу съ тоской,
Ахъ, Петруша, не люби жены чужой!...

(Увидя входящаго Терентьича, Анюта перестаетъ пѣть и затворяетъ окно свѣтелки.)

Паша, Соня, Алеша, Никита, Терентьичъ.

ТЕРЕНТЬИЧЪ, *входя, и самодовольно кланяясь крестьянамъ.* Ай-да пиръ! ай-да веселье! А кто изъ васъ, братцы, пѣлъ на пирухѣ унылую пѣсню? это, чай, ты, Никитка?

НИКИТА. Я! А, видно, тебѣ пѣсенка-то пришла по нраву?

(Грызетъ орѣхи и подчиваетъ ими Терентьича.)

ТЕРЕНТЬИЧЪ. Не то что по нраву: пѣсни-то я не разслышалъ, а слышалъ только горемычный напѣвъ. — Да что-же не всѣ парни-то наши здѣсь? Гдѣ Петька Соколъ?...

НИКИТА, *кривляясь и кланяясь съ глупымъ смѣхомъ.* По водицу пошелъ!

ТЕРЕНТЬИЧЪ. А гдѣ Панкратьевна? А Таня-то гдѣ?

НИКИТА, *подбѣжавъ къ нему и взявъ одною рукою за руку, другою запрокидываетъ вверхъ голову Терентьича и показываетъ ему на небо. Въ это время съ головы Терентьича сваливается шляпа.* Вонъ тамъ, тамъ, тамъ.... смотри выше, выше, выше.... на звѣздѣ!

ТЕРЕНТЬИЧЬ, *вырываясь.* А!... у!... Да тамъ и звѣздья-то нѣтъ! все еще солнце свѣтитъ!...

(Никита поднимаетъ шляпу и подаетъ Терентьичу съ глупымъ поклономъ.)

АЛЕША. Знаешь-ли, Терентьичъ, что у насъ на пиру будетъ гость незваный? старикъ Парамонъ пришелъ на родину. Онъ теперь у Панкратьевны, вмѣстѣ съ Петрушею и Танею.

ТЕРЕНТЬИЧЪ. Э, э!... Такъ онъ и на моей свадьбѣ попируетъ! ладно! лишній гость—лишняя радость! (*обращаясь къ Никитѣ*) Слышишь-ли: я, вѣдь, тоже женихъ! (*кланяясь*) Прошу пожаловать на свадьбу!

НИКИТА, *кланяясь*. Буду жаловать.... если еще случится.... (*Терентьичъ смотритъ на него сердито*) ну.... Терентьичу на Анютѣ жениться!

ТЕРЕНТЬИЧЪ. А почему это не случится? Ужъ не ты-ли, умная голова, помѣха?

НИКИТА, *съ притворною робостью*. Нѣтъ.... не я.... (*поднося Терентьичу шляпу съ орѣхами*.) Не угодно-ли, Терентьичъ—орѣха!

ТЕРЕНТЬИЧЪ. Анюта моя! ее, голубушку, посадили въ свѣтелочку, а свѣтелочку заперли ключомъ, а ключъ у меня за поясомъ! (*самодовольно показываетъ на ключъ, заткнутый за кушакомъ его*) Нѣтъ! не улетитъ моя пташечка!...

Любо было пташечкѣ на вѣточкѣ сидѣть;
Вольно было, бѣленькой, любую пѣсню пѣть!
Пѣла, пѣла, пташечка, да спѣлась—лихъ она:
Размахнула крылышки, соскучилась одна!

И повадилъ къ пташечкѣ летайко-воробей:
Стало щебетуньюшкѣ вдвоемъ пѣть веселѣй!
Пѣла, пѣла, пташечка—да-лихъ пришла бѣда:
Взяли птичку вольную и въ клѣтку изъ гнѣзда!

Жаль ей стало волюшки, металась и рвалась,
И корила клѣточку.... а послѣ ужилась!
Но не то случилося съ летайкой—воробьемъ:
Подожженъ онъ въ гнѣздышкѣ ружейнымъ огонькомъ!

Дѣвушки! молодушки! имъ волюшка мила!
А когда-же волюшка къ добру дѣвицъ вела?
Выйдь-ко въ поле дѣвушка—ребята заглядятъ!
Ну, а что хорошаго дѣвицамъ отъ ребятъ?

Суженая, ряженая, пташечка моя!
Я тебя, голубушку, спасу отъ воробья!
Пусть онъ свищетъ по лѣсу, летаетъ и поетъ,
Перушки воробушкѣ охотникъ обобьетъ!

Дѣвушкѣ свѣтелочка съ узорчатымъ окномъ,
Лучше, чѣмъ свободушка съ удалымъ молодцомъ!

Отъ дѣвичей волюшки наплачется она;
А съ неволей мужнею свыкается жена!...

НИКИТА, *который подъ пѣсню Терентьича кобенился и приплясывалъ.* Вѣстимо, такъ! Ужъ коли мнѣ случится.... прости Господи, такой грѣхъ!... жениться: такъ я свою пташечку тоже посажу въ клѣточку, а клѣточку, вмѣстѣ съ пташечкой, принесу къ тебѣ.

(*Низко и глумливо кланяется.*)

ТЕРЕНТЬИЧЪ, *кланялсь.* Спасибо за честь! Я знаю, Никитка смѣтливый малый! свое сбережетъ!

НИКИТА. Смѣтка-то смѣткой, а клѣтка-то клѣткой! Хмъ! пташки любятъ волю! онѣ, старики баютъ, часто вылетаютъ изъ клѣтокъ, распѣвая веселыя пѣсенки! эво–на! глянь–ко, Терентьичъ, (*запрокидывая вверхъ голову*) глянь, какъ пташки–то разлеталися!... у, гу, гу!

ТЕРЕНТЬИЧЬ, *тоже запрокидываетъ голову назадъ.* Гдѣ? гдѣ?...

НИКИТА, *показывая одною рукою на небо, другою старается выдернуть ключъ изъ–за пояса Терентьича.* Во, во, вонъ!...

ТЕРЕНТЬИЧЪ, *схвативъ его руку, крѣпко сжимаетъ ее.* А, га!... а за чѣмъ ты схватилъ меня за кушакъ?

НИКИТА, *перемогая боль и робко кланялсь Терентьичу.* Я.... охъ!... такъ!... охъ! (*потираетъ руку.*)

ТЕРЕНТЬИЧЪ. Ты, Никитушка, хитрецъ; да, слышишь-ли, и я молодецъ!...

НИКИТА, *почесывая затылокъ.* Да!... молодецъ!... у, ху!...

(*Отряхиваетъ руку. Крестьяне смѣются.*)

ТЕРЕНТЬИЧЪ. Я давно примѣчалъ, что ты за Анюткою–то ухаживаешь; да мыслилъ: это–молъ такъ!... а, посмотришь, такъ и Никитушка не дуракъ!

НИКИТА, *съ недовольною миною.* О чемъ говорить!... (*кланялсь*) Снять было мнѣ колпакъ!

ТЕРЕНТЬИЧЪ. Ну, помиримся!... (*опять крѣпко сжимаетъ руку Никиты. Никита кобенится и гримасничаетъ.*)

Жилъ былъ въ городѣ мужикъ.... лихъ-было Ивану:
Всякой въ поясъ передъ нимъ, (*кланяется*) не ему–карману!
Сыпалъ, брякалъ да стучалъ деньгами скупяга;
Но смутила умъ его свадебная брага!

Сталъ печаленъ мой Иванъ, клялъ свою судьбину:
Нужно-жъ было простаку-Ванькѣ—Катерину!... *(Смѣется).*

НИКИТА.

Жилъ да былъ въ селѣ мужикъ... лихъ-было Терешѣ—
Всякой въ поясъ передъ нимъ: *(кланяется)* «Умный, дахорошій!»
Онъ не по-милу хорошъ, не умомъ былъ прытокъ:
У Терешки-простака (*кланяется*) въ деньгахъ былъ избытокъ!
Жилъ-бы парень да тянулъ ножки по одежкѣ:
Нужно было простаку—Аннушку Терешкѣ!.. *(Смѣется).*

ТЕРЕНТЬИЧЪ.

Вотъ, пошелъ Иванъ въ село, тамъ жила колдовка,
Ворожила на бобахъ, старая плутовка!
«Загадай-ко-молъ ты мнѣ, да узнай причину»....
А старуха мужику: «Любишь Катерину»!
«Ну-ко, бабушка, опять,» сталъ онъ молвить слово:
«Катя любитъ-ли меня?... все-ли-молъ здорово?»
Баба кинула бобы, глядя на Ивана:
«Любитъ», молвила она: «любитъ—два кармана!» *(Хохочетъ).*

НИКИТА.

Вогъ и твой простакъ Иванъ, точно мой Терешка:
Простъ, какъ кумушка—сова, а востеръ, какъ кошка!
Онъ не думалъ, не гадалъ, не кидалъ бобами,
Чаялъ дѣвушку сманить красными рѣчами:
«Ахъ, ты, милая моя!» сталъ онъ молвить слово:
«Молви, любишь-ли меня?... все-ли-молъ здорово»?...
Дѣвка парня обняла, обвилась вкругъ стана,—
Глядь, и вынулъ мой простакъ—рѣпу изъ кармана! *(Хохочетъ).*

ТЕРЕНТЬИЧЪ.

Губятъ деньги бѣлый свѣтъ! Экая причина!
За Ивана простака вышла Катерина!
Но нерѣдко мой Иванъ теръ лицо полою,
Потому-что всякой день битъ бывалъ женою! *(Хохочетъ).*

НИКИТА.

Мой Терешка не таковъ, не грустилъ, не плакалъ,
А по старому простакъ съ парнями калякалъ!
Послѣ свадьбы спалъ и пилъ, кушалъ, слава Богу!
Только уши у него рдѣли понемногу! *(Хохочетъ).*

ТЕРЕНТЬИЧЪ.

Горе мужу простаку, коль жена не бита!
Что-то будетъ если ты женишься, Никита?... *(Хохочетъ).*

НИКИТА.
Горе мужу простаку свадебная ноша!
Что-то будетъ, если ты женишься, Тереша?.. *(Смѣется).*

ТЕРЕНТЬИЧЪ. Кто самъ не взраченъ, да не красивъ, такъ ужъ тотъ, бѣденъ-ли, богатъ-ли, а на молодой, да на красивой дѣвушкѣ — не женись! Ну, а коли кто самъ (*выпрямляется и охорашивается*) красивъ—вотъ, хоть-бы, какъ я....

НИКИТА, *кланяясь почтительно.* Тотъ можетъ жениться на красивой дѣвушкѣ, и за то у него на лбу.... смотришь.... покажется наростъ....

ТЕРЕНТЬИЧЪ, *перебивая, скоро и сердито.*) На лбу? наростъ? (*подскакивая къ Никитѣ*) у кого? какой наростъ?...

НИКИТА, *испугавшись, робкимъ голосомъ.* Какой наростъ? вотъ такой, какъ у тѣхъ, которые щиплютъ траву на полѣ, да покрикиваютъ му, у, у!...

ТЕРЕНТЬИЧЪ, *передразнивая его, сердито.* Му, у, у...

КРЕСТЬЯНЕ, *смѣются и кричатъ.* Му, у, у....

Тѣже и ПЕТРУША.

ПЕТРУША, *съ удивленіемъ.* Что съ вами сталось, робята? за чѣмъ вы мычите, какъ быки? аль новую игру затѣяли?

НИКИТА, *кланяясь.* Поздравляемъ твоего отца съ зарученьемъ!

ПЕТРУША. Хорошее поздравленье! онъ-бы васъ поблагодарилъ, если-бы услышалъ ваше мычанье! (*оборачиваясь къ Терентьичу.*) Ахъ! ты здѣсь, Терентьичъ? здорово, братъ! я тебя искалъ, искалъ.... и не помыслилъ, что ужъ ты на пиру!

ТЕРЕНТЬИЧЪ, *заносчиво.* А за чѣмъ ты обо мнѣ мыслилъ? а на что ты меня искалъ?

ПЕТРУША, *рѣшительно.* Слушай, Терентьичъ—скажу тебѣ матушку-правду, открою сердце, какъ попу на исповѣди: (*при первыхъ словахъ Петруши, Терентьичъ обнаруживаетъ испугъ; а Никита, еще болѣе испуганный, становится сзади него, и робко выслушиваетъ разсказъ Петруши, выглядывая изъ-за плеча Терентьича.*) Я люблю Анюту!... Давно, давно, когда мы еще были дѣтями, когда ходили въ лѣсъ по грибы, да по ягоды, когда насъ, какъ робятъ, заставляли плясать подъ пастушью свирѣлку, мы

обѣщали другъ другу — вмѣстѣ жить, вмѣстѣ умереть!... Кто велѣлъ моему отцу пріучить меня, мальчика, къ такой красивой дѣвицѣ? Кто заставилъ Анютину мать, лиходѣйку — потакать дочерней любви къ молодому парню, весело глядѣть, какъ, бывало, Анюта даритъ мнѣ ленты, цвѣты, пояса, рукавицы?... Кто былъ виною, что мы прочили себя другъ другу, и по всей деревнѣ считались за жениха и невѣсту? Не отецъ-ли мой говаривалъ ласково и привѣтливо: «Женись, Петрушенька, Богъ съ тобою!» когда я, бывало, скажу ему: «Батюшка, жени меня на Анютѣ?» Не мать-ли, не родная-ли Анютина мать, не разъ научала дитя свое: «Люби Петрушу: Петрушенька твой женихъ»?... А? кто потакалъ нашей любви? Вся деревня знаетъ, что мой отецъ, да Анютина мать прочили Анюту мнѣ, а меня сулили Анютѣ; вся деревня свидѣтель, самъ Богъ видитъ и знаетъ, что мы не лукавили ни передъ Нимъ, ни передъ отцомъ съ матерью! Намъ велѣли любить другъ друга, — а потомъ, завидя горячую нашу любовь, вдругъ разлучаютъ на-вѣки!... (*плачетъ.*)

алеша. Тебя обижаютъ, Петруша! вѣстимо, обижаютъ! Твой отецъ, да Анютина мать, отвѣтятъ за васъ передъ Богомъ!

паша. Богъ покараетъ ихъ за Анютины слезы!

соня. И за Петрушины тоже! Онъ часто плачетъ такъ горько, какъ красная дѣвушка!

терентьичъ. Плачетъ!... экая бѣда! а кто велитъ ему плакать?

никита. Да! кто велитъ плакать? а коли плачетъ по своей волѣ, такъ никто унимать не станетъ! Не такъ-ли, Терентьичъ? (*кланяется Терентьичу.*)

петруша. Кто велитъ плакать? Ахъ, Никита, Никита! видишь-ли — тамъ, на горѣ, ростетъ сиротинка березка: кто велитъ ей расти сиротинкою? кто велѣлъ ей шумѣть, будто горе разсказывая?... кто велѣлъ? вѣтеръ воетъ— березка качается, листы шумятъ сами собою!

терентьичъ. Складно, складно сказалъ, да не складно выдумалъ! Соловьи сладкія пѣсни посвистываютъ, да не всегда канареекъ высвистываютъ!... Видишь-ли, тамъ, на горѣ?...

НИКИТА, *перебивая, съ испугомъ.* Что́ на горѣ?...

СОНЯ и ПАША, *вмѣстѣ, тоже съ испугомъ.* Что́ на горѣ?...

НИКИТА, *оправясь.* Ну, что́ на горѣ? что́ на горѣ?... Лѣсъ сосновый!...

ПЕТРУША. Чаялъ-ли кто, что наша ребяческая любовь не минуетъ недобраго глаза? Злые люди стали подбивать отца моего, чтобы онъ женился на Тимоѳевнѣ; клеветливые языки начали порочить меня передъ Тимоѳевною; досужія деревенскія свахи просватали Анюту за Терентьича.... въ это время, какъ на грѣхъ, пришла въ деревню вѣсть, что Анютинъ отецъ убитъ Французами.... батюшка мой недолго думалъ; Тимоѳевна также не призадумалась: ударили по рукамъ, уладили свою свадьбу, Анютѣ пріискали жениха, а я.... обо мнѣ позабыли, какъ будто-бы меня и на свѣтѣ не было!

ТЕРЕНТЬИЧЪ. Этакая бѣда! ну, и ты пріищи себѣ суженую! мало, что-ль, дѣвокъ въ деревнѣ? Вотъ тебѣ Паша, вотъ тебѣ Соня, Дуня, Наташа....

НИКИТА, *перебивая.* Женись на любой!... Погоди, погоди, вотъ я всѣхъ деревенскихъ дѣвокъ пересчитаю: Матреша, Акулина, Ирина, Маша, Катя, Саша, Груня, Варя, Лиза, Лизанька.... ахъ, Лизанька!... да еще....

АЛЕША. Полно! въ дьячки, что-ль, захотѣлъ? словно поминанье читаетъ!

ПЕТРУША. Женись на любой!... легко сказать!... ахъ, Никита, Никита! легко полюбить, а разлюбить.... (*сквозь слезы*) трудно и горько!...

НИКИТА. Кушай пряники — будетъ сладко! есть о чемъ думать, да плакать! по мнѣ, та-ли дѣвка, другая-ли—жена, такъ жена; не жена, такъ не надо! Стану я горевать!

ПЕТРУША, *Терентьичу.* Терентьичъ! отцовская воля – сыну законъ! Я не разрозню батюшкину свадьбу; а коли онъ женится на Анютиной матери, такъ мнѣ Анюта не пара: мы будемъ братъ и сестра — сведенныя дѣти, говоритъ дьячекъ нашъ, Ѳаддеичъ!... Видно Богу угодно было, чтобы мы цѣлый вѣкъ горевали, чтобы не знали ни красныхъ дней, ни веселыхъ ночей!... Анюта любитъ меня!... Выглянетъ-ли утренняя заря: «Мѣсяцъ! мѣсяцъ!»

скажетъ моя голубушка: «Взойди мѣсяцъ бѣлый! чѣмъ скорѣе день пройдетъ, тѣмъ скорѣе пропадетъ красота моя дѣвичья»!... Выйдетъ-ли мѣсяцъ: «Выкатись красное солнышко»! молвитъ Анюта: «чѣмъ скорѣе ночь пройдетъ, тѣмъ скорѣе пройдетъ моя молодость»!... Пройдутъ темныя, осеннія ночи; пройдутъ ясные дни весенніе; только не пройдетъ, Анютушка, не пройдетъ наше горе лютое!... Терентьичъ! (*онъ беретъ Терентьича за руку.*) Анюта твоя! по Божьему повелѣнью, да по батюшкиному хотѣнью, отдаю тебѣ, какъ другъ, свою суженую—отдаю безъ злобы, безъ ненависти; только прошу тебя, Терентьичъ: (*съ усиливающимся чувствомъ*) люби Анюту! не кори ее прежнею нашею любовью, не заставь плакаться на замужнюю долю! (*сквозь слезы*) вели ей позабыть меня! (*плачетъ*) позабыть!... а я.... (*вытирая глаза полою кафтана*) я не напомню ей о себѣ ни словомъ, ни взглядомъ!... (*помолчавъ*), рѣшительно иду въ солдаты!... (*съ возрастающимъ жаромъ*) иду!... Богъ будетъ за меня, а я буду стоять за родину!... (*обращаясь къ Анютиной свѣтелкѣ*) Прости, Анюта!...

Не голубушка въ теплomъ гнѣздышкѣ
Ворковала,
А въ свѣтелочкѣ красна дѣвица
Горевала!
Ей сердечушко горе лютое
Защемило:
Зла судьба ея участь горькую
Ей судила!
Въ ней по прежнему сердцу бѣдному
Не забиться!
Другу милому на ней дѣвицѣ
Не жениться!
Ужъ не облако краснымъ заревомъ
Погорѣло:
То сердечушко въ добромъ молодцѣ
Заболѣло!
Не своею онъ болью лютою
Изнываетъ:
Его молодца тоска дѣвицы
Заѣдаетъ!

Въ немъ по прежнему сердцу бѣдному
Не забиться!
Ему молодцу на ней дѣвицѣ
Не жениться!

Рано солнышко передъ утреней
Встрепенется;
Яркой лучъ его на сине море
Отольется:
Онъ холодное море синее
Отогрѣетъ—
Море синее, отогрѣтое
Просвѣтлѣетъ!
Ровно солнышко, изъ-подъ полога
Вставъ съ полночи,
Молода жена мужу старому
Взглянетъ въ очи:
Къ слову ласкову молодой жены
Онъ проснется,
Къ сердцу теплому въ немъ студеное
Отзовется!...

Такова судьба красной дѣвицы
Безталанной:
Изба новая, мужъ сѣдой старикъ
Нежеланной!
Не таковъ жребій жениха ея
Молодаго,
Жребій бѣднаго, горемычнаго,
Всѣмъ чужаго:
Ему усъ крутить, ему штыкъ точить,
Пулю-свата
Лить, выплавливать, да врага пугать
Сопостата!
Ему съ доброю долей мужнею
Не спознаться:
Не къ словамъ жены—къ бою ратному
Пробуждаться!...

Прощайте, друзья! я ужъ обдумалъ свою крѣпкую думушку!... какъ только отпирую батюшкину свадьбу—побѣгу, безъ оглядки, въ городъ, остановлю перваго встрѣчнаго солдата, скажу ему: «Веди меня, товарищъ, въ то правленье, въ которомъ ты завербованъ въ солдаты, на-

дѣну бѣлую лямку, и—не раньше, какъ черезъ двадцать лѣтъ возвращусь на родину—израненнымъ старикомъ, вотъ какъ Парамонъ, мужъ Панкратьевны.... или ужъ не возвращусь никогда.... какъ бѣдный Анкудимъ, отецъ моей Аннушки!

НИКИТА. Лучше, Петруша, воротись: увидишь, какъ Аннушка поживаетъ съ Терентьичемъ!

АЛЕША, *Никитѣ*. Экой глупендяй! развѣ весело смотрѣть на свою невѣсту, которая за-мужемъ за другимъ?

НИКИТА, *какъ-бы обидясь*. Глупендяй!... самъ ты глупендяй! мало-ли въ деревнѣ невѣстъ? ихъ, что сорокъ на-полѣ! лови любую! а, га!

(Бѣгаетъ и машетъ шляпою, какъ-бы пугая птицъ; а потомъ подбѣгаетъ поперемѣнно къ каждой изъ крестьянокъ и ловитъ ихъ. Онѣ съ крикомъ отъ него отбѣгаютъ. Терентьичъ смѣется.)

ТЕРЕНТЬИЧЪ. Полно, братъ, Никита! не переловишь всѣхъ пташекъ! Споемъ-ко пѣсню!

Сказку ложью называютъ;
Сказку сказывалъ дуракъ;
Но и умные не знаютъ,
Какъ нерѣдко подъ колпакъ—
Лбы большіе попадаютъ!

НИКИТА.

Ну, конечно, точно такъ!

ТЕРЕНТЬИЧЪ.

Жили, были, хлѣбъ жевали
Два Пахома, сватовья;
Ихъ глупцами называли,
Называли, не тая;
Ихъ бранили, ихъ гоняли....

НИКИТА.

Это точно ты да я!

ТЕРЕНТЬИЧЪ.

Двумъ Пахомамъ было горько
Отъ излишней доброты;
Бьютъ, бывало, ихъ на столько,
Сколько станетъ моготы;
Бьютъ, бывало, да и только!

НИКИТА.

Это точно я да ты!

ТЕРЕНТЬИЧЪ.

Всѣ, кто знали ихъ, корили
Ихъ Пахомьей простотой;
Всѣ, кто знали, били, били....
Но за то между собой,
Какъ друзья Пахомы жили!

НИКИТА.

Это точно я съ тобой!
(Беретъ его за руку, и оба приплясываютъ).

ТЕРЕНТЬИЧЪ.

Одного побьютъ Пахома,
Плачетъ съ нимъ другой Пахомъ!
Дня не прожили безъ грома!...
Всякой день имъ божій громъ!...
Разъ Пахомы у парома...

НИКИТА.

Повстрѣчались вечеркомъ.

ТЕРЕНТЬИЧЪ.

Та-ля-ля, каля, каляки,
То да се, да такъ, да сякъ:
Какъ-молъ выучить безъ драки
Деревенскихъ забіякъ,
Чтобъ не ѣли насъ, собаки!

НИКИТА.

Ну, конечно, точно такъ!

ТЕРЕНТЬИЧЪ.

Вотъ калякали, гадали;
На паромѣ-жъ, той порой,
Тихо къ берегу пристали
Парень съ дѣвкой молодой.
«Гдѣ-бы намъ», они сказали...

НИКИТА.

«Отдохнуть часокъ другой»!

ТЕРЕНТЬИЧЪ.

Разомъ оба два Пахома—
Тотъ Пахомъ, другой Пахомъ,
Указали на два дома,
Всякъ на свой пахомій домъ;
А дѣвицу отъ парома...

НИКИТА.

Свелъ домой одинъ Пахомъ.

ТЕРЕНТЬИЧЪ.

Между-тѣмъ какъ съ молодицей
Шелъ да шелъ Пахомъ домой,
Парня дурня отъ сестрицы

Отлучилъ Пахомъ другой.
На березкахъ пѣли птицы...

(Въ продолженіе этого куплета, Никита тихонько вынимаетъ ключъ, заткнутый за кушакомъ Терентьича, и передаетъ его Петрушѣ. Крестьяне смѣются).

НИКИТА.

И чирикалъ дроздъ ночной!

ТЕРЕНТЬИЧЪ.

Утромъ парень пробудился,
А дѣвицы нѣтъ какъ нѣтъ!
Сватъ Пахомъ на ней женился
Спозаранку, подъ-разсвѣтъ!
А другой Пахомъ сердился...

НИКИТА.

Что ему невѣсты нѣтъ!

ТЕРЕНТЬИЧЪ.

О Пахомѣ послѣ свадьбы,
Говорили ужъ не такъ!
И теперь отъ всей усадьбы
Умнымъ числится дуракъ!...
Надо сказку досказать-бы...

НИКИТА.

Ну, не надо, пусть и такъ! *(Оба пляшутъ).*

ТЕРЕНТЬИЧЪ. Ну пусть и такъ! такъ сказка сказывается, да не такъ дѣло дѣлается! сказка не быль, а часто вѣрнѣе были: вѣтеръ вырываетъ ковыль, а безъ вѣтра не вырости и ковылю!

НИКИТА. Вѣстимо, такъ! сказка не-спроста сказываётся! Въ твоей сказкѣ были два Пахома, а суженая досталась одному; это похоже на правду, да не совсѣмъ: мы дураки-то двое—ты да я; а, посмотримъ, суженая ни которому изъ насъ не достанется!

(Крестьяне смѣются. Между-тѣмъ Петруша, вошедшій въ Анютину избу еще до окончанія пѣсни Терентьича, выходитъ оттуда, ведя Анюту за руку.)

* * * * * *

ПАРИЖСКІЯ ТАЙНЫ.

РОМАНЪ ЕВГЕНІЯ СЮ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

I.

РОЗЫСКАНІЕ.

Родольфъ жилъ не въ домѣ въ улицѣ Вевъ, а въ великолѣпнѣйшемъ дворцѣ, въ Сен-Жерменскомъ предмѣстіи, на самомъ концѣ улицы *Плюме*.

Желая избѣжать церемоній, онъ пріѣхалъ въ Парижъ *инкогнито*. Его посланникъ увѣдомилъ всѣхъ, что Принцъ будетъ жить подъ именемъ *Графа Дюрена*.

Мы введемъ читателя въ жилище Родольфа, на другой день послѣ отъѣзда Шуринера въ Алжиръ.

Утро. Бьетъ десять часовъ.

Въ пріемной комнатѣ, передъ кабинетомъ Родольфа, Мурфъ сидитъ за рабочимъ столомъ и запечатываетъ депеши.

Швейцаръ отворилъ обѣ двери и доложилъ:

— Его превосходительство баронъ Граунъ!

Мурфъ, не отрываясь отъ занятія, поклонился барону ласково, но безъ церемоній.

— Господинъ повѣренный въ дѣлахъ, сказалъ Мурфъ съ комическою важностію,—присядьте къ камину, я сейчасъ кончу.

— Сиръ Валтеръ Мурфъ, секретарь Его Свѣтлости, отвѣчалъ тѣмъ же тономъ Граунъ,—я жду вашихъ приказаній.

Баронъ былъ мужчина лѣтъ пятидесяти, съ сѣдыми, рѣдкими волосами, немного напудренными и взбитыми. Довольно-большой подбородокъ его уходилъ въ высокій бѣлый галстукъ. Лицо его отличалось тонкостію, обращеніе—изяществомъ, а подъ стеклами золотыхъ очковъ блисталъ взоръ живой и проницательный. Въ десять часовъ утра, Граунъ былъ уже въ парадномъ чорномъ фракѣ. Такъ требовалъ этикетъ. Ленточка, пересѣкаемая нѣсколькими яркими цвѣтными полосками, извивалась въ петлицѣ. Онъ подошелъ къ камину, началъ грѣться и спросилъ:

— Принцъ, вѣрно, не спалъ почти всю ночь? Какая куча писемъ!

— Да, онъ легъ почивать въ шесть часовъ утра.

— Такъ мнѣ надобно ждать, пока онъ проснется?

— Нѣтъ, вы мнѣ можете сказать все, что вы успѣли открыть, а я передамъ Его Свѣтлости. Онъ приказалъ разбудить себя не ранѣе двухъ или трехъ часовъ.... Что новаго, баронъ?... Не знаютъ-ли нашихъ таинственныхъ похожденій?

— Никто ничего не знаетъ. Всѣ думаютъ, что Принцъ очень любитъ уединеніе и никуда не ѣздитъ, кромѣ окрестностей Парижа. Кромѣ графини Сары Макъ-Грегоръ, брата ея Тома и проклятаго ихъ слуги Карла, никто не знаетъ, что Его Свѣтлость переодѣвается; но ни Сара, ни Карлъ, ни Томъ, не имѣютъ нужды измѣнять нашей тайнѣ.

— О! баронъ! сказалъ Мурфъ, съ глубокимъ вздохомъ: какъ жаль, что эта несносная графиня теперь овдовѣла.

— Она вышла за мужъ въ 1827 или 28 году?

— Въ 27-мъ, вскорѣ послѣ смерти несчастной дочери, которой было-бы теперь лѣтъ пятнадцать.... и которую принцъ оплакиваетъ ежедневно, хотя никогда не говоритъ о ней.

— Это очень-понятно; вѣдь у принца не было дѣтей отъ его супруги.

— Мнѣ кажется, онъ принялъ такое сильное участіе въ несчастной *Пѣвицѣ* не изъ одного состраданія, а потому-что его дочь была-бы теперь ровесница этой бѣдной дѣвушки.

— Да, жаль, что графиня Сара овдовѣла именно въ то время, когда Принцъ лишился достойной своей супруги. Графиня, вѣрно, убѣждена, что сама судьба помогаетъ ея желаніямъ.

— И они становятся всякій день безразсуднѣе! Принцъ не можетъ терпѣть ее, потому-что она была причиною... Мурфъ не могъ докончить и прибавилъ: Избави насъ Богъ отъ новыхъ бѣдствій!

— Чего теперь бояться, любезный Мурфъ? Прежде она имѣла на Принца сильное вліяніе, какъ хитрая женщина на молодаго человѣка, который любитъ въ первый разъ.... Но все ея вліяніе исчезло *15 января*.

— Не говорите, Граунъ, объ этомъ несчастномъ днѣ... Я и теперь боюсь его приближенія....

— А все надѣлалъ этотъ Полидори....

— Вы знаете, онъ здѣсь...

— Бѣда, если онъ встрѣтится съ графинею Сарой; соединеніе этихъ двухъ злыхъ головъ можетъ быть чрезвычайно-вредно.

— Богъ съ ними!... Покажите-ка, что́ вы узнали изъ бумагъ, захваченныхъ у Учителя, и изъ показаній Совы, которую вылечили въ больницѣ?

— Вотъ онѣ, отвѣчалъ Граунъ, вынимая изъ кармана бумаги.—Онѣ относятся къ рожденію Пѣвицы, и къ нынѣшнему мѣсту жительства Франциска Жермена, Учителева сына.

— Прочтите ихъ, Граунъ.... Я знаю, что́ нужно Принцу, и скажу, довольно-ли вашихъ свѣдѣній.... Кстати, вашъ шпіонъ хорошъ?

— Да, я имъ доволенъ. Г. Бадино (такъ его зовутъ) имѣетъ связи во всѣхъ классахъ общества и все знаетъ. Онъ преданъ тѣломъ и душою тому, кто даетъ ему денегъ; впрочемъ я велю за нимъ присматривать.

— За чѣмъ-же? Всѣ свѣдѣнія его до-сихъ-поръ очень-вѣрны.

— Онъ честенъ по-своему, и увѣряю васъ, любезный Мурфъ, что Бадино—типъ преоригинальный, съ которымъ Принцъ познакомился-бы изъ любопытства. Такихъ людей нѣтъ нигдѣ, кромѣ Парижа.

— Такъ можно прибавить ему жалованья?

— Онъ и безъ того получаетъ 500 франковъ въ мѣсяцъ, да столько-же на тайныя издержки; кажется, довольно. Онъ теперь ничего не проситъ, послѣ увидимъ.

— И ему не стыдно заниматься такимъ ремесломъ?

— Ни мало; онъ даже гордится имъ. Являясь ко мнѣ съ рапортами, онъ принимаетъ важный видъ, почти дипломатическій; онъ притворяется, что дѣло будто-бы идетъ о государственныхъ потребностяхъ. Онъ часто говоритъ мнѣ: «Сколько соображеній, неизвѣстныхъ простому человѣку, нужно для управленія дѣлами.... Кто подумаетъ, что мои донесенія вамъ, господинъ баронъ, играютъ, можетъ-быть, важную роль въ ходѣ Европы».

— Ага! и подлецы сами хотятъ обманывать себя насчетъ презрѣнія, котораго они достойны. Это лестно для честныхъ людей.... Читайте-ка ваши донесенія....

Граунъ началъ читать:

Записка о Пѣвицѣ.

«Въ концѣ 1827 года, нѣкто Петръ Турнеминъ, нынѣ находящійся на галерахъ въ Рошфорѣ, за подлогъ и фальшивую подпись, предложилъ старухѣ Жерве, прозванной *Совою*, принять на свое попеченіе дѣвочку пяти или шести лѣтъ, съ платою 1000 франковъ единовременно».

— Странно, сказалъ Мурфъ..., въ 1827 году, именно въ то время, когда Принцъ узналъ о смерти своей единственной дочери....

Граунъ продолжалъ:

«По заключеніи торга, дѣвочка пробыла у старухи два года, и потомъ бѣжала, чтобы скрыться отъ побоевъ и дурнаго обращенія. Сова ничего не слыхала о ней въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ, и только за шесть недѣль предъ симъ встрѣтила ее въ одной изъ харчевенъ, въ *Ситѣ*. Дѣвушку называли тамъ *Пѣвицею*.

За недѣлю до того, Турнеминъ доставилъ Учителю (черезъ Красную руку) письмо, въ которомъ сообщилъ разныя подробности о настоящихъ родителяхъ бѣдной дѣвушки.

Изъ этого письма и показаній Совы видно, что какая-то г-жа Серафенъ, управительница нотаріуса Жака Ферронъ, въ 1827 году, поручила Турнемину отыскать какую-нибудь женщину, которая согласилась-бы за тысячу франковъ принять на свое попеченіе дѣвочку лѣтъ пяти или шести.

Сова приняла предложеніе.

Турнеминъ, передавая эти свѣдѣнія Красной-рукѣ, имѣлъ цѣлію получить съ г-жи Серафенъ порядочную сумму денегъ, настращавъ ее тѣмъ, что разгласитъ объ этомъ забытомъ произшествіи. Турнеминъ утверждалъ, что г-жа Серафенъ дѣйствовала по внушенію другихъ, неизвѣстныхъ ему лицъ.

Красная-рука отдалъ это письмо Совѣ, которая участвовала во всѣхъ преступленіяхъ Учителя. Понятно, почему оно нашлось въ его бумажникѣ, и почему Сова, встрѣтивъ Пѣвицу въ харчевнѣ *Бѣлаго Кролика*, сказала ей: «Твои родители извѣстны мнѣ, но ты ихъ не узнаешь»!

Слѣдовало узнать, правду-ли писалъ Турнеминъ въ письмѣ своемъ?

Наведены справки о г-жѣ Серафенъ и нотаріусѣ Жакѣ Ферронѣ.

Оба существуютъ.

Нотаріусъ живетъ въ улицѣ *Сентье*, № 41; онъ слыветъ набожнымъ и честнымъ, и часто посѣщаетъ кирки, въ дѣлахъ чрезвычайно строгъ, такъ что доходитъ до грубости; онъ живетъ какъ скряга.... Домомъ его управляетъ таже г-жа Серафенъ.

Жакъ Ферранъ, бывши еще бѣднякомъ, заплатилъ за свое мѣсто 350,000 франковъ. Эти деньги даны ему подъ вѣрный залогъ Карломъ Роберомъ, штабъ-офицеромъ парижской національной гвардіи. Они получаютъ дохода 50,000 франковъ въ годъ и дѣлятъ ихъ попо-

ламъ, хотя Роберъ вовсе не мѣшается въ дѣла нотаріуса.

Стало быть, г-жа Серафенъ можетъ доставить драгоцѣныя свѣдѣнія о произхожденіи Пѣвицы».

— Безподобно! сказалъ Мурфъ... теперь, можетъ-быть, мы найдемъ родителей этой несчастной дѣвушки. А что вы узнали о сынѣ Учителя?

— Не много.... однако все-таки довольно....

— Да вашъ Бадино — золотой человѣкъ!

— Онъ все узнаетъ отъ Красной-руки, а этотъ человѣкъ—посредникъ между всѣми сосланными....

— Его-то и искалъ Принцъ, когда попалъ на Шуринера и Пѣвицу.... Ну-ка, записку о сынѣ Учителя.

— Вотъ она, сказалъ Граунъ и началъ читать:

II.

ЗАПИСКА О ФРАНЦИСКѢ ЖЕРМЕНѢ.

«За полтора года предъ симъ, молодой человѣкъ Францискъ Жерменъ прибылъ въ Парижъ изъ Нанта, гдѣ онъ находился прикащикомъ у банкира Ноэля.

Изъ признаній Учителя и найденныхъ при немъ писемъ видно, что злодѣй, которому онъ отдалъ сына для пріученія къ преступленіямъ, открылъ все несчастному Франциску, предложивъ ему обокрасть банкира Ноэля и контору, при которой Жерменъ находился.

Онъ съ ужасомъ отвергнулъ предложеніе; но не желая губить своего воспитателя, написалъ къ банкиру безъимянное письмо и увѣдомилъ его о готовящемся преступленіи, а самъ скрылся изъ Нанта, чтобъ болѣе не встрѣчаться съ злодѣями, которые хотѣли вовлечь его въ кражу.

Злодѣи, узнавъ объ его отъѣздѣ, прибыли въ Парижъ, завели сношеніе съ Красною-рукою и начали отыскивать Жермена, вѣроятно, съ гнуснымъ намѣреніемъ умертвить его, потому-что онъ зналъ объ ихъ преступныхъ замыслахъ. Послѣ долгихъ усилій, они наконецъ отыскали его квартиру. Но Жерменъ, встрѣтивъ, за нѣ-

сколько дней до того, одного изъ своихъ гонителей, тотчасъ перемѣнилъ мѣсто жительства, догадавшись, для чего этотъ человѣкъ могъ пріѣхать въ Парижъ. Такимъ образомъ несчастный сынъ Учителя еще разъ спасся отъ своихъ мучителей.

Однакожъ съ полтора мѣсяца тому назадъ, они узнали, что онъ живетъ въ улицѣ Тампль, № 17. Однажды вечеромъ, возвращаясь домой, онъ едва не погибъ жертвою неизвѣстнаго убійцы (Объ этомъ обстоятельствѣ Учитель ничего не сказалъ Его Свѣтлости).

Жерменъ догадался, кѣмъ былъ направленъ ударъ, перемѣнилъ квартиру, и съ-тѣхъ-поръ не извѣстно, гдѣ онъ живетъ. Все это было извѣстно уже въ то время, когда Принцъ наказывалъ Учителя.

Съ тѣхъ поръ новыя розысканія привели къ слѣдующимъ результатамъ:

Францискъ Жерменъ жилъ три мѣсяца въ улицѣ Тампль, подъ № 17-мъ; домъ этотъ чрезвычайно любопытенъ, по нравамъ и страннымъ ремесламъ живущихъ въ немъ людей. Тамъ очень любили Жермена за его веселость, услужливость и откровенность. Хотя онъ получалъ, по-видимому, весьма-мало денегъ, однакожъ много помогалъ бѣдному семейству, которое живетъ на чердакѣ этого дома. Тщетно справлялись въ этомъ домѣ о новой квартирѣ Жермена и о родѣ его занятій; думаютъ, что онъ служилъ при какой-нибудь конторѣ или торговомъ домѣ, потому-что онъ выходилъ утромъ, а возвращался домой въ десять часовъ вечера.

Только одна дѣвушка, которая *очень-дружно* жила съ Жерменомъ, можетъ знать теперешнюю его квартиру. Ее зовутъ *Риголеттой;* она живетъ въ томъ-же домѣ, возлѣ квартиры, которую занималъ Францискъ. Теперь его комната отдается въ наймы. Всѣ эти свѣдѣнія добыты людьми, которые посѣщали этотъ домъ, подъ предлогомъ найма квартиры».

— Риголетта! прервалъ Мурфъ.... что́ за имя? оно мнѣ знакомо.

— Какъ, Сиръ Вальтеръ Мурфъ, вы, достопочтенный

отецъ семейства, знакомы съ гризетками? Имя какой-нибудь Риголетты для васъ не ново? Ага!

— Да, по милости Его Свѣтлости, я надѣленъ такими странными знакомыми, что и эта не должна удивлять васъ... Постойте, я вспомнилъ: Принцъ, разсказывая мнѣ исторію Пѣвицы, говорилъ, что ея тюремная подруга называлась Риголеттой; и намъ обоимъ показалось ея имя довольно необыкновеннымъ.

— Риголетта теперь можетъ намъ служить съ особенною пользою, сказалъ Граунъ, и продолжалъ читать:

«Полезно было-бы нанять незанятую комнату въ домѣ улицы Тампль. Не имѣя приказаній, не смѣли далѣе простирать розысканій; но судя по нѣкоторымъ словамъ привратницы, можно думать, что не только возможно узнать подробности о сынѣ Учителя черезъ Риголетту, но кромѣ того, Его Свѣтлость можетъ наблюдать тамъ за нравами, промыслами и бѣдствіями, существованія которыхъ онъ и не подозрѣваетъ».

III.

МАРКИЗЪ ДАРВИЛЛЬ.

— Вы видите, любезный Мурфъ, сказалъ Граунъ, отдавая ему бумаги, что у нотаріуса Феррона слѣдуетъ отыскивать родителей Пѣвицы, а у Риголетты можно выѣдать нынѣшнюю квартиру Франциска Жермена. Этого ужъ много: мы знаемъ, гдѣ искать.

— Разумѣется, баронъ; а справлялись-ли вы о маркизѣ Дарвиллѣ?

— Да; Принцъ напрасно думаетъ, что маркизъ разстроился въ денежныхъ своихъ дѣлахъ. Бадино увѣряетъ, и не безъ основанія, что состояніе маркиза упрочено и управляется превосходно.

— Принцъ вообразилъ это потому, что не могъ пріискать другой причины для объясненія тоски, которая терзаетъ Дарвилля.... Его Свѣтлость хотѣлъ помочь ему, изъ дружбы; но, видно, это дѣло останется загадкой.

— Покойный Дарвилль оказалъ отцу нашего Принца важныя услуги. Въ 15 году, Принцъ лишился-бы своихъ владѣній, еслибъ Дарвилль, старикъ, не помогъ ему своими знаніями, связями и вліяніемъ на конгрессахъ.

— Да, съ 1815 года началась дружба нашего Принца съ молодымъ Дарвиллемъ. Они вспоминаютъ объ этомъ времени съ восторгомъ. Принцъ такъ любитъ всѣхъ Дарвиллей, что всѣ ихъ родственники имѣютъ право на его покровительство.... Этому родству и г-жа Жоржъ обязана болѣе, чѣмъ своимъ несчастіямъ и добродѣтелямъ....

— Г-жа Жоржъ!... жена Дюронеля.... сосланнаго на галеры, этого преступника, *Учителя*!... закричалъ Граунъ.

— Да, мать Франциска, котораго мы ищемъ, была двоюродная сестра матери Дарвилля и лучшая ея подруга. Старый маркизъ особенно почиталъ г-жу Жоржъ.

— Какъ-же Дарвилли отдали ее этому злодѣю Дюронелю?

— Г-нъ Ланьи, отецъ несчастной Жоржъ, былъ богатый помѣщикъ и успѣлъ спасти имѣніе во время революціи. Когда гроза прошла, онъ захотѣлъ пристроить дочь. Дюронель искалъ ея руки. Онъ принадлежалъ къ хорошей фамиліи и умѣлъ скрывать порочныя страсти подъ маскою притворства. Ему отдали молодую Ланьи. Скоро пороки его развились вполнѣ: онъ моталъ деньги, проигрывался, занимался низкими плутнями. Жена его была очень-несчастна, но не жаловалась на судьбу, и по смерти отца, уѣхала въ свое помѣстье. Скоро мужъ все промоталъ на игру и развратъ, и деревню г-жи Жоржъ-Дюронель продали съ молотка. Она переѣхала съ сыномъ къ маркизѣ Дарвилль, которую любила какъ сестру. Дюронель, оставшись безъ денегъ, рѣшился на все: воровалъ, подписывался подъ чужія руки, совершилъ убійство, былъ сосланъ на вѣчныя галеры, похитилъ сына у матери и отдалъ его на воспитаніе мошеннику.... остальное вы сами знаете.

— Какъ-же съ нею познакомился Принцъ?

— Когда Дюронеля сослали на галеры, жена его приняла имя г-жи Жоржъ....

— Отъ чего-жъ она не просила помощи у маркизы Дарвилль?

— Маркиза скончалась прежде, чѣмъ Дюронеля послали на галеры, а г-жа Жоржъ стыдилась показаться своему семейству.... Однакожъ.... болѣзнь и голодъ принудили ее просить пособія у молодаго Дарвилля.... Тутъ-то Принцъ и узналъ ее...

— Я этого не зналъ....

— Одинъ разъ онъ пошолъ навѣстить Дарвилля; передъ нимъ шла женщина, дурно одѣтая, блѣдная, больная, страждущая. Остановившись у дверей дома Дарвилля, она хотѣла позвонить, но вдругъ повернулась и поспѣшно удалилась, какъ-будто у ней не достало духу. Удивленный Принцъ пошелъ за нею, привлеченный ея добрымъ и печальнымъ лицомъ. Онъ собралъ о ней свѣдѣнія; всѣ ее хвалили. Она жила работою, но у ней не было ни работы, ни здоровья, и она жила въ нищетѣ. На другой день мы пошли къ ней, и поспѣли во время, спасли ее отъ голодной смерти. Она впала въ тяжкую болѣзнь, мы ее вылечили, и она, изъ благодарности, разсказала Принцу всѣ свои несчастія, похищеніе сына, позоръ мужа, не зная ни имени, ни званія своего благодѣтеля.

— Такъ отъ нея самой узналъ Принцъ, что она родня Дарвиллямъ.

— Да. Принцъ оцѣнилъ ея умъ и достоинства и поселилъ ее на фермѣ, въ Буквалѣ, гдѣ она и теперь живетъ съ Пѣвицею. Она нашла въ этомъ тихомъ убѣжищѣ не счастіе, а по-крайней-мѣрѣ, спокойствіе. Сберегая гордость г-жи Жоржъ и не желая разглашать своихъ благодѣяній, Принцъ ничего не сказалъ Дарвиллю объ этой встрѣчѣ. Теперь вы понимаете, какъ онъ любитъ маркиза, и какъ терзается мыслію, что молодой Дарвилль такъ грустенъ, имѣя всѣ способы быть счастливымъ.

— Въ-самомъ-дѣлѣ, чего ему не достаетъ? У него все: знатность, богатство, умъ, молодость; жена его прелестна, умна, ведетъ себя безподобно....

— За то Дарвилль никогда ни въ чемъ не признавался

Принцу, хотя душевно благодарилъ его за участіе. Можетъ-быть, какая-нибудь сердечная тайна....

— Говорятъ однакожъ, что онъ до безумія влюбленъ въ жену.... Она не подаетъ никакого повода къ ревности....

— У нихъ были непріятности за графиню Сару....

— А развѣ маркиза знаетъ графиню?

— По-несчастію, старый маркизъ зналъ и Сару и Тома, когда они жили въ Парижѣ, лѣтъ восьмнадцать тому назадъ. Онъ-то и далъ имъ рекомендательное письмо къ покойному Принцу. Сколько бѣдствій произошло отъ этого несчастнаго письма! Безъ него Принцъ никогда не зналъ-бы Сары.... Возвратившись сюда, Сара узнала о дружбѣ Принца съ Дарвиллемъ, и познакомилась съ маркизой, въ надеждѣ встрѣтить у ней Принца, за которымъ она гоняется также усердно, какъ онъ отъ нея бѣгаетъ....

— Она даже переряжается въ мужское платье!...

— Дарвилль просилъ жену не видаться съ Сарой; но маркиза, плѣнившись притворными добродѣтелями Сары не послушалась мужа: отъ этого произошли несогласія, которыя однакожъ не могли быть причиною ужасной тоски маркиза.

— Жаль, что такая достойная женщина въ дружбѣ съ такимъ демономъ!

— Кстати о демонахъ.... Вотъ вамъ, баронъ, депеша о Сесили, недостойной супругѣ достойнаго Давида.

— О! она вдвойнѣ демонъ: и по красотѣ и по злодѣйствамъ. Надѣюсь, что Принцъ отмѣняетъ прежнія приказанія....

— Напротивъ, баронъ....

— Какъ! Онъ все еще хочетъ, чтобъ ей дозволили бѣжать изъ крѣпости, куда онъ самъ заключилъ ее на всю жизнь?

— Да, рѣшительно хочетъ!

— И чтобъ подставной ея похититель привезъ ее въ Парижъ?

— Да, и еще приказано, исполнить все это какъ можно скорѣе, чтобъ она была здѣсь черезъ двѣ недѣли....

— Ничего не понимаю.... Его Свѣтлость прежде не могъ видѣть ее....

— Да и теперь тоже....

— А призываетъ къ себѣ! Впрочемъ, всегда можно будетъ захватить ее здѣсь; она все-таки останется бѣжавшею преступницею. Если она не выполнитъ желаній Принца, мнѣ легко будетъ вытребовать ея выдачи отъ французскаго правительства.

— Когда Принцъ сказалъ Давиду, что Сесили скоро пріѣдетъ сюда, Негръ задрожалъ; но потомъ успокоился, узнавъ, что онъ ея совсѣмъ не увидитъ.

— Бѣдный Негръ! онъ, можетъ-быть, все еще любитъ ее! Говорятъ, она такъ очаровательна!... Но я до-сихъ-поръ не знаю, какъ Давидъ рѣшился на ней жениться?

— Я знаю, всю эту исторію; я былъ съ Принцемъ въ Америкѣ; когда онъ спасъ Давида и креолку Сесили отъ страшной участи....

— Разскажите, любезный Мурфъ, я васъ слушаю, сказалъ баронъ.

IV.

ИСТОРІЯ ДАВИДА И СЕСИЛИ.

— Богатый американскій владѣлецъ плантацій, г-нъ Виллисъ, во Флоридѣ—сказалъ Мурфъ—замѣтилъ въ одномъ изъ своихъ негровъ, Давидѣ, чрезвычайный умъ, и особенную сострадательность къ больнымъ, за которыми онъ ходилъ въ больницѣ. Давидъ такъ любилъ ботанику, что самъ, безъ посторонней помощи, составилъ *флору* всѣхъ растеній, которыя могъ собрать во владѣніяхъ своего господина. Виллисъ жилъ на берегу моря, въ двадцати миляхъ отъ города. Трудно было ему заманить къ себѣ сосѣднихъ докторовъ, впрочемъ довольно неученыхъ; они не хотѣли безпокоиться и по дальности разстоянія и по дурному состоянію дорогъ. Слѣдовало избавиться отъ этого важнаго неудобства и имѣть собственнаго своего доктора; Виллису пришло на мысль, послать Давида во Францію учиться медицинѣ и хирургіи.

Негръ обрадовался этому предложенію и отправился въ Парижъ; Виллисъ платилъ за его ученье, и черезъ восемь лѣтъ Давидъ, получивъ дипломъ доктора, возвратился въ Америку, для услугъ своему господину....

— Отъ чего-жѐ онъ не остался во Франціи?

— Честь мѣшала ему: онъ обѣщалъ возвратиться, и возвратился. Ученость свою онъ не почиталъ своею, потому-что купилъ ее за деньги своего господина. Кромѣ того, онъ надѣялся облегчить, физически и морально, участь прежнихъ товарищей своихъ, негровъ. Онъ думалъ, что будетъ ихъ медикомъ, подпорою и защитникомъ у Виллиса....

— Удивительная честность! Непостижимая любовь къ ближнему.... Всякой другой, на его мѣстѣ, остался-бы въ Парижѣ!

— Теперь вы знаете, что́ это за человѣкъ. Когда онъ пріѣхалъ во Флориду, Виллисъ принялъ его съ уваженіемъ и ласкою, сажалъ съ собою за столъ, помѣстилъ въ своемъ домѣ и назначилъ жалованья 600 франковъ въ годъ. Скоро потомъ жолтая горячка появилась въ колоніи. Самъ Виллисъ заболѣлъ, но Давидъ спасъ ему жизнь. Тридцать негровъ слегли въ постели, но умерли только два. Виллисъ изъ благодарности назначилъ Давиду 1200 франковъ жалованья. Чорный докторъ почиталъ себя счастливѣйшимъ изъ людей; его братья не могли имъ нахвалиться Онъ утѣшалъ ихъ, пріучалъ къ терпѣнію; онъ говорилъ имъ о Богѣ, который равно милуетъ и бѣлаго и негра; о другомъ мірѣ, гдѣ только будутъ различать добрыхъ отъ злыхъ; о вѣчной жизни, гдѣ всѣ будутъ такъ счастливы, что даже угнѣтенные станутъ молиться Богу за гонителей.... Терпѣніе негровъ ожило; цѣпи казались имъ легче; работы не изнуряли ихъ. Такъ прошолъ годъ. Между хорошенькими рабами колоніи славилась креолка Сесили, дѣвочка лѣтъ пятнадцати. Виллисъ взглянулъ на нее благосклонно, и въ первый разъ въ жизнь свою получилъ отказъ, встрѣтилъ рѣшительное сопротивленіе. Сесили любила.... любила Давида. Онъ, во время заразы, ухаживал чза нею съ удивительнымъ самоотверженіемъ и спасъ ей жизнь.... Сесили платила ему долгъ свой са-

мою нѣжною, самою чистою любовію. Давидъ никому ничего не говорилъ объ этой страсти, до той минуты, когда Сесили можно будетъ выдти за мужъ, т. е. когда ей минетъ шестнадцать лѣтъ. Виллисъ, не зная отношеній Давида къ креолкѣ, съ гордостію бросилъ ей платокъ свой. Она съ отчаянія все разсказала Давиду. Онъ успокоилъ ее и тотчасъ пошелъ къ Виллису, просить позволенія жениться на ней....

— Кажется, я вижу, любезный Мурфъ, отвѣтъ владѣльца колоніи.... Онъ отказалъ.

— Да, отказалъ. Онъ говорилъ, что она ему нравится; что никогда не получалъ онъ отказа отъ рабы; что хочетъ видѣть ее у себя, и увидитъ. Давидъ можетъ выбрать другую; въ колоніи есть еще десятокъ такихъ-же хорошенькихъ, какъ Сесили. Негръ заговорилъ о любви своей; толковалъ, что она взаимна. Виллисъ пожималъ плечами.... Давидъ умолялъ, но напрасно. Виллисъ сказалъ, что хозяинъ плантаціи покажетъ дурной примѣръ, если уступитъ рабѣ, и что не хочетъ уступить *капризу* Давида.... Этотъ началъ говорить о своихъ заслугахъ, о своемъ безкорыстіи, потому-что довольствовался самымъ незначительнымъ жалованьемъ. Раздраженный Виллисъ возразилъ ему, что онъ *негръ* и того не стóитъ. Докторъ не могъ скрыть негодованія и заговорилъ, какъ человѣкъ образованный, видѣвшій Францію.... Виллисъ грозилъ ему цѣпью.... Давидъ упрекалъ его горькими, ѣдкими словами.... Черезъ два часа, его привязали къ столбу и наказывали тѣлесно, въ то самое время, когда вели насильно креолку въ сераль Виллиса.

— Какая нелѣпость?... Онъ могъ еще имѣть нужду въ докторѣ....

— Оно такъ и случилось. Въ этотъ-же день, отъ гнѣву и пьянства, онъ заболѣлъ опаснымъ воспаленіемъ.... Послали въ городъ за докторомъ, но онъ не могъ пріѣхать ранѣе полутора сутокъ....

— Сама судьба наказала Виллиса.... и онъ вполнѣ заслуживалъ такую казнь.

— Болѣзнь развивалась съ страшною быстротою.... только Давидъ могъ остановить ее; но Виллисъ, недо-

вѣрчивый, какъ всѣ злодѣи, воображалъ, что Давидъ отмститъ ему и дастъ яду въ лекарствѣ.... Наконецъ страданія побѣдили его: видя неминуемую смерть, онъ рѣшился искать спасенія въ великодушіи негра и призвалъ его....

— И Давидъ спасъ жизнь Виллиса?

— Пять сутокъ провелъ докторъ у кровати больнаго, ухаживая за нимъ, какъ за роднымъ отцомъ.... Больной выздоровѣлъ, къ удивленію городскаго врача, который пріѣхалъ не ранѣе втораго дня....

— Чѣмъ-же Виллисъ наградилъ чорнаго доктора?

— Чтобъ не краснѣть передъ его великодушіемъ, Виллисъ, за большія деньги, переманилъ къ себѣ городскаго лекаря, а Давида велѣлъ опять посадить въ тюрму.

— Ужасно, но не удивительно: чорный докторъ былъ-бы ему всегда живымъ упрекомъ....

— Вскорѣ, послѣ этого происшествія, мы прибыли въ Америку. Принцъ нанялъ датскій бригъ на островѣ Св. Ѳомы, и мы инкогнито посѣщали всѣ прибрежныя колоніи, мимо которыхъ проходили.... Виллисъ принялъ насъ великолѣпно.... На другой день послѣ нашего пріѣзда, вечеромъ, онъ напился пьянъ, и изъ циническаго хвастовства и подъ вліяніемъ вина, разсказалъ намъ исторію Давида и Сесили, съ отвратительными шутками.... Онъ велѣлъ и ее посадить въ тюрму, въ наказаніе за ея первые отказы. Слушая страшный разсказъ, Принцъ думалъ, что Виллисъ *хвастаетъ* или просто пьянъ.... Онъ былъ пьянъ, но не хвасталъ! Желая увѣрить насъ, онъ, шатаясь, всталъ изъ за-стола и повелъ насъ въ тюрьму къ Давиду.

— Что-жъ вы тамъ увидали?

— Никогда не видалъ я такого ужаснаго зрѣлища.... Полунагіе, покрытые ранами, Давидъ и Сесили были прикованы одинъ къ одной стѣнѣ, другая къ другой стѣнѣ тюрмы.... Они показались намъ привидѣніями.... Фонарь, освѣщавшій эту сцену, бросалъ на нее еще болѣе мрачности. Давидъ, увидавъ насъ, ничего не говорилъ; взоръ его былъ страшно-неподвиженъ. Виллисъ

сказалъ ему съ ироніей: *каково поживаешь, докторъ? Ты такой ученый, спаси-ка себя.*—Негръ отвѣчалъ ему однимъ словомъ и однимъ жестомъ. Онъ медленно поднялъ руку къ небу и протяжно произнесъ, не глядя на мучителя: Богъ!.. Ага! закричалъ Виллисъ, ты воображаешь, что кто-нибудь можетъ спасти тебя.... *Никто, никто не вырветъ тебя изъ моихъ рукъ, пока ты живъ.*

— Какой глупый безумецъ!

— У насъ замирало сердце.... Принцъ не сказалъ ни слова. Мы вышли изъ тюрмы, на морской берегъ и отправились на бригъ, который близко стоялъ на якорѣ. Въ часъ ночи, когда вся колонія спала, Принцъ взялъ съ собою восемь матросовъ, хорошо вооруженныхъ, вышелъ на берегъ, разломалъ двери тюрмы и увелъ съ собою Давида и Сесили. Ихъ перевезли на бригъ, а Принцъ пошелъ со мною къ Виллису. Странное дѣло! Владѣльцы плантацій мучатъ негровъ, а не принимаютъ противъ нихъ никакихъ мѣръ: спятъ съ отпертыми дверями и открытыми окнами. Мы входимъ безъ препятствія въ спальню Виллиса. Принцъ будитъ его. Онъ садится на кровати; винные пары все еще бродятъ въ его головѣ.

— Вы говорили, что *никто* не вырветъ у васъ несчастныхъ вашихъ жертвъ.... онѣ уже спасены. Вотъ вамъ 25 тысячь золотомъ, я покупаю за эту цѣну двухъ негровъ.... Вашему насилію, которое убиваетъ, я противопоставляю другое спасительное.... Богъ разсудитъ насъ....

Мы вышли. Виллисъ сидѣлъ неподвижно и воображалъ, что видитъ сонъ. Черезъ нѣсколько минутъ мы были уже на бригѣ и летѣли на всѣхъ парусахъ.

— Право, любезный Мурфъ, мнѣ кажется, что Принцъ слишкомъ много заплатилъ этому негодяю....

— Мы высчитали, что могло стóить воспитаніе Давида въ Парижѣ, въ продолженіе восьми лѣтъ, и къ этому приложили двойную сумму обыкновенной цѣны двухъ простыхъ негровъ. Принцъ поступилъ самовольно, но еслибъ вы видѣли, въ какомъ ужасномъ положеніи находились обѣ умиравшія жертвы, вы поняли-бы, что Принцъ не могъ поступить иначе....

— И это самоуправство не имѣло никакихъ послѣдствій?

— Ровно никакихъ. Бригъ имѣлъ датскій флагъ; никто не измѣнялъ строгому *инкогнито* Принца; насъ вездѣ принимали за богатыхъ Англичанъ. И какъ осмѣлился-бы Виллисъ жаловаться? Онъ самъ говорилъ намъ, что негры не прожили-бы еще недѣли въ этой тюрмѣ. Тоже подтвердилъ и докторъ Принца. Насилу спасли Давида и Сесили отъ смерти. Съ-тѣхъ-поръ Давидъ находится при Его Свѣтлости, въ качествѣ медика, и преданъ ему всею душою.

— Такъ онъ женился уже въ Европѣ?

— Онъ вѣнчался въ придворной нашей киркѣ. Не долго бракъ ихъ былъ счастливъ. Сесили забыла, чѣмъ обязана мужу и чѣмъ сама для него жертвовала; ей казалось стыдно быть женою Негра и она измѣнила ему, для человѣка развратнаго и недостойнаго любви. Съ перваго паденія открылось, что ея развратъ ждалъ только удобнаго случая къ развитію. Вы знаете всѣ ея похожденія. Давидъ черезъ два года узналъ о нихъ: ударъ молніи вырвалъ его изъ спокойствія и довѣрчивости.

— Онъ, говорятъ, хотѣлъ убить жену?

— Да, но по желанію Принца, онъ согласился, чтобъ ее посадили на всю жизнь въ крѣпость.... И двери этой тюрмы теперь приказано отпереть, къ вашему удивленію и.... признаюсь, тоже къ моему....

— И притомъ-же коммендантъ доноситъ, что она не хочетъ покориться, не думаетъ исправляться....

— Баронъ! Курьеръ долженъ быть отправленъ съ депешами раньше двухъ часовъ, а посмотрите.... Мурфъ указалъ на часы.

— Съ вами всегда заговоришься, отвѣчалъ Граунъ, схвативши шляпу.... Увидимся вечеромъ, на балѣ....

— Прощайте, до бала, любезный баронъ, но пріѣзжайте какъ можно позже; я увѣренъ, что Его Свѣтлости угодно будетъ сего-дня-же осмотрѣть таинственный домъ въ улицѣ Тампль.

V.

ДОМЪ ВЪ УЛИЦѢ ТАМПЛЬ.

Чтобъ воспользоваться свѣдѣніями, собранными барономъ Грауномъ о Пѣвицѣ и сынѣ Учителя, Родольфъ долженъ былъ посѣтить домъ въ улицѣ Тампль и нотаріуса Феррона.

У нотаріуса онъ могъ вывѣдать отъ г-жи Серафенъ подробности о родителяхъ Пѣвицы; а въ домѣ улицы Тампль онъ могъ узнать о квартирѣ Жермена отъ Риголетты. Послѣднее было не очень-легко, потому-что гризетка знала, что сынъ Учителя имѣлъ важныя причины скрывать новое мѣсто своего жительства.

Нанявъ квартиру, въ которой прежде жилъ Жерменъ, Родольфъ имѣлъ средство облегчить свои розысканія и наблюдать за странными жильцами этого дома.

Вскорѣ послѣ разговора Мурфа съ Грауномъ, Родольфъ отправился въ улицу Тампль.

День былъ зимній, скучный.

Домъ, о которомъ идетъ дѣло, находился въ центрѣ торговаго и многолюднаго квартала и не представлялъ ничего особеннаго по наружности. Въ подвальномъ этажѣ помѣщалась лавочка, въ которой продавали водку; надъ нимъ поднимались еще четыре этажа, не считая жилыхъ чердаковъ.

Темный, узкій корридоръ велъ ко двору, очень похожему на колодезь. Сюда жильцы верхнихъ этажей выбрасывали всякую нечистоту.

У смрадной лѣстницы, красный фонарь показывалъ дверь привратника. Коморка его была закопчена отъ лампы, которая горѣла во весь день, потому-что свѣтъ едва проникалъ въ эту комнату. Сюда-то вошелъ Родольфъ, въ костюмѣ купеческаго прикащика.

На немъ пальто сомнительнаго цвѣта; шляпа его довольно-стара; галстухъ красный; въ рукахъ зонтикъ, на ногахъ огромныя калоши; подъ мышкою кусокъ шелковой матеріи, тщательно завернутый въ бумагу.

Онъ вошелъ въ коморку и просилъ, чтобъ ему показали незанятую квартиру.

Г-на Пипле, привратника, занимавшагося сапожнымъ ремесломъ, не было дома; его замѣняла г-жа Пипле. Она сидѣла передъ печкой и прислушивалась къ *пѣнію* варившагося супа.

— Г-жа Пипле очень похожа на самую безобразную, самую старую и самую несносную привратницу. Одно только въ ней необыкновенно: она носитъ парикъ à la Titus, порыжѣвшій отъ времени, и никогда не разстается съ этимъ единственнымъ и вѣчнымъ украшеніемъ своей головы.

Увидѣвъ Родольфа, она проворчала обычнымъ хриплымъ голосомъ:

— Куда вы идете?

— Сударыня, у васъ въ домѣ, кажется, есть свободная квартира?

Родольфъ придалъ слову *сударыня* особенную выразительность, что́ очень польстило г-жѣ Пипле; она отвѣчала ласковѣе:

— Есть комната въ четвертомъ, да теперь нельзя видѣть.... Альфредъ вышелъ со двора.

— Альфредъ—сынъ вашъ?

— Нѣтъ, мой мужъ; развѣ г-нъ Пипле не можетъ называться Альфредомъ?

— О! онъ имѣетъ полное право; но если вы позволите, я подожду его. Мнѣ очень хочется нанять эту квартиру: и домъ и улица мнѣ нравятся; желаю только знать, угодно-ли вамъ будетъ управлять моимъ хозяйствомъ?

Такое предложеніе, выраженное такъ учтиво, совершенно обворожило г-жу Пипле; она отвѣчала:

— Разумѣется, сударь, я готова хлопотать у васъ по хозяйству. За шесть франковъ, вы будете спокойны, какъ принцъ.

— Согласенъ на шесть франковъ! Ваше имя?

— Помона-Фортуната-Анастасія Пипле.

— Прекрасно, г-жа Пипле, а что́ сто́итъ квартира?

— 150 франковъ, сударь, ничего меньше; нашъ арендаторъ такая собака, что ничего не уступитъ.

— Какъ его зовутъ?

— Красною-рукой.

— Гдѣ онъ живетъ?

— Въ улицѣ Офевъ, № 13, и держитъ харчевню въ Елисейскихъ Поляхъ.

Родольфъ узналъ, съ кѣмъ имѣетъ дѣло, и невольно содрогнулся.

— Если онъ арендаторъ, такъ кто-же хозяинъ дома?

— Г-нъ Бурдонъ, но я по всѣмъ дѣламъ отношусь къ Красной-рукѣ.

— Я усталъ, любезная г-жа Пипле, и озябъ. Сходите-ка въ лавку, да принесите мнѣ бутылку смородиновки и двѣ рюмки.... нѣтъ, три, вѣдь вашъ мужъ, вѣрно, скоро воротится.

Онъ подалъ ей пятифранковую монету.

— Вы, вѣрно, хотите, чтобъ васъ обожали съ перваго разу, закричала г-жа Пипле.... Я принесу двѣ рюмки, мы съ Альфредомъ будемъ пить изъ одной. Только поберегите нашу комнату.

Старуха поспѣшно вышла.

Оставшись одинъ, Родольфъ началъ думать о странномъ стеченіи обстоятельствъ, которыя опять сблизили его съ Красной-Рукой. Онъ удивлялся, какъ могъ Жерменъ прожить въ этомъ домѣ три мѣсяца и не быть найденнымъ, когда Красная-Рука находился въ постоянныхъ сношеніяхъ съ Учителемъ.

Въ эту минуту почталіонъ всунулъ въ форточку два письма и закричалъ:

— Три су за письмо; а за другое ужъ заплачено.

Заплативъ деньги, Родольфъ принялся разсматривать письма; онѣ привлекли его вниманіе.

Одно, адресованное къ г-жѣ Пипле, чрезвычайно пахло кожей. На печаткѣ красовались двѣ буквы С. К. подъ шлемомъ и покоились на звѣздѣ почетнаго Легіона. Адрессъ былъ написанъ твердою рукою; Родольфъ видѣлъ, что не женщина пишетъ къ г-жѣ Пипле.

Другое письмо, на простой сѣрой бумагѣ, запечатанное облаткою, было адрессовано къ *Цезарю Брадаманти, дантисту и оператору.*

Надпись состояла изъ исковерканныхъ съ намѣреніемъ буквъ.

Письмо внушило Родольфу самыя печальныя мысли: нѣкоторыя буквы расплылись отъ слезы, которая на нихъ упала.

Г-жа Пипле воротилась съ смородиновкой и двумя рюмками.

— Я долго засидѣлась, сударь?... Что̀ дѣлать? Какъ зайдешь къ старику Жозефу въ лавку, такъ скоро не выйдешь.... повѣрите-ли, что онъ даже со мною любезничаетъ?

— А если Альфредъ узнаетъ?

— Не говорите, у меня со страху кровь застываетъ въ жилахъ.... Альфредъ ревнивъ, какъ Бедуинъ; а вѣдь старикъ Жозефъ только шутитъ.

— Вотъ два письма съ почты, сказалъ Родольфъ.

— И вы заплатили?

— Да!

— Хорошо, я вычту изъ того, что̀ вамъ слѣдуетъ сдачи. Сколько вамъ надобно?

— Три су, отвѣчалъ Родольфъ, улыбаясь при мысли о новомъ способѣ платить, которой изобрѣла г-жа Пипле.

— Какъ три су? Вѣдь два письма, такъ вамъ слѣдуетъ шесть су?

— Я могъ-бы васъ обмануть и заставить васъ вычесть изъ моихъ денегъ шесть су, но я на это не способенъ.... За одно изъ писемъ уже заплачено.... Признаюсь, ваши письма безподобно пахнутъ....

— Посмотримъ.... въ-самомъ-дѣлѣ — чудо!... Точно любовная записочка.... Кто-бы смѣлъ?...

— А если-бъ Альфредъ тутъ былъ?

— Охъ, не говорите.... или я упаду безъ чувствъ въ ваши объятія.

— Я ничего ужъ не говорю.

— А! знаю!... Это *къ Maiору*.... Но прежде разсчитаемся: пятнадцать су за смородиновку, да три су за письмо; беру себѣ восемьнадцать, а все остальное вамъ.... Дружба—дружбой, а счетъ—счетомъ.

— И вотъ еще вамъ франкъ, за вашу превосходную методу разсчитываться.

— Это мнѣ! А за что? спросила г-жа Пипле, испугавшись и удивясь такой баснословной щедрости.

— Такъ, на счастье, за будущія услуги.

— Въ такомъ случаѣ, принимаю съ благодарностію, но скажу Альфреду.

— Пожалуй; но вотъ другое письмо, къ Цезарю Брадаманти.

— А! къ дантисту.... Онъ живетъ въ третьемъ этажѣ.... Я положу письмо въ письменный сапогъ.

Родольфъ думалъ, что она ошиблась въ словѣ; но увидалъ, что она дѣйствительно опустила письмо въ старый сапогъ, висѣвшій на стѣнѣ.

— Чему вы удивляетесь? спросила г-жа Пипле. Такъ письма не теряются.... когда жильцы приходятъ, Альфредъ тряхнетъ сапогомъ, и всѣ письма передъ глазами.

— Въ вашемъ домѣ заведенъ удивительный порядокъ; онъ меня заманиваетъ; особенно нравится мнѣ этотъ сапогъ съ письмами.

— Это Альфредъ придумалъ, скромно отвѣчала г-жа Пипле: у него былъ лишній сапогъ, что съ нимъ дѣлать? Пусть служитъ жильцамъ!

Она распечатала свое письмо и повертѣвъ его въ рукахъ съ замѣшательствомъ, сказала Родольфу:

— Альфредъ обыкновенно читаетъ мнѣ письма, потому-что я не умѣю читать. Неугодно-ли вамъ замѣнить для меня Альфреда?

— На этотъ разъ только, извольте, сказалъ Родольфъ, распечаталъ раздушеное письмо, и прочелъ:

«Завтра, въ пятницу, въ 11 часовъ, затопить камины въ обѣихъ комнатахъ, обмести хорошенько зеркала и мебель, да осторожнѣе, чтобы не исцарапать позолоты. Если до моего прихода пріѣдетъ въ фіакрѣ дама и будетъ спрашивать г-на *Шарля*, то проводить ее въ мои комнаты и запереть, а ключь отдать мнѣ потомъ, когда я пріѣду.»

Родольфъ понялъ, въ чемъ дѣло и спросилъ у г-жи Пипле:

— А кто живетъ въ первомъ этажѣ?

Старуха приложила къ старымъ губамъ пожелтѣлый палецъ и съ улыбкой прошептала:

— Тише.... тутъ интрижка....

— Я спрашиваю, любезная г-жа Пипле, потому-что... когда переѣзжаешь въ домъ, надобно-же знать....

— Понимаю.... съ кѣмъ живешь, съ тѣмъ и бываешь....

— Я тоже хотѣлъ вамъ сказать....

— Впрочемъ, я вамъ все скажу, что́ знаю.... Назадъ тому мѣсяца съ полтора, пришелъ къ намъ обойщикъ, осмотрѣлъ первый этажъ, спросилъ о цѣнѣ, а на другой день возвратился съ красивымъ молодцомъ; у него были усики, крестъ почетнаго Легіона, чудесное бѣлье.... обойщикъ называлъ его *маіоромъ*....

— Такъ онъ военный?

— Какой военный, помилуйте! вскричала г-жа Пипле, пожимая плечами: онъ просто служитъ въ національной гвардіи; а обойщикъ величалъ его маіоромъ такъ, для важности. Маіоръ тоже осмотрѣлъ квартиру и сказалъ обойщику:

— Не дурно, повидайся съ хозяиномъ и устрой дѣло.— На другой день обойщикъ нанялъ квартиру у Красной-руки, на свое имя и заплатилъ за полгода впередъ; видно, молодой человѣкъ не хочетъ, чтобъ знали его имя. Тотчасъ работники принесли разныя *сафы*, шелковыя занавѣски, зеркала въ золотыхъ рамахъ, богатую мебель. Что́ за квартира! Точно кофейный домъ на бульварѣ! А ковры-то! Такіе толстые, и такіе мягкіе, будто ходишь по облакамъ.... Маіоръ пріѣхалъ и сказалъ Альфреду: —что́ вы возмете съ меня въ мѣсяцъ, чтобъ топить мои комнаты и принимать меня, когда я буду сюда ѣздить?—Двадцать франковъ, маіоръ, отвѣчалъ льстецъ Альфредъ. Какъ можно! закричалъ маіоръ.... Вы шутите.... И принялся торговаться, какъ лакейшка. Изъ чего? Изъ десяти франковъ, а самъ Богъ знаетъ что́ истратилъ на квартиру, въ которой не живетъ. Наконецъ, спорили, спорили, и сошлись на двѣнадцати-франкахъ. Эхъ! алтынный маіоръ!... Вотъ вы, напримѣръ, другое дѣло: вы не называетесь

маіоромъ, почти ни на что не похожи, а съ перваго слова согласились на шесть франковъ!

— А потомъ онъ былъ здѣсь?

— Погодите.... тутъ самое смѣшное и будетъ.... Его порядочно водятъ за носъ, нашего щедраго маіора. Онъ ужъ три раза писалъ, какъ сего-дня, чтобъ затопить камины, вычистить все, что будетъ сюда гостья!... Какъ-бы не такъ! Пріѣхала!

— Никто не пріѣзжалъ?

— Слушайте!... Въ первый разъ, онъ пріѣхалъ разодѣтый, попѣвалъ пѣсенки и чванился; ждалъ часа два.... никого! Когда онъ уходилъ, мы съ мужемъ подстерегли его, и я сказала:

— Г-нъ маіоръ! Никто, никто, то есть ровно никто васъ не спрашивалъ....

— Хорошо! хорошо! отвѣчалъ онъ, со стыдомъ и бѣшенствомъ, и убѣжалъ грызя ногти.

Въ другой разъ, прежде его пріѣзда, почталіонъ принесъ письмо на имя г. *Шарля*. Я сей-часъ догадалась, что и на этотъ разъ будетъ разстройка; мы радовались съ Пипле, когда Маіоръ пріѣхалъ....

— Г. маіоръ! сказала я ему, приложивъ руку къ парику, какъ слѣдуетъ старому служакѣ: вотъ вамъ письмо; кажется, и сего-дня опять контрмаршъ.

Онъ посмотрѣлъ на меня гордо, распечаталъ письмо, прочелъ, покраснѣлъ какъ ракъ и сказалъ намъ, скрывая досаду:

— Я зналъ, что сего-дня не пріѣдутъ, а заѣхалъ къ вамъ для приказанія, чтобъ вы хорошенько смотрѣли за моей квартирой.

Какой вздоръ! Онъ все это говорилъ, желая скрыть отъ насъ, что его водятъ за носъ.... И пошелъ домой, напѣвая сквозь зубы.... а какъ ему было досадно!... И по-дѣломъ!... Алтынный Маіоръ! выучишься ты платить по двѣнадцати франковъ за хлопоты по твоей квартирѣ!...

— А что было въ третій разъ? спросилъ Родольфъ.

— А въ третій разъ, я и сама думала, что будетъ что-нибудь.... Маіоръ пріѣзжаетъ внѣ себя; глаза такъ

и лезутъ изъ головы.... такъ и радуется, будто увѣренъ въ успѣхѣ.... Не дуренъ и хорошо одѣтъ.... Такъ надувался, что едва ногами дотрогивался до полу.... Беретъ отъ насъ ключъ и говоритъ гордымъ голосомъ:

— Вы скажете этой дамѣ, гдѣ дверь....

Намъ такъ хотѣлось видѣть эту даму, что мы съ мужемъ вышли въ корридоръ, къ самому подъѣзду.... Вотъ синій фіакръ, съ опущенными шторами, остановился передъ нашимъ домомъ. Она! вѣрно она! сказала я Альфреду; спрячемся за дверь, чтобъ не испугать ее. Кучеръ отперъ дверцу. Мы увидѣли даму, съ муфтой, въ шляпкѣ съ опущеннымъ чернымъ вуалемъ, который совсѣмъ закрывалъ ей лицо; да еще она держала платокъ у глазъ. Кажется, она плакала.... Опустили подножку.... а она, вмѣсто того, чтобъ выдти, сказала что-то кучеру; онъ удивился и захлопнулъ дверцу.

— Такъ она и не вышла?

— Нѣтъ, она спряталась въ каретѣ и закрыла лицо обѣими руками. Я бросилась къ кучеру, прежде чѣмъ онъ успѣлъ сѣсть на козлы, и спросила:

— Кудажъ вы?

— Назадъ.

— Куда именно?

— Туда, откуда пріѣхали.

— А откуда вы пріѣхали?

— Съ угла улицъ Белль-Шассъ и Доминикъ.

При этихъ словахъ, Родольфъ вздрогнулъ.

Маркизъ Дарвилль, лучшій другъ его, страдавшій съ нѣкотораго времени жесточайшею меланхоліею, жилъ на углу улицъ Доминикъ и Белль-Шассъ.

Не маркиза-ли Дарвилль пріѣзжала сюда, на свою погибель? Мужъ подозрѣваетъ-ли ея невѣрность? Можетъ быть, отъ того-то онъ и страдаетъ неизлечимою тоскою!

Сомнѣнія и догадки толпись въ головѣ Родольфа. Однакожъ онъ зналъ всѣхъ знакомыхъ маркизы, но никогда не встрѣчалъ у ней никого, похожаго на *Maïora*. Впрочемъ неизвѣстная дама, можетъ быть, только взяла фіакръ на этомъ мѣстѣ, а живетъ въ какой-нибудь дру-

гой улицѣ. Ничто не доказывало Родольфу, что неизвѣстная дама должна быть маркиза Дарвилль; однакожъ въ душу его запали неопредѣленныя и тяжкія подозрѣнія.

Его безпокойство и задумчивость были замѣчены привратницей.

— О чемъ вы задумались? спросила она.

— Думаю, за-чѣмъ эта женщина, подъѣхавши къ самымъ дверямъ, вдругъ вернулась назадъ?

— Что-жъ удивительнаго?... раздумалась, испугалась, усумнилась.... Мы женщины слабы, трусливы! Мнѣ кажется, еслибъ я вздумала строить козни Альфреду, такъ съ одного разу ни какъ-бы на это не рѣшилась.... Но, никогда!... Бѣдняжка! онъ одинъ на свѣтѣ можетъ похвастать....

— Вѣрю вамъ, г-жа Пипле.... но ваша дама?

— Уѣхала, какъ прибыла, въ-тихомолку.... Еслибъ намъ съ Альфредомъ дали десять франковъ, такъ мы не обрадовались-бы столько!

— Чему-жъ вы радовались?

— А тому, какую рожу будетъ корчить Маіоръ!... вѣрно преуморительную!... Мы не сказали ему, что дама уѣхала назадъ; заставили его дожидаться цѣлый часъ.... Потомъ я пошла къ нему осторожно.... Отпираю дверь, она скрыпитъ.... На лѣстницѣ темно, какъ въ аду, въ передней тоже. Едва я вошла, Маіоръ схватилъ меня въ объятія и сказалъ мнѣ пренѣжно:

— *Что такъ поздно, душа моя?*

— Несмотря на печальное направленіе мыслей, Родольфъ не могъ не расхохотаться, взглянувъ на смѣшной парикъ и морщиноватое лицо странной героини этого любовнаго свиданія.

Г-жа Пипле продолжала, съ рѣзкимъ хохотомъ, отъ котораго она казалась еще страшнѣе:

— Ха! ха! ха!... Вотъ штука-то! Погодите еще.... Я не отвѣчаю, удерживаю дыханіе, падаю въ объятія Маіора; но онъ, грубіянъ, вдругъ отскочилъ отъ меня съ омерзеніемъ, какъ будто дотронулся до паука, и закричалъ:

— Что тутъ за чортъ?

— Я, Маіоръ, г-жа Пипле, привратница; заставьте-ка ваши руки *молчать*, не хватайте меня за талію, не называйте меня *душою*, не браните, что пришла поздно.... Хе! хе! хе!... Однако еслибъ Альфредъ былъ тутъ!

— За-чѣмъ вы пришли? спросилъ онъ съ бѣшенствомъ.

— Маіоръ! дама пріѣхала, въ фіакрѣ....

— Просите сюда скорѣй.... Какъ вы глупы.... Вѣдь я велѣлъ проводить ее....

И пошелъ браниться, а я молчу....

— Да, Маіоръ, правда, вы приказали принять ее....

— Такъ чего-жъ вы смотрите!...

— Да она.... эта дама....

— Ну говорите....

— Ужъ уѣхала!

— А! вы вѣрно надѣлали или наговорили глупостей, закричалъ онъ внѣ себя.

— Нѣтъ, Маіоръ, она и не выходила изъ фіакра; кучеръ отворилъ дверцы, а она приказала ему ѣхать опять туда, гдѣ онъ ее взялъ.

— Она еще близко! прервалъ онъ и бросился къ двери.

— Какъ не такъ! Ужъ болѣе часа, какъ она уѣхала

— Болѣе часа!... За чѣмъ-же вы не пришли ко мнѣ раньше?

— Да мы боялись, что вы разсердитесь.... вамъ и сего-дня пришлось *даромъ потратиться*....

— Вотъ тебѣ, подумала я, за то, что ты притворяешься, будто-бы тебѣ дурно, когда ты до меня дотрогиваешься.

— Подите вонъ! Вы только дѣлаете и говорите глупости! кричалъ онъ въ бѣшенствѣ.... развязывая великолѣпный халатъ и бросивъ на полъ бархатную ермолку, шитую золотомъ.

А славная ермолка! И что за халатъ! Такъ глаза и ѣстъ; Маіоръ былъ похожъ въ немъ на свѣтящагося червяка.

— А потомъ что было? спросилъ Родольфъ.

— Они не пріѣзжали сюда; но погодите, конецъ исторіи еще будетъ....

VI.

ТРИ ЭТАЖА.

— Слушайте конецъ исторіи, сказала г-жа Пипле. Я сбѣжала къ Альфреду. У насъ сидѣла привратница сосѣдняго дома и торговка, которая продаетъ устрицы возлѣ лавочки.... разсказываю имъ, какъ Маіоръ называлъ меня душой и обхватывалъ мнѣ талію... Какъ они хохотали!... Даже Альфредъ, хоть онъ менаи.... какъ бишь?... да, миланхоликъ съ-тѣхъ-поръ, какъ проклятый *Кабріонъ* съ нимъ шутитъ....

Родольфъ посмотрѣлъ на нее съ удивленіемъ.

— Да, когда мы будемъ подружнѣе, я вамъ все разскажу.... Альфредъ, не смотря на свою меланхолію, называетъ меня душою.... Въ это время выходитъ Маіоръ изъ своихъ комнатъ и запираетъ двери, но слышитъ, что мы внизу смѣемся, не смѣетъ спуститься по лѣстницѣ, чтобъ мы не стали надъ нимъ подшучивать, а ему непремѣнно надо пройти мимо нашей комнаты. Торговка начинаетъ кричать грубымъ своимъ голосомъ: *Что такъ поздно, душа моя?*... Маіоръ уходитъ въ свои комнаты и захлопнулъ дверь.... Разъ десять отворялъ онъ двери, прислушивался, есть ли у насъ гости? Они все сидѣли, не трогаясь съ мѣста. Наконецъ, видя, что мы рѣшились его подкараулить, онъ сбѣжалъ съ лѣстницы, бросилъ мнѣ ключъ и исчезъ, пока мы хохотали во все горло, а торговка кричала: *Что такъ поздно, душа моя?*

— За это онъ могъ отказать вамъ и нанять другую прислугу....

— Какъ-бы не такъ!... не смѣетъ!... Онъ у насъ въ рукахъ, мы знаемъ, гдѣ живетъ его *подружка;* если онъ заикнется, такъ мы все разскажемъ. Кого найдетъ онъ за 12 франковъ? Чужую! Такъ мы не дадимъ ей житья! Повѣрите-ли, что онъ считаетъ дрова!... Онъ, вѣрно,

выскочка, какой нибудь дрянной обогатившійся купчишка.... Голова господская, а тѣло лакейское; тамъ мотаетъ, а тутъ скряжничаетъ. Я не желаю ему зла, но мнѣ забавно, какъ *она* водитъ его за носъ.... Пари держу, что и завтра будетъ тоже.... Я позову опять торговку, и мы повеселимся. А главное мужъ-то *ея* хорошъ.... бѣдняжка! Впрочемъ это не наше, а его дѣло! Наконецъ завтра мы ее увидимъ; и какъ-бы ни прятала она носъ, мы все-таки узнаемъ, какіе у ней глаза. И какая странная она! Ѣдетъ къ мужчинѣ, а притворяется, будто ей стыдно. Однако, позвольте мнѣ распорядиться съ кушаньемъ.... Оно для Альфреда.... А онъ любитъ покушать.... за ѣду онъ готовъ измѣнить Франціи, прекрасной своей Франціи!...

Пока г-жа Пипле возилась съ кушаньемъ, Родольфъ предался самымъ печальнымъ размышленіямъ.

Дама, о которой шло дѣло, (Маркиза Дарвилль или какая другая, все равно), вѣроятно, только послѣ долгой борьбы рѣшилась ѣхать на первое и второе свиданіе. Испугавшись послѣдствій своей неосторожности, она не исполнила опаснаго обѣщанія: ей помѣшало спасительное раскаяніе.

И для кого рѣшалась она на такой позоръ, на такія опасности?

Родольфъ зналъ свѣтъ и людей; онъ вѣрно понялъ характеръ Маіора, по нѣкоторымъ чертамъ, наивно и грубо описаннымъ привратницею.

Онъ глупо-гордъ, потому-что чванится чиномъ, котораго не имѣетъ; онъ не умѣетъ жить, потому-что не окружаетъ непроницаемою тайною такихъ похожденій, въ которыхъ любимая его женщина жертвуетъ всѣмъ; онъ такъ нелѣпъ и такъ скупъ, что даже не понимаетъ, что, пожалѣвъ нѣсколько луидоровъ, онъ подвергаетъ даму свою дерзкимъ и низкимъ насмѣшкамъ своей прислуги!

О! думалъ Родольфъ, какой урокъ для этой женщины, мнѣ по-счастію незнакомой! еслибъ она слышала, *какими* словами разсказывали объ ея поступкѣ, разумѣется

преступномъ, но стоившемъ ей такой любви, такихъ слезъ, такого ужаса, такихъ угрызеній совѣсти!

Потомъ, вспомнивъ, что маркиза Дарвилль можетъ быть печальною героинею этого приключенія, Родольфъ спрашивалъ себя, какимъ образомъ молодой, умный, благородный Дарвилль, любящій жену до безумія, принесенъ въ жертву человѣку глупому, скупому, эгоисту и смѣшному? Не влюбилась-ли маркиза просто въ красивое лицо этого человѣка?

Однакожъ Родольфъ зналъ, что маркиза—женщина съ сердцемъ, съ умомъ, со вкусомъ. Репутація ея чиста, какъ снѣгъ. Гдѣ познакомилась она съ этимъ человѣкомъ? Родольфъ часто посѣщалъ Дарвиллей и никогда не видалъ у нихъ никого, похожаго на Маіора.

Онъ наконецъ увѣрился, что это, вѣрно, не маркиза.

Между-тѣмъ г-жа Пипле кончила свои кухонныя занятія и начала снова разговаривать съ Родольфомъ.

Кто живетъ во второмъ этажѣ? спросилъ онъ.

—Старушка Бюреттъ, мастерица гадать въ карты.... Она читаетъ на рукѣ, какъ по книгѣ. Знатные люди пріѣзжаютъ къ ней погадать.... И какъ она наживается! Кромѣ того, она ростовщица....

— Ага! прекрасное ремесло!

— Безъ всякихъ бумагъ, расписокъ, и счетовъ! Вотъ какъ это дѣлается. Старухѣ Бюреттъ приносятъ вещичку въ три франка; она даетъ десять су, и черезъ недѣлю вы отдаете ей двадцать су, а если не отдали, вещь остается у ней.... Очень просто: все круглы счеты!

— Да, очень просто; но, кажется, запрещено отдавать деньги въ ростъ.

— Ха-ха-ха!... Откуда вы пріѣхали?... Извините, я говорю съ вами, какъ мать съ сыномъ.

— Вы чрезвычайно-добры....

— Разумѣется, что запрещено; да еслибъ не дѣлать всего запрещенаго, такъ часто пришлось-бы сидѣть сложа руки. Старуха Бюретъ не даетъ расписокъ, такъ ее поймать нельзя, и она насмѣется надъ полиціей....

— Она только этимъ и промышляетъ?

— Кажется, только.... однакожъ она еще что-то дѣлаетъ, запершись въ комнатѣ съ Красной-рукой и старухой которую зовутъ *Совою*.

Родольфъ посмотрѣлъ на нее съ изумленіемъ.

— Не правда-ли, смѣшное имя, сказала она.

— Да; а часто-ли она сюда ходитъ?

— Вотъ цѣлыхъ шесть недѣль не была; а третьягодня опять появилась; теперь она хромаетъ.

— Зачѣмъ-же она ходитъ сюда?

— Я и сама не знаю.... Я только замѣтила, что Сова всегда приноситъ съ собою связку чего-то, и Красная-рука тоже приноситъ такую связку, а уходятъ оба безъ ничего.

— Что́ же они приносятъ?

— Не знаю.... только они чертовски шумятъ.... По лѣстницѣ пахнетъ всегда сѣрой, жженымъ углемъ и растопленнымъ оловомъ.... Они дуютъ, дуютъ какъ кузнецы. Вѣрно старуха Бюреттъ составляетъ какое-нибудь зѣлье для гаданья или магіи.... Такъ, по-крайней-мѣрѣ, мнѣ сказалъ г. Цезарь Брадаманти, который живетъ въ третьемъ этажѣ.... Вотъ ученый-то! Онъ Италіянецъ, а говоритъ по французски лучше насъ съ вами, хоть у него прескверное произношеніе.... но все равно, удивительно ученъ!... Знаетъ всѣ травы, вырываетъ зубы, не для денегъ, а такъ для чести.... Да, сударь, изъ одной чести.... Онъ всѣмъ говоритъ: если у васъ шесть порченыхъ зубовъ, я вырву первые пять безъ всякой платы, вы заплатите только за одинъ шестой. Не его вина, если у васъ только одинъ!

— Какое великодушіе!

— Кромѣ того онъ продаетъ безподобную воду.... Она укрѣпляетъ волоса, прогоняетъ глазныя болѣзни, сводитъ мозоли, уничтожаетъ боли въ желудкѣ и истребляетъ мышей....

— Таже самая вода?...

— Одна и таже.

— Уничтожаетъ боли въ желудкѣ и крысъ!

— Да, всѣхъ крысъ, потому-что полезное человѣку вредно крысамъ.

— Ваша правда, г-жа Пипле, я объ этомъ и не подумалъ.

— А вотъ лучшее доказательство ея достоинства: она составляется изъ травъ, которыя самъ Брадаманти собиралъ въ горахъ Ливанскихъ, въ какой-то землѣ, похожей на Америку, откуда онъ привезъ и лошадку свою.... Ни дать, ни взять тигръ: вся бѣлая, съ пятнами.... Можно заплатить деньги, чтобъ посмотрѣть на Брадаманти, когда онъ сядетъ верхомъ на своего тигра, и надѣнетъ красное платье съ желтыми отворотами и шляпу съ перомъ. Теперь онъ нанялъ горбуна, сына Красной-руки, и одѣлъ его трубадуромъ, въ черный токъ, въ курточку абрикосоваго цвѣта. Горбунъ бьетъ въ барабанъ и сзываетъ публику....

— Плохое ремесло досталось сыну вашего хозяина?

— Отецъ говоритъ, что надобно держать его построже, а то мальчикъ какъ разъ попадетъ на эшафотъ. Правда, онъ несносенъ, какъ обезьяна, и ужъ не одну штуку сыгралъ съ добрымъ Брадаманти.... Онъ вылечилъ Альфреда отъ ревматисма, и мы за то носимъ его на рукахъ. А есть люди.... смѣютъ говорить....

— Что такое?

— Не могу, не смѣю сказать....

— Ну, не говорите.

— Стыдно сказать молодому человѣку....

— Такъ не говорите, г-жа Пипле.

— Впрочемъ, вы будете у насъ жить, такъ вамъ надобно знать, что все это ложь.

— Говорите, я васъ слушаю.

— Разсказываютъ про него... что, если дѣвушка какънибудь пошалитъ.... и боится послѣдствій....

— Что-же?

— Опять не смѣю....

— Да говорите....

— Впрочемъ, все это вздоръ.... Послушайте, молодой человѣкъ, сказала привратница торжественнымъ голо-

сомъ, дайте мнѣ честное слово, что вы никому ничего не скажете.

— Не дамъ честнаго слова, пока не узнаю о чемъ идетъ дѣло.

— Вѣдь я вамъ разсказываю все это, не за ваши шесть франковъ и не за вашу смородиновку....

— Разумѣется.

— А потому-что вы внушаете мнѣ довѣріе....

— Очень понимаю.

— И что я хочу услужить бѣдному Брадаманти, оправдавъ его.

— Ваше намѣреніе прекрасно; говорите-же.

— Хорошо, только никому ни слова....

— Будьте увѣрены....

— Говорятъ.... но не могу сказать.... Лучше скажу вамъ на ухо....

Старуха сказала Родольфу на-ухо нѣсколько словъ, отъ которыхъ онъ измѣнился въ лицѣ.

— Да это ужасъ! вскричалъ онъ, вставъ съ мѣста и осматриваясь кругомъ съ трепетомъ. Могутъ-ли существовать такія преступленія!

— Все это говорятъ злые языки, продолжала привратница. Какъ можно! Онъ вылечилъ Альфреда отъ ревматисма, вывезъ изъ горъ Ливанскихъ тигра, вырываетъ даромъ пять зубовъ для шестаго, платитъ за квартиру всегда исправно впередъ.... Не можетъ быть!... Скорѣе умру, чѣмъ повѣрю!

Пока г-жа Пипле изливала гнѣвъ свой на клеветниковъ, Родольфъ вспомнилъ о письмѣ, присланномъ къ шарлатану. Адрессъ былъ испорченъ—слезою.

Въ этой слезѣ и въ таинственномъ письмѣ Родольфъ видѣлъ цѣлую драму....

Невольное предчувствіе увѣряло его, что всѣ слухи о шарлатанѣ совершенно справедливы.

— Вотъ идетъ Альфредъ! сказала привратница; и онъ подтвердитъ вамъ, что только злые языки клевещутъ на бѣднаго Брадаманти.

VII.

ГОСПОДИНЪ ПИПЛЕ.

Напомнимъ читателю, что все это происходитъ въ 1838 году. . . . . .

Пипле вошелъ въ свою конурку, очень важно и торжественно. Онъ былъ лѣтъ шестидесяти, съ огромнымъ носомъ, очень толстъ; лицо его походило на фигуры Нюрембергскихъ куколъ; голова этого страннаго человѣка была покрыта остроконечною старою шляпенкою, съ широкими полями.

Альфредъ также былъ привязанъ къ этой шляпѣ, какъ жена его—къ своему фантастическому парику. Почтенный привратникъ носилъ зеленый фракъ, котораго отвороты казались сѣрыми. Не смотря на свою важность, г-нъ Пипле не разставался съ кожанымъ передникомъ, скромною эмблемою своего ремесла.

Онъ поклонился Родольфу съ чрезвычайною любезностію, но увы! улыбка его дышала тоскою....

Въ ней выражалась самая глубокая меланхолія, какъ уже г-жа Пипле сказала Родольфу.

— Альфредъ! вотъ этотъ господинъ хочетъ нанять квартиру въ четвертомъ этажѣ.... Мы ждали тебя: онъ желаетъ угостить насъ рюмкой смородиновки.

Такая учтивость, со-стороны Родольфа, тотчасъ заставила Альфреда полюбить новаго жильца. Привратникъ приложилъ руку къ шляпѣ и произнесъ густымъ басомъ:

— Мы, по долгу нашему, постараемся вамъ угодить, какъ вы, по званію вашему, постараетесь удовлетворить насъ.... Подобные всегда сходятся!

Потомъ Пипле спохватился и съ ужасомъ спросилъ:

— Не живописецъ-ли вы, милостивый государь?

— Нѣтъ, я купеческій прикащикъ.

— Прекрасно! я вашъ слуга! Благодарю природу, что она не создала васъ по подобію этихъ чудовищъ—артистовъ.

— Артисты—чудовища? спросилъ Родольфъ.

Пипле, вмѣсто отвѣта, поднялъ обѣ руки надъ головою и съ негодованіемъ началъ мычать.

— Живописцы отравили жизнь Альфреда, они наградили его меланхоліею, о которой я вамъ говорила, — сказала г-жа Пипле въ полголоса Родольфу; а потомъ продолжала громко, ласковымъ тономъ:—Перестань, Альфредъ, будь разсудительнѣе и не думай о несносномъ шалунѣ.... Чорныя мысли тебя разстроятъ и помѣшаютъ обѣдать.

— Да, я буду храбръ и разсудителенъ, отвѣчалъ Альфредъ съ печальнымъ и рѣшительнымъ достоинствомъ; *онъ* много навредилъ мнѣ.... *онъ* мой губитель.... мой палачъ.... но теперь я его презираю! О! живописецъ въ домѣ—хуже чумы!

— А у васъ жилъ живописецъ?

— Увы! жилъ одинъ, къ-несчастію! Его звали Кабріономъ.

При этомъ имени, не смотря на наружное спокойствіе, Пипле судорожно сжалъ кулаки.

— Онъ-то и жилъ въ той комнатѣ, которую я хочу занять? спросилъ Родольфъ.

— Нѣтъ, до васъ тутъ жилъ прекрасный, предостойный молодой человѣкъ, г-нъ Жерменъ; но до него жилъ Кабріонъ.... Выѣхавъ отсюда, Кабріонъ едва не свелъ меня съ ума....

— Такъ вы о немъ очень жалѣли?

— Жалѣлъ! о Кабріонѣ! прервалъ Пипле съ негодованіемъ.... Что вы! Представьте, сударь, что хозяинъ нашъ, Красная-рука, заплатилъ ему деньги только за то, чтобъ нарушить контрактъ.... вѣдь мы имѣли несчастіе заключить контрактъ! Какой проклятый человѣкъ! Нельзя вспомнить что онъ дѣлалъ съ нами и со всѣми жильцами! Вотъ, хоть напримѣръ, онъ пользовался всякими, всякими инструментами, чтобъ не давать намъ покоя. Да, сударь, всѣми, отъ охотничьяго рога до барабана!... И нарочно игралъ фальшиво, и потомъ тянулъ фальшивую ноту, одну и ту-же, по цѣлымъ часамъ.... Мы едва не сошли съ ума. Двадцать жалобъ получилъ Красная-

рука: всѣ просили его—выгнать нестерпимаго искусителя. Наконецъ, успѣли выжить его, заплативъ ему неустойку за восемь мѣсяцовъ! Уморительно! Жильцу заплатили за квартиру! Но ему заплатили-бы вдвое больше, только-бы онъ убрался.... Онъ выѣхалъ!... Вы думаете, все и кончилось!... какъ-бы не такъ! На другой день, часовъ въ одиннадцать вечера, я легъ спать.... Динь! Динь! Динь!... Я отперъ дверь.... Кто-то подходитъ къ моей комнатѣ. Здравствуйте, привратникъ, и пожалуйте мнѣ локонъ вашихъ волосъ. Жена говоритъ мнѣ: это вѣрно ошибка; а я отвѣчаю незнакомцу:—Извольте спросить въ сосѣднихъ домахъ. Нѣтъ, отвѣчаетъ голосъ, именно здѣсь; привратника зовутъ Пипле.—Да, меня зовутъ Пипле, отвѣчаю я.—Пипле, другъ мой, продолжаетъ тотъ-же голосъ, я пришолъ просить у васъ локонъ вашихъ волосъ для Кабріона: онъ этого непремѣнно хочетъ.

Пипле смотрѣлъ на Родольфа, качая головою и скрестивъ на груди руки.

— Понимаете-ли, сударь? У меня, смертельнаго врага своего, котораго онъ злодѣйски оскорбилъ не одинъ разъ, у меня прислалъ онъ просить локонъ волосъ,—вѣдь это милость, въ которой дамы иногда отказываютъ своимъ любовникамъ!

— Хотя-бы Кабріонъ былъ такой-же порядочный жилецъ, какъ г. Жерменъ, сказалъ Родольфъ съ удивительнымъ хладнокровіемъ.

— Еслибъ даже онъ былъ безподобный жилецъ, я все-таки не далъ-бы ему локона волосъ, величественно сказалъ привратникъ; это не въ моихъ правилахъ, не въ моихъ привычкахъ; но я за долгъ, за необходимость счелъ—отказать ему учтиво.

— И повѣрите-ли, продолжала г-жа Пипле, съ-тѣхъ-поръ несносный Кабріонъ напустилъ на насъ цѣлую кучу живописцевъ—мальчишекъ; утромъ, вечеромъ, ночью, ежеминутно приходили они просить у Альфреда локонъ волосъ, — и все для Кабріона!

— А я не поддался, сказалъ Пипле рѣшительно,—нѣтъ, меня скорѣе втащили-бы на эшафотъ. Три или четыре мѣсяца приставали они; во все это время я крѣпко про-

тивился, и наконецъ моя энергія восторжествовала надъ усиліями этихъ презрѣнныхъ.... Они поняли, что имѣютъ дѣло съ желѣзною волею, и отказались отъ дерзостныхъ требованій. Но, сударь, я былъ пораженъ сюда, *(Альфредъ указалъ на сердце)*; еслибъ я совершилъ гнуснѣйшія преступленія, все-таки спалъ-бы спокойнѣе. Ежеминутно просыпался я: мнѣ все слышался голосъ проклятаго Кабріона. Я никому не вѣрилъ.... въ каждомъ человѣкѣ видѣлъ врага, и лишился любезности. Если чужое лицо являлось у моей комнаты, я весь дрожалъ, думая, что оно тоже изъ шайки Кабріона.... И теперь еще, милостивый государь, я недовѣрчивъ, скученъ, мраченъ, неразговорчивъ, какъ злодѣй.... боюсь открывать душу новымъ знакомымъ, опасаясь, что они, можетъ-быть, друзья Кабріона.... Ничто мнѣ не нравится....

Г-жа Ипле поднесла палецъ къ лѣвому глазу, утерла слезу и кивнула головою въ знакъ согласія.

Альфредъ продолжалъ, голосомъ, который каждую минуту становился жалобнѣе:

— Наконецъ я живу самъ въ себѣ, какъ въ раковинѣ; такъ протекаетъ передо мною потокъ жизни. Не правду-ли я вамъ сказалъ, что адскій Кабріонъ отравилъ мое существованіе?

— Понимаю теперь, почему вы не любите живописцевъ, отвѣчалъ Родольфъ: но г. Жерменъ утѣшилъ васъ за Кабріона?

— Вотъ добрый и достойный юноша! Откровененъ, какъ золото, услужливъ и не гордъ.... веселъ.... да веселъ такъ, что его веселье не причиняетъ зла никому.... Не то, что этотъ дерзкій и нестерпимый Кабріонъ!

— Успокойтесь и не произносите этого несноснаго имени.... Кто-же завладѣлъ теперь г. Жерменемъ, жемчужиною жильцовъ?

— Не знаемъ.... и никто не знаетъ, кромѣ Риголетты?

— А что это за Риголетта? спросилъ Родольфъ.

— Швея; она нанимаетъ другую половину четвертаго этажа, сказала г-жа Ипле. Вотъ тоже жемчужина! Платитъ впередъ.... въ комнатѣ чисто.... мила со всѣми и

такая веселенькая! А работаетъ, какъ муравей, и достаетъ по два́ франка въ день, но тяжелой работой.

— Отчего-жъ она одна знаетъ квартиру Жермена?

— Когда онъ выѣзжалъ отъ насъ, онъ сказалъ мнѣ съ Альфредомъ: «Я не жду никакихъ писемъ, но еслибъ паче чаянія принесли сюда письмо, отдайте его Риголеттѣ.» И она стóитъ его довѣренности.... Ей можно повѣрить письмо даже съ деньгами.... Не такъ-ли, Альфредъ?

— Правда, про нее нельзя-бы сказать ничего дурнаго, съ строгимъ видомъ произнесъ привратникъ, еслибъ она не дозволяла постыдному Кабріону ухаживать за собою!

— Въ этомъ виновата не Риголетта, а квартира, прервала г-жа Пипле.... Ты и самъ вѣдь это знаешь.... Тоже было и съ прикащикомъ, который жилъ тутъ до Кабріона, и съ Жерменемъ, который жилъ послѣ Кабріона; иначе и нельзя, отъ квартиры.

— Такъ всѣ жильцы этой квартиры непремѣнно ухаживаютъ за Риголеттой? спросилъ Родольфъ.

— Непремѣнно, и вотъ почему: обѣ комнаты, одна возлѣ другой, а между молодыми людьми безпрестанныя услуги: то зажечь свѣчку, то угольковъ, то воды.... а воды-то у Риголетты много: это ея роскошь. Она, какъ уточка, все полощется; едва есть у ней свободная минута, она моетъ полъ, окна....

— И Жерменъ, по свойству квартиры, жилъ съ нею какъ добрый сосѣдъ?

— Да, они созданы одинъ для другаго. Оба хорошенькіе, молоденькіе!... Весело бывало смотрѣть, какъ они бѣгутъ по лѣстницѣ, въ воскресенье.... У нихъ только и былъ одинъ день свободный!

— А видались-ли они послѣ?

— Нѣтъ, развѣ гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ, по воскресеньямъ; въ другіе дни Риголетта работаетъ съ шести часовъ утра до десяти, а иногда и до одиннадцати часовъ вечера.... А все-таки успѣваетъ дѣлать добро.... и часто бывало съ Жерменомъ убаюкивала дѣтей этого несчастнаго Мореля, котораго Красная-рука выгонитъ отсюда дни черезъ три.

— Здѣсь есть бѣдное семейство?

— О! самое несчастное!... пять человѣкъ дѣтей, мать больная, умираетъ, бабушка безумная; и всѣхъ ихъ кормитъ человѣкъ, которому часто не достаетъ куска хлѣба, хоть онъ чудесный работникъ! Въ сутки онъ спитъ только три часа.... И что́ за сонъ.... Дѣти просятъ хлѣба, жена стонетъ на соломѣ, безумная старуха рычитъ, какъ волчица, тоже съ голоду....

— И никто не поможетъ имъ? спросилъ Родольфъ.

— Помогаютъ, сколько могутъ.... Съ-тѣхъ-поръ, какъ Маіоръ платитъ мнѣ по двѣнадцати франковъ въ мѣсяцъ, я даю Морелямъ бульонъ.... Риголетта, по ночамъ, шьетъ для дѣтей платья изъ лоскутовъ, да и то́ сто́итъ ей освѣщенія. Жерменъ тоже покупалъ иногда вино, увѣряя, что получилъ его изъ дому, и угощалъ Мореля, который выпивалъ стакана два и принимался за работу съ новыми силами.

— А шарлатанъ ничего для нихъ не сдѣлалъ?

— Брадаманти? прервалъ Пипле.... Онъ вылечилъ меня отъ ревматизма, это правда.... я его уважаю, но я тогда-же сказалъ супругѣ моей: Анастасія!... Брадаманти! гмъ! гмъ!... Такъ я сказалъ тебѣ, Анастасія?

— Да, ты такъ сказалъ, но Брадаманти любитъ иногда пошутить....

— Какъ же онъ пошутилъ?

— Я разсказала ему про Мореля, который жаловался, что безумная старуха прорычала всю ночь съ голоду и не дала ему заснуть; Брадаманти мнѣ на это отвѣчалъ: «Если они такъ бѣдны, то я буду рвать имъ зубы безъ платы за шестой, и уступлю имъ воду свою за полцѣны.»

— Слышите? закричалъ Пипле. Хоть онъ вылечилъ меня отъ ревматизма, я все таки утверждаю, что такая шутка непристойна.... Но онъ всегда такъ шутитъ.

— Не забывай, Альфредъ, что онъ Италіянецъ; въ его землѣ, можетъ-быть, не знаютъ другихъ шутокъ.

— Воля ваша, а я имѣю о немъ дурное мнѣніе и не хочу съ нимъ знакомиться, сказалъ Родольфъ. А гадальщица? тоже ничего не дала?

— Нѣтъ, она давала имъ подъ закладъ разныхъ вещей; все прошло черезъ ея руки, даже послѣдніе матрацы....

— Теперь она ужъ не помогаетъ имъ?

— Разумѣется нѣтъ; она также скупа, какъ ея сердечный другъ, Красная-рука.... При этомъ словѣ г-жа Пипле мигнула и кивнула головою значительно.

— Ага! такъ вотъ что! сказалъ Родольфъ.

— Какъ-же! продолжала г-жа Пипле.... Всѣ знаютъ!

Пипле меланхолически поправилъ свою дряхлую шляпенку.

Родольфъ чувствовалъ менѣе отвращенія къ г-жѣ Пипле, съ той минуты, какъ замѣтилъ въ ней участіе къ несчастному семейству Мореля.

— Чѣмъ занимается Морель?

— Онъ брильянщикъ, обдѣлываетъ фальшивые камни, и работаетъ такъ много, что весь скривился.... Трудно бѣдняжкѣ: надобно каждый день накормить семь человѣкъ. Старшая дочь помогаетъ ему немножко.

— Который ей годъ?

— Семнадцать лѣтъ, .. и какая красавица! Она служанкой у стараго скряги.... Онъ такъ богатъ, что можетъ купить весь Парижъ.... Это нотаріусъ, Жанъ Ферронъ.

— Ферронъ? спросилъ Родольфъ съ изумленіемъ, вспомнивъ, что у него-то должно искать свѣдѣній о родителяхъ пѣвицы; онъ живетъ въ улицѣ Сантье?

— Точно такъ; вы его знаете?

— Онъ нотаріусъ купеческой конторы, на которой я служу.

— Такъ вы должны знать, что онъ ужасный скряга, но честный и набожный.... всегда въ киркѣ!... Только скупъ и строгъ съ другими, какъ самъ съ собою.... Лупза, дочь Мореля, живетъ у него ужъ полтора года. Она все дѣлаетъ въ домѣ, а получаетъ только 18 франковъ въ мѣсяцъ.... Тратитъ на себя 6 франковъ, а остальные отдаетъ на семейство.... мало!

— Какъ мало! а работа отца, если онъ прилеженъ?

— Онъ очень-прилеженъ, да все мало! Никогда мы не видали его пьянаго... Онъ былъ боленъ три мѣсяца.... Жена, ухаживая за нимъ, тоже заболѣла; и три мѣсяца все семейство должно было жить на двѣнадцать франковъ Лизы, и на занятыя деньги у старухи Бюреттъ. Впрочемъ, перестанемъ говорить о нихъ.... На силу-то Красная-рука вздумалъ ихъ выгнать.... Я говорю не изъ злости.... а если ужъ имъ слѣдуетъ страдать, такъ пусть страдаютъ въ другомъ мѣстѣ.... По-крайней-мѣрѣ мы не будемъ мучиться вмѣстѣ съ ними....

— Если ихъ выгонятъ отсюда, гдѣ найдутъ они квартиру?

— Ну, право не знаю.

— Сколько-же Морель вырабатываетъ въ день?

— Еслибъ онъ не возился съ матерью, съ женою и съ дѣтьми, то вѣрно заработывалъ-бы по четыре или пяти франковъ, потому-что работаетъ цѣлый день.... но онъ тратитъ три четверти дня на разныя хлопоты, и едва достаетъ франка полтора.

— Да, мало!... бѣдное семейство!

— Бѣдное, именно бѣдное! Жаль его, да дѣлать нечего, когда не можешь помочь!... Не такъ-ли, Альфредъ?... А что́жъ наша смородиновка? Не пора-ли съ нею поздороваться?

— Ваши разсказы, г-жа Пипле, сдавили мнѣ сердце, и я ничего не хочу; выпейте-ка вы за мое здоровье.

— Хорошо, сказалъ Пипле, но вы посмотрите квартирку?

— Извольте, и если она мнѣ понравится, я дамъ вамъ задатокъ.

Пипле вышелъ изъ кануры, а Родольфъ пошелъ за нимъ.

VIII.

ЧЕТЫРЕ ЭТАЖА.

Темная, сырая лѣстница казалась еще мрачнѣе въ ненастный зимній день.

Двери каждой квартиры этого дома представляли наблюдателю особенную физіономію.

Дверь Маіора была тщательно выкрашена; позолоченная ручка блистала у замка. Звонокъ, украшенный красною кистью, составлялъ яркую противоположность съ дряхлыми стѣнами лѣстницы.

Во второмъ этажѣ, надъ дверьми гадальщицы и ростовщицы, была прибита чучела совы. Черезъ окно въ дверяхъ, прикрытое проволокою, можно было разсматривать посѣтителей, прежде, чѣмъ они войдутъ въ комнаты.

Квартира Италіянца—шарлатана, о которомъ ходили такіе страшные слухи, тоже отличалась страннымъ входомъ.

Имя его было составлено изъ лошадиныхъ зубовъ, на чорной доскѣ, прибитой къ дверямъ.

У звонка висѣла рука обезьяны, сухая, голая..... точно рука ребенка.

Проходя мимо этой двери, Родольфъ услышалъ рыданія. Вдругъ раздался крикъ, болѣзненный, судорожный, неизъяснимо-страшный....

Быстрѣе мысли Родольфъ очутился у дверей и позвонилъ.

— Что съ вами? спросилъ изумленный привратникъ.

— Вы слышали.... какой крикъ!

— Слышалъ.... Вѣрно Брадаманти вырываетъ кому-нибудь зубъ.... или даже два....

Такое объясненіе, хотя и правдоподобное, не удовлетворило Родольфа

Страшный крикъ, какалось ему, выражалъ не физическое страданіе, а душевную боль....

Родольфъ звонилъ изо всей мочи.

Сначала ему не отвѣчали, и начали запирать въ квартирѣ всѣ двери, одну за другой; потомъ въ окнѣ, возлѣ входа, показалась отвратительное лицо, блѣдное и худое; рыжіе волосы покрывали его сверху, а снизу оно кончалось рыжею бородою.

Черезъ секунду, привидѣніе исчезло

Родольфъ стоялъ какъ окаменѣлый.

Онъ узналъ въ привидѣніи знакомыя черты.

Зеленые, блестящіе глаза, мертвая блѣдность, орлиный носъ, раздвинутыя, надутыя ноздри, напомнили ему того самаго Полидори, котораго Мурфъ проклиналъ въ разговорѣ съ Грауномъ.

Родольфъ не видалъ его лѣтъ семнадцать, однакожъ, по нѣкоторымъ причинамъ, не забылъ. Одно только сбивало Родольфа: Полидори былъ чорный, а шарлатанъ — рыжій!

Родольфъ зналъ, что Полидори—человѣкъ рѣдкаго ума, съ необыкновенными познаніями; но онъ тоже зналъ, что это человѣкъ развратный, съ дурными склонностями, съ неистовымъ презрѣніемъ къ людямъ. Удивительно-ли, что, попавъ въ нищету, онъ сталъ искать средствъ къ жизни самыхъ нечистыхъ, и имѣлъ ироническое наслажденіе быть шарлатаномъ, при всемъ своемъ умѣ, при всѣхъ своихъ познаніяхъ?

Родольфъ подумалъ, что чорный Полидори не могъ превратиться въ рыжаго шарлатана, и спросилъ у Пипле:

— Давно-ли Брадаманти живетъ у васъ въ домѣ?

— Скоро годъ.... Славный жилецъ, преисправный; онъ вылечилъ меня отъ ревматизма.... Одинъ въ немъ порокъ: онъ не остороженъ на языкъ, и на словахъ ничего не уважаетъ.... Я не баба, а такаго смѣха не люблю.

— Такъ онъ очень-веселъ?

— Не то, чтобы веселъ.... напротивъ онъ даже похожъ на мертвеца.... Онъ никогда не смѣется губами.... но всегда смѣется словами.... Для него нѣтъ ни матери, ни отца, ни святыни, ни ада.... онъ даже смѣется надъ своею водою.... да, надъ своею собственною водою! Но, признаюсь, часто его шутки меня пугаютъ.... Морозъ подираетъ по кожѣ.... Если онъ посидитъ у насъ четверть часа и поразскажетъ о дикихъ женщинахъ, которыя имѣютъ привычку ходить безъ платья, мнѣ кажется, что я меньше начинаю любить Анастасію.... Иногда онъ такъ разсказываетъ про обѣды людей, которымъ онъ вставлялъ зубы, что у меня аппетитъ пропадаетъ и кушанье кажется мнѣ горькимъ.... А про женщинъ!... Я не стыдливъ, а краснѣю по уши!

— А г-жа Пипле молчитъ?

— Анастасія до смерти любитъ умныхъ людей, а Брадаманти вѣдь очень-уменъ: за то она все прощаетъ ему.

— Она разсказывала мнѣ про страшные слухи....

— Какъ! Она вамъ говорила?

— Будьте спокойны, я умѣю молчать!

— Я не вѣрю этому слуху и никогда не стану вѣрить, однакожъ всегда думаю о немъ, и это еще болѣе умножаетъ ненависть мою къ шуткамъ Брадаманти. Видите-ли.... я ненавижу Кабріона.... положу эту ненависть съ собою въ гробъ.... Ну! а все-таки глупости Кабріона мнѣ кажутся сноснѣе шутокъ Брадаманти, который разсказывая ихъ, сжимаетъ ротъ, точно какъ мой покойный дядя, въ минуту смерти.

Слова Пипле, объ иронiи шарлатана и его страсти отравлять горькими насмѣшками, служили подкрѣпленiемъ перваго мнѣнiя Родольфа, потому-что Полидори предавался самому смѣлому и отвратительному скептицизму, когда снималъ съ себя маску лицемѣрства.

Рѣшившись разузнать, кто этотъ шарлатанъ, Родольфъ пошелъ за Пипле въ четвертый этажъ, смотрѣть свою квартиру.

Квартиру Риголетты легко было узнать по памятнику, оставленному изъ учтивости живописцемъ, смертельнымъ врагомъ г-на Пипле.

Полдюжина толстенькихъ амуровъ, въ родѣ Ватто, составляли группу. Одинъ несъ наперстокъ, другой ножницы, третiй утюгъ, четвертый зеркальцо, и т. д. Въ срединѣ ихъ, по голубому полю, розовыми буквами было написано: *Риголетта, швея*. Мѣсто рамки занимала нарисованная гирлянда цвѣтовъ. Все это довольно хорошо отдѣлялось отъ двери, выкрашенной свѣтло-зеленою краскою.

Рискуя растравить раны г-на Пипле, Родольфъ спросилъ у него, указывая на дверь Риголетты:

— Это, вѣрно, работа Кабріона?

— Да, сударь.... Онъ позволилъ себѣ испортить крашеную дверь этими непристойными мальчишками, кото-

торыхъ онъ называлъ амурами. Еслибъ не просьба Риголетты, и не Красная-рука, я давно счистилъ-бы все это, и даже палитру, которую чудовище намаралъ на *вашей* двери.

Въ-самомъ-дѣлѣ, на дверяхъ висѣла палитра, испещренная кусками красокъ.

Квартира состояла изъ комнаты и передней; окна выходили въ улицу Тампль. Жерменъ тщательно сберегъ фантастическіе очерки, набросанные Кабріономъ на второй двери.

Родольфъ имѣлъ столько причинъ жить въ этомъ домѣ, что тотчасъ далъ сорокъ су привратнику и сказалъ:

— Квартира мнѣ очень нравится; вотъ вамъ.... Завтра я перевезу мебели. Мнѣ не нужно видѣться съ Красною-рукой, вашимъ хозяиномъ?

— Не нужно; онъ рѣдко здѣсь бываетъ, и то къ старухѣ Бюреттъ.... Всѣ ко мнѣ относятся.... Позвольте узнать ваше имя?

— Родольфъ.

— А фамилія?

— Родольфъ, просто....

— А, это другое дѣло; я спрашивалъ не изъ любопытства: имена и мысли свободны.

— Не пойдти-ли мнѣ завтра къ Морелю, спросить, не могу-ли я быть ему полезенъ? Вѣдь прежній его сосѣдъ, Жерменъ, помогалъ ему.

— Можно, только за-чѣмъ? ихъ скоро выгонятъ отсюда; впрочемъ, все-таки ему будетъ лестно.... Потомъ, посмотрѣвъ на Родольфа лукаво и насмѣшливо, Пипле прибавилъ: Понимаю, понимаю, начнете съ сосѣдомъ, а кончите съ сосѣдкой....

— Надѣюсь!

— Ничего, сударь, ужъ такой здѣсь обычай.... Я увѣренъ, что Риголетта слышала, какъ мы пришли смотрѣть комнату и ждетъ какъ-бы посмотрѣть на насъ. Я нарочно постучу ключемъ, а вы смотрите хорошенько, когда мы выйдемъ на площадку.

Въ-самомъ-дѣлѣ, Родольфъ замѣтилъ, что дверь съ амурами полу-раскрыта, и увидѣлъ остренькій носикъ и

большой чорный глазъ.... Когда онъ приостановился, дверь тотчасъ затворили.

— Я вѣдь говорилъ, что она поджидаетъ насъ!... Но извините: я пойду на обсерваторію....

— Куда это?

— Надъ лѣстницей есть площадка передъ дверью Мореля, а за дверью въ простѣнкѣ дыра.... Тамъ все видно, какъ будто сидишь у него въ гостяхъ.... Я не подсматриваю за ними, избави Боже!... а такъ, гляжу на нихъ, какъ на самую печальную мелодраму. А когда потомъ сойду въ свою коморку, такъ мнѣ кажется, что я попалъ во дворецъ. Не хотите-ли и вы посмотрѣть?...

— Покорнѣйше благодарю; въ другой разъ, завтра, я воспользуюсь вашимъ приглашеніемъ....

— А я взойду на обсерваторію.... Извольте сходить съ лѣстницы, я сей-часъ буду.

Пипле началъ подниматься по опасной лѣстницѣ.

Родольфъ смотрѣлъ на дверь Риголетты и думалъ, что бывшая подруга бѣдной Пѣвицы, вѣрно, знаетъ квартиру несчастнаго сына Учителя, какъ вдругъ, въ нижнемъ этажѣ, кто-то вышелъ отъ шарлатана. Онъ слышалъ легкіе шаги женщины и шелестъ шолковаго платья. Родольфъ, уважая чужую тайну, не двинулся съ мѣста.

Когда шаги исчезли, Родольфъ сошелъ внизъ.

На послѣднихъ ступенькахъ втораго этажа онъ поднялъ платокъ. Онъ принадлежалъ особѣ, которая вышла изъ квартиры шарлатана.

Родольфъ подошелъ къ окну и разсмотрѣлъ платокъ, богато обшитый кружевомъ. На одномъ изъ угловъ были вышиты буквы *L* и *N*, подъ герцогскою короною.

Весь платокъ былъ вымоченъ слезами.

Родольфъ хотѣлъ отдать его, но подумалъ, что это будетъ приписано любопытству; онъ оставилъ его у себя, и такимъ образомъ, невольно имѣлъ въ рукахъ доказательство таинственнаго и, вѣроятно, печальнаго происшествія.

Войдя къ г-жѣ Пипле, онъ сказалъ ей:

— Какая здѣсь прошла женщина?

— Женщина! нѣтъ! а прошла *дама*, высокая и стройная, съ чорнымъ вуалемъ Она вышла отъ г. Цезаря.... Хромой нанялъ ей фіакръ, и поѣхалъ сзади.... онъ, вѣрно, хочетъ знать, гдѣ она живетъ. Вѣдь онъ любопытенъ, какъ сорока....

— Вотъ, подумалъ Родольфъ, шарлатанъ узнаетъ имя и квартиру этой дамы, если онъ приказалъ Хромому слѣдовать за нею.

— Понравилась-ли вамъ квартира?

— Очень, я ее нанялъ, и завтра перевезу мебель.

— Слава Богу! У насъ будетъ чудесный жилецъ!... Пипле васъ непремѣнно полюбитъ.

— Вы льстите мнѣ, г-жа Пипле.

— Совсѣмъ нѣтъ, я говорю отъ-души. Если вы поладите съ Альфредомъ, какъ я буду вамъ благодарна! Вы увидите, какъ я стану хлопотать о вашемъ хозяйствѣ.... По воскресеньямъ, если вы вздумаете обѣдать дома, я настряпаю вамъ такихъ вещей, что вы всѣ пальчики оближете.

Простившись съ нею, Родольфъ вышелъ.

Онъ былъ доволенъ послѣдствіями перваго посѣщенія, потому-что узналъ:

Что Риголетта непремѣнно знаетъ новую квартиру Жермена, сына Учителя;

Что дама, очень похожая на маркизу Дарвилль, назначила Маіору свиданіе на слѣдующій день, а Родольфъ по многимъ причинамъ любилъ Дарвилля;

Что Красная-рука выброситъ на улицу честнаго и трудолюбиваго работника, убитаго нищетою.

Сверхъ-того, Родольфъ невольно открылъ какое-то происшествіе, въ которомъ дѣйствуютъ шарлатанъ—Брадаманти (можетъ-быть Полидори) и знатная дама.

Еще узналъ онъ, что Сова, выпущенная изъ больницы, имѣетъ подозрительныя сношенія съ старухою Бюреттъ.

Родольфъ воротился домой, отложивъ до другаго дня посѣщеніе нотаріуса Феррона; его ждали на балу у *** посланника.

Не отправляясь еще на этотъ балъ, бросимъ взглядъ на Тома и Сару, которые очень-важны для нашей исторіи.

IX.

ТОМЪ И САРА.

Сара Сейтонъ, вдова графа Макъ-Грегора, тридцати семи или восьми лѣтъ, происходила отъ извѣтной шотландской фамиліи. Отецъ ея былъ баронетъ.

Красавица Сара, осиротѣвъ семнадцати лѣтъ, покинула Шотландію, вмѣстѣ съ братомъ своимъ Томомъ.

Нелѣпыя предсказанія кормилицы довели до безумія два главные порока Сары,—гордость и честолюбіе. Кормилица предсказала ей, что она будетъ супругою владѣтельнаго князя.

Сара убѣдила себя въ истинѣ этихъ предсказаній, вспомнивъ, что одна гадальщица предсказала тронъ славной креолкѣ, которая сидѣла на французскомъ престолѣ и оставила по себѣ незабвенную память.

Еще страннѣе, что Томъ ободрялъ нелѣпыя надежды сестры своей и рѣшился посвятить всю жизнь на достиженіе до этого блестящаго но несбыточнаго сна.

Съ помощію Готскаго Альманаха на 1819 годъ, Томъ составилъ списокъ всѣхъ владѣтельныхъ князей, которые по лѣтамъ своимъ могли жениться.

Нелѣпое честолюбіе брата и сестры не хотѣло прибѣгать къ предосудительнымъ средствамъ. Томъ рѣшился помогать ей въ хитростяхъ, въ интригахъ, но убилъ-бы ее, еслибъ узналъ, что она ищетъ не брака.

Списокъ князей былъ очень-длиненъ. Особенно богата ими Германія. Туда-то Сара отправилась прежде всѣхъ другихъ мѣстъ.

Она могла надѣяться на успѣхъ, потому-что соединяла съ удивительною красотою самые разнообразные таланты. Ея обольщенія были тѣмъ опаснѣе, что по наружности она казалась великодушною, пылкою, страстною, а въ существѣ имѣла душу сухую и черствую, умъ ловкій и

злой, страшную способность притворяться, характеръ упрямый и самовластный.

Чорные ея глаза, то горящіе, то нѣжные, могли выражать пылъ страсти, хотя любовь никогда не потрясала ледяной ея груди. Движенія сердца или чувствъ никогда не могли разстроить расчеты этой хитрой и честолюбивой эгоистки.

Пріѣхавъ на твердую землю, Сара поселилась, по совѣту брата, въ Парижѣ, съ намѣреніемъ докончить свое воспитаніе и отъучиться отъ британскихъ привычекъ, въ парижскомъ обществѣ.

Ее приняли въ самое лучшее, самое высшее общество, по письмамъ, которыя она привезла съ собою, и по рекомендаціи супруги англійскаго посла и стараго маркиза Дарвилля.

Проживъ въ Парижѣ полгода, Сара могла поспорить съ любою Парижанкою, милою прелестію ума, очаровательною веселостію, простодушнымъ кокетствомъ и возбудительнымъ взглядомъ, который казался и дѣвственнымъ и страстнымъ.

На спискѣ, составленномъ Томомъ, первое мѣсто занимала фамилія Князей Герольштейнскихъ. Вотъ что напечатано о нихъ въ Готскомъ Альманахѣ на 1819 годъ:

ГЕРОЛЬШТЕЙНЪ.

«Владѣтельный князь—*Максимиліанъ Родольфъ*, родился 10 декабря 1764; наслѣдовалъ отцу своему Карлу Фридриху Родольфу 21 апрѣля 1785.—Вдовъ съ января 1808.»

СЫНЪ ЕГО.

«*Густавъ Родольфъ*, родился 17 апрѣля 1803.»

МАТЬ ЕГО.

«Герцогиня *Юдиѳь*, супруга покойнаго князя Карла—Фридриха—Родольфа; вдовѣетъ съ 21 апрѣля 1785.»

Томъ, по вѣрному соображенію, далъ первыя мѣста въ спискѣ молодымъ князьямъ, потому-что молодость легче увлекается. При томъ-же Томъ и Сара были особенно рекомендованы Князю Герольштейнскому старикомъ Дарвиллемъ, который остался безъ ума отъ красоты, прелестей и наивности Сары.

Густаву—*Родольфу* было только восемнадцать лѣтъ, когда Томъ и Сара представились его отцу.

Пріѣздъ очаровательной Шотландки произвелъ движеніе въ маленькомъ нѣмецкомъ городѣ, спокойномъ, простомъ, серіозномъ и почти патріархальномъ. Князь управлялъ подданными, какъ отецъ; они почитали себя совершенно счастливыми. Герольштейнскіе жители, трудолюбивые и важные, служили выраженіемъ идеальнаго типа нѣмецкаго характера.

Князь очень любилъ стараго Дарвилля, за его заслуги, и по его письму, съ особенною ласкою принялъ Тома и Сару.

Проживъ при дворѣ двѣ недѣли, Сара поняла твердый и благородный характеръ стараго Князя; надобно было завладѣть имъ, чтобъ поймать сына. Онъ такъ любилъ Родольфа, что Сара сначала вообразила, что онъ согласится на бракъ его съ Шотландкой; но скоро убѣдилась, что старикъ, нѣжный отецъ, понимаетъ обязанности Князя и никогда не отступитъ отъ нихъ, не изъ гордости, но по совѣсти, по разсудку, по чувству долга.

Сара почти рѣшалась отказаться отъ своихъ намѣреній, при видѣ такихъ непреодолимыхъ препятствій; но Родольфъ такъ молодъ, такъ скроменъ, такой мечтатель!... Сара опять принялась за свои интриги, за свои надежды.

Томъ и сестра вели себя въ этомъ случаѣ чрезвычайно-ловко и хитро.

Она пріобрѣла всеобщую любовь, даже тѣхъ, кто могъ ей завидывать. Не только Князь, но и Герцогиня Юдиѳь обожала ее, потому-что старухи обыкновенно прельщаются молодостію и красотою.

Часто братъ и сестра говорили объ отъѣздѣ; но Князь не соглашался, и желая удержать при себѣ Тома Сейтона,

далъ ему мѣсто главнаго шталмейстера, а Сару уговорилъ остаться при Герцогинѣ.

Послѣ долгихъ переговоровъ, оба приняли предложеніе и поселились при Герольштейнскомъ Дворѣ, гдѣ жили уже болѣе двухъ мѣсяцовъ.

Сара, искусная музыкантша, выписала всѣ творенія старинныхъ композиторовъ и для угожденія Герцогинѣ, неутомимо пѣла и играла ей прекрасныя, выразительныя аріи Глюка.

Томъ, съ своей стороны, умѣлъ оказывать услуги Князю. Шотландецъ былъ превосходный знатокъ въ лошадяхъ; любилъ порядокъ; въ короткое время онъ переобразовалъ всю конюшенную часть Герольштейнскаго Двора съ замѣчательнымъ успѣхомъ.

Родольфъ въ то время находился въ отсутствіи. Онъ осматривалъ, съ однимъ адьютантомъ и Мурфомъ, армейскіе полки.

Это самое отсутствіе дало Сарѣ средства подготовить всю интригу, не стѣсняясь присутствіемъ молодаго Принца, котораго привязанность къ Сарѣ могла породить подозрѣнія въ старомъ Князѣ.

Напротивъ того, въ отсутствіе сына, онъ и не подумалъ, что принялъ въ домъ молодую дѣвушку, рѣдкой красоты и рѣдкаго ума, съ которою Родольфъ будетъ видаться ежедневно.

Сара осталась нечувствительною къ такому лестному пріему, къ такому великодушному довѣрію.

Ни она, ни братъ ея, ни на минуту не отказывались отъ своихъ дурныхъ намѣреній; съ полнымъ сознаніемъ вносили они раздоръ и печаль въ спокойное и счастливое убѣжище княжескаго семейства. Хладнокровно разсчитывали они, какія послѣдствія произведетъ раздоръ, поселяемый ими между отцомъ и сыномъ, которые до тѣхъ-поръ жили въ самой тѣсной дружбѣ.

X.

МУРФЪ И ПОЛИДОРИ.

Родольфъ, въ юности, былъ очень слабаго сложенія. Отецъ его, знавшій, что англійскіе помѣщики, живущіе

въ деревнѣ, всегда отличаются здоровьемъ, вздумалъ пріискать въ Англіи человѣка, который могъ-бы управлять физическимъ воспитаніемъ юнаго Князя.

Выбрали Сэра Вальтера Мурфа. Онъ воспиталъ молодаго Родольфа точно такъ, какъ желалъ старый Князь. Мурфъ и его ученикъ жили на фермѣ, окруженной полями и лѣсомъ, въ нѣсколькихъ миляхъ отъ столицы Герольштейна.

Родольфъ занимался земледѣльческими работами, жилъ спокойною и правильною сельскою жизнію; всѣ его наслажденія и удовольствія заключались въ охотѣ, въ верховой ѣздѣ и борьбѣ.

На свѣжемъ воздухѣ, молодой князь совсѣмъ перемѣнился, окрѣпъ и скоро сталъ сильнѣе всѣхъ своихъ товарищей. Тогда ему было лѣтъ пятнадцать. Онъ почти ничего не зналъ, потому-что Мурфъ не принадлежалъ къ числу ученыхъ. Онъ передалъ ученику своему только первыя основанія наукъ, но за то щедро посѣялъ въ немъ чувства добра, справедливости и великодушія. Мурфъ далъ ему здоровое тѣло и здоровую душу; онъ превратилъ его въ юношу крѣпкаго, ловкаго и смѣлаго, привязаннаго къ доброму и хорошему, и ненавидящаго все злое и дурное.

Окончивъ физическое воспитаніе съ такимъ блестящимъ успѣхомъ, Мурфъ нашелся принужденнымъ ѣхать въ Англію, для окончанія нѣкоторыхъ важныхъ семейныхъ дѣлъ. Онъ надѣялся, что отсутствіе его не продолжится болѣе года.

Старый Князь, успокоившись на-счетъ здоровья сына, рѣшился заняться его умственнымъ образованіемъ. Для этого онъ выбралъ Италіянца Полидори, отличнаго филолога, историка и знатока физическихъ наукъ. Онъ-то долженъ былъ оплодотворить дѣвственную почву, столь превосходно подготовленную Мурфомъ.

На этотъ разъ старикъ жестоко ошибся. Обманщикъ, лицемѣръ, клятвопреступникъ, Полидори умѣлъ прикрывать личиною строгости самый страшный скептицизмъ. Родольфъ неохотно разставался съ свободною сельскою

жизнію и съ перваго раза не полюбилъ новаго наставника. Онъ прямо объявилъ, что вовсе не имѣетъ желанія учиться, не можетъ не упражнять безпрестанно ногъ и рукъ, хочетъ бѣгать по полямъ и горамъ, дышать деревенскимъ воздухомъ; доброе ружье и статная лошадь нравились ему больше всякой хорошей книги.

Полидори отвѣчалъ, что въ-самомъ-дѣлѣ нѣтъ ничего скучнѣе науки, но и удовольствія Родольфа не лучше. Онъ такъ насмѣшливо описывалъ сельскую жизнь, что Родольфу стало стыдно, что онъ былъ ею счастливъ. Ученикъ спросилъ, что́ долженъ дѣлать человѣкъ, если нельзя наслаждаться ни наукой, ни охотой, ни безпечною сельскою жизнію?

Полидори отвѣчалъ таинственно, что въ послѣдствіи рѣшитъ этотъ вопросъ.

Онъ, какъ Сара, имѣлъ свои честолюбивые замыслы. Ему хотѣлось занимать въ Герольштейнѣ такое-же, мѣсто, какое нѣкогда создалъ себѣ Ришелье во Франціи.

Онъ началъ съ того, что старался понравиться ученику своему и хотѣлъ заставить его забыть Мурфа. Онъ скрывалъ отъ Князя, что Родольфъ плохо учится, и подготовляя экзамены, обманывалъ довѣрчиваго старика.

За то Родольфъ удостоивалъ своего наставника самымъ короткимъ обращеніемъ, вовсе непохожимъ на его привязанность къ Мурфу. Полидори и Родольфъ были связаны узами обмана; но послѣдній всегда презиралъ перваго за ложь, которою онъ старался прикрыть лѣность своего ученика.

Впрочемъ, Полидори былъ такъ хитръ, что смѣялся не надъ всѣми благородными побужденіями Родольфа, которыя были плодомъ Мурфова воспитанія. Онъ очаровательно описывалъ ему наслажденія любви, шалости временемъ Лудовика XV и регенства, и увѣрялъ, что всѣ великіе люди приносили усердныя жертвы эпикуреизму, начиная отъ Алкивіада до Морица Саксонскаго, отъ Антонія до великаго Конде, отъ Цезаря до Вандома.

Такіе разговоры производили страшные пожары въ душѣ юной, пылкой и дѣвственной; Полидори переводилъ

съ ученикомъ самыя страстныя оды Горація. Скоро показались плоды этого воспитанія. Родольфъ, среди спокойнаго Герольштейнскаго Двора, привыкшаго къ честнымъ удовольствіямъ, мечталъ о буйныхъ Версальскихъ ночахъ, объ оргіяхъ въ Шуази, и о романической любви.

Жить посреди женщинъ и роскоши—говорилъ Полидори—упиваться чувственными наслажденіями и для отдыха, прелестными созданіями искусства, искать въ охотѣ легкой усталости, которая удвоиваетъ потомъ прелесть лѣни и нѣги.... вотъ какъ надобно жить Родольфу, предоставивъ всѣ дѣла первому министру.

Родольфъ соглашался на предложенія Полидори, и мысленно назначалъ его своимъ первымъ министромъ.

Мало-по-малу, привыкнувъ къ ученью, онъ успѣлъ нахватать разныхъ знаній, и при помощи ума, казался гораздо ученѣе, чѣмъ былъ на самомъ дѣлѣ.

Въ такомъ положеніи находились дѣла, когда, послѣ полуторагодичнаго отсутствія, Мурфъ возвратился съ семействомъ въ Герольштейнъ и съ слезами радости обнялъ своего воспитанника.

Черезъ нѣсколько дней, Мурфъ замѣтилъ печальную перемѣну въ Родольфѣ и сталъ наблюдать за поступками Полидори. Италіянецъ, съ своей стороны, досадывалъ, что Мурфъ воротился, и непремѣнно рѣшился погубить его въ мнѣніи Родольфа.

Въ это самое время, Томъ и Сара пріѣхали въ Герольштейнъ, а Родольфъ поѣхалъ осматривать полки. Старый Князь отпустилъ съ нимъ Мурфа, что̀ еще болѣе взбѣсило Полидори. Но онъ поспѣшилъ присоединиться къ партіи Сары, узнавъ, изъ распросовъ Тома, чего хочетъ честолюбивая красавица. Онъ очень обрадовался пріѣзду Сары. Разгоряченное воображеніе Родольфа перейдетъ наконецъ отъ фантазій къ дѣйствительности. Сара непремѣнно будетъ имѣть вліяніе на пылкое сердце, покоренное первою любовію. Полидори имѣлъ намѣреніе овладѣть и управлять этимъ вліяніемъ, и воспользоваться имъ для нанесенія Мурфу послѣдняго удара.

Онъ далъ ловко почувствовать Тому и Сарѣ, что они ничего не сдѣлаютъ безъ его помощи; кромѣ того, онъ внушилъ имъ, что надобно удалить прежняго воспитателя, который можетъ быть опаснымъ, по сильному своему вліянію на умъ Родольфа.

Томъ и Сара все поняли, хотя ни о чемъ не говорили съ Полидори прямо. Когда Родольфъ возвратился, три союзника безмолвно положили—низпровергнуть Мурфа, страшнаго врага своего.

XI.

ПЕРВАЯ ЛЮБОВЬ.

Что́ должно было случиться, то́ и случилось.

Родольфъ, видясь съ Сарой всякой день, влюбился въ нее до безумія. Скоро и она призналась ему, что вполнѣ раздѣляетъ его любовь, хоть предвидитъ бѣды и горе. Они никогда не будутъ счастливы! Ихъ раздѣляетъ такое страшное разстояніе....

Когда братъ и сестра замѣтили, что любовь Родольфа дошла до пароксисма, они заговорили Полидори о необходимости брака. Первый началъ говорить объ этомъ Томъ:—Сара любитъ Принца, но предпочтетъ смерть безчестію; если онъ не можетъ жениться, то она должна уѣхать.

Полидори очень-хорошо понялъ причину добродѣтели Сары; но ему оставалось—

Или все открыть старому Князю, или разсказать Родольфу коварство Тома и Сары, или, наконецъ, помогать имъ.

Если онъ все откроетъ старому Князю, то навсегда лишится довѣренности молодаго Принца.

Если разсказать все Родольфу, то онъ ничему не повѣритъ, какъ любовникъ, передъ которымъ бранятъ его возлюбленную.

Помогая свадьбѣ, Полидори могъ привязать къ себѣ крѣпкими узами и Родольфа и Сару.

Послѣ долгихъ размышленій, онъ рѣшился служить Сарѣ.

Родольфъ едва могъ скрывать страсть свою. Это была первая любовь, пылкая, чистосердечная, довѣрчивая; Сара истратила на нее всѣ адскія средства самаго утонченнаго кокетства. Никогда еще дѣвственныя впечатлѣнія молодаго человѣка съ сердцемъ и воображеніемъ не были такъ искусно раздражаемы.

Когда Полидори объявилъ, что непремѣнно надобно жениться на ней или разстаться съ нею навсегда, Родольфъ бросился къ нему на шею, называлъ спасителемъ, другомъ, отцомъ.

Полидори устроилъ все, что нужно для свадьбы; нашелъ и свидѣтелей. Церемонія совершилась втайнѣ; никто ничего не зналъ о ней.

Предсказанія кормилицы сбылись: Сара вышла за-мужъ за владѣтельнаго Князя.

Въ первые три мѣсяца, Родольфъ былъ совершенно счастливъ. Онъ отказался, безъ сожалѣній, отъ чувственной жизни, о которой прежде мечталъ, и составлялъ планы, какъ будетъ управлять Герольштейномъ. Сара предоставляла себѣ порядочную часть власти, такъ, что роль перваго министра, о которой такъ много хлопоталъ Полидори, становилась ничтожною.

Наконецъ Сара почувствовала, что скоро будетъ матерью.

Тутъ въ первый разъ появились требованія, испугавшія Родольфа. Сара твердила, что не-можетъ жить въ такомъ непріятномъ положеніи, и хотѣла, чтобы Родольфъ все объявилъ отцу, или, по-крайней-мѣрѣ, Герцогинѣ Юдиѳь. Отецъ сначала разсердится, но послѣ проститъ и дастъ ей мѣсто, которое она должна занимать, какъ мать будущаго владѣтеля Герольштейна.

Такое требованіе испугало Родольфа. Онъ зналъ, что отецъ его любитъ; но зналъ также, что старый Князь никогда не отступитъ отъ своихъ правилъ и долга.

На всѣ его возраженія, Сара безжалостно отвѣчала:

— Я твоя жена; черезъ-нѣсколько времени нельзя будетъ скрывать моего положенія; не хочу скрывать его, когда я должна имъ гордиться.

Томъ держалъ сторону сестры и говорилъ свѣтлѣйшему зятю:

— Брака расторгнуть нельзя. Князь можетъ только выслать васъ съ женою изъ Герольштейна, не болѣе. Но онъ васъ такъ любитъ, что не рѣшится на эту мѣру, и, вѣрно, проститъ, потому-что нельзя измѣнить дѣла.

Всѣ эти разсужденія не успокоивали Родольфа. Старый Князь далъ Тому порученіе осмотрѣть конскіе заводы въ Австріи, и Томъ уѣхалъ, въ самую рѣшительную минуту.

Черезъ-нѣсколько дней послѣ отъѣзда Тома, Сара сидѣла въ гостиной Герцогини Юдиѳь.

Придворныя дамы смотрѣли съ удивленіемъ на молодую дѣвушку и перешептывались.

Герцогиня замѣтила это и, подозвавъ одну изъ дамъ, спросила, чему всѣ смѣются? Та сказала ей, что Сара Сейтонъ удивительно толстѣетъ.

Герцогиня, до страсти любившая Сару, разсердилась и подозвала ее къ себѣ, разумѣется, съ намѣреніемъ поразить клеветницъ.

Сара встала, и пошла къ Герцогинѣ мимо всѣхъ гостей. Только уваженіе къ старушкѣ удержало всѣхъ присутствующихъ отъ негодованія.

Самые недальновидные поняли, что Сара *не хочетъ* скрывать своего положенія. Дѣйствительно, она хотѣла принудить Родольфа—объявить о тайномъ ихъ бракѣ.

Герцогиня, не вѣря даже глазамъ своимъ, сказала потихоньку Сарѣ:

— Какъ ты дурно сего-дня одѣта!... У тебя можно обхватить талію пальцами.... Тебя узнать нельзя!...

. . . . . .

Послѣ разскажемъ мы результаты этого случая, который породилъ важныя и страшныя событія. Теперь ска-

жемъ только, что *Пѣвица*—плодъ этого несчастнаго брака, дочь Родольфа и Сары.... Впрочемъ, оба почитали ее умершею.

. . . . . .

Читатель не забылъ, что мы разстались съ Родольфомъ въ то время, когда онъ сбирался на балъ къ *** посланнику.

Отправимся на балъ и мы, вмѣстѣ съ княземъ Герольштейнскимъ, Густавомъ Родольфомъ, который жилъ во Франціи подъ именемъ графа *Дюрена*.

XII.

БАЛЪ.

Въ одиннатцать часовъ вечера, богато-одѣтый швейцаръ отворилъ ворота дома, гдѣ жилъ Родольфъ, и изъ нихъ выѣхалала великолѣпная карета. На запяткахъ стоялъ высокій егерь; шляпа, обшитая широкимъ галуномъ, была до половины покрыта длиннымъ султаномъ изъ желтыхъ и голубыхъ перьевъ. Фонари ярко освѣщали внутренность кареты, въ которой можно было видѣть Родольфа, рядомъ съ барономъ Грауномъ. Напротивъ ихъ сидѣлъ вѣрный Мурфъ.

На Родольфѣ была звѣзда съ алмазами. У Мурфа на шеѣ висѣлъ крестъ Герольштейнскаго Золотаго Орла.

— Какъ я радъ, сказалъ Родольфъ, что г-жа Жоржъ даритъ меня самыми пріятными извѣстіями о бѣдной моей сироткѣ.... Старанія Давида достигаютъ цѣли.... Ей было-бы еще лучше, еслибъ тоска не убивала ее.... Признайся, Сиръ Вальтеръ Мурфъ, что твои знакомцы изъ *Сите* не мало-бы удивились, еслибъ увидали тебя, угольщика, въ такомъ *костюмѣ*?

— То-же самое случилось-бы еслибъ Вашей Свѣтлости вздумалось сего-дня навѣстить г-жу Пипле, для развлеченія меланхоліи бѣднаго Альфреда.... которому вы очень нравитесь, какъ увѣряетъ сама почтенная привратница....

— Признаюсь, продолжалъ Родольфъ, что мнѣ, какъ ребенку, очень-пріятны эти контрасты: то я живописецъ и сижу въ какой-нибудь харчевнѣ, въ улицѣ Офевъ; то купеческій прикащикъ и угощаю г-жу Пипле наливкой.... а теперь я—принцъ....

Родольфъ задумался.

— Ваша Свѣтлость, началъ Мурфъ, вы увѣрены, что шарлатанъ, котораго вы встрѣтили,—точно Полидори?

— Увѣренъ, тѣмъ-болѣе, что ты и самъ знаешь, что онъ теперь въ Парижѣ.

— Я забылъ, или лучше сказать, не хотѣлъ говорить о немъ, потому-что знаю, до какой степени непріятно Вашей Свѣтлости воспоминаніе объ этомъ презрѣнномъ человѣкѣ!

Лицо Родольфа покрылось грустію; онъ замолчалъ, и не сказалъ ни слова до той минуты, когда карета въѣхала на дворъ *** Посольства.

Всѣ окна огромнаго посольскаго дома были освѣщены. По лѣстницѣ, отъ самаго подъѣзда до пріемной комнаты, тянулся рядъ ливрейныхъ лакеевъ. Во всемъ была видна королевская роскошь.

Посланникъ, графъ *** и супруга его дожидались пріѣзда Родольфова, не выходя изъ пріемной.

Онъ вошелъ, въ сопровожденіи Мурфа и Грауна.

Родольфу было тридцать-шесть лѣтъ; правильное лицо, можетъ-быть, слишкомъ прелестное для мужчины, и милостивое величіе обращали на него вниманіе даже и тѣхъ, кто не зналъ его званія.

Когда онъ вошелъ въ пріемную, то казался переродженнымъ человѣкомъ. Это ужъ не веселый живописецъ, безпокойный весельчакъ, побѣдитель Шуринера; ужъ не насмѣшливый купеческій прикащикъ, беззаботно оказывающій состраданіе г-жѣ Пипле; это принцъ, въ полномъ, піитическомъ смыслѣ слова.

Родольфъ держитъ голову гордо и высоко; взглядъ его полонъ величія и снисхожденія; во время разговора, когда онъ улыбается, изъ подъ чорныхъ усовъ выглядываетъ рядъ жемчужинъ.

Онъ одѣтъ очень просто; галстукъ и жилетъ его бѣлы; синій фракъ, со звѣздою, застегнутый до верху, обрисовываетъ стройную его талію. Родольфъ такъ рѣдко показывался въ гостиныхъ, такъ былъ хорошъ, что пріѣздъ его произвелъ волненіе между гостями. Всѣ глаза обратились на него, когда онъ вошелъ въ пріемную.

Графиня поспѣшила подойти къ нему:

— Не знаю, какъ выразить Вашей Свѣтлости мою признательность, за честь, которой вы изволили насъ удостоить.

— Вы знаете, графиня, отвѣчалъ Родольфъ, какъ мнѣ пріятно видѣть васъ, и имѣть случай увѣрить графа въ моей къ нему привязанности. Мы съ нимъ—старые знакомые. Не правда-ли, графъ?

— Я объ этомъ никогда не забуду, Ваша Свѣтлость.

— И я тоже, любезный графъ.... Мнѣ сказывали, Графиня, о вашемъ искусственномъ садѣ... садъ въ полномъ блескѣ, въ январѣ!... Это отрывокъ изъ «Тысячи-одной ночи»....

— Если вамъ угодно, отвѣчала графиня, мы сей-часъ его увидимъ.... Но вамъ насказали слишкомъ-много; посмотрите и судите сами, съ обыкновенною вашею снисходительностію....

Родольфъ предложилъ посланницѣ руку и пошелъ съ нею черезъ залы, а посланникъ началъ разговаривать съ Мурфомъ и Грауномъ, которыхъ онъ давно зналъ.

XIII.

ЗИМНІЙ САДЪ.

Зимній садъ, о которомъ говорилъ Родольфъ графинѣ ***, въ самомъ-дѣлѣ былъ очень похожъ на баснословные, очаровательные сады *Тысяча-одной ночи*.

Зала имѣла сорокъ туазовъ въ длину и тридцать въ вышину. Сверху блисталъ зеркальный потолокъ; стѣны совершенно прикрыты померацовыми деревьями и камеліями; отъ зелени ярко отдѣляются золотые померанцы и пурпуровые цвѣты камеліи.

Между дорожками, украшенными мозаикою изъ раковинъ, посажены группы тропическихъ деревьевъ и растеній. Нельзя вообразить, какой эффектъ производила эта тропическая зелень, зимою и посреди бала.

Дорожки окаймлены самыми рѣдкими цвѣтами: тольскими тюльпанами, константинопольскими нарциссами, персидскими гіацинтами, присами. Изъ нихъ образовался естественный коверъ, блестящій самыми яркими красками, самыми пріятными переходами тѣней.

Садъ освѣщенъ китайскими фонарями, голубыми и блѣдно-розовыми. Отъ смѣси этихъ двухъ свѣтовъ происходилъ таинственный, фантастическій свѣтъ, напоминавшій и голубоватую ясность лѣтней ночи, и розовые отливы сѣвернаго сіянія.

Къ саду подходили черезъ длинную галлерею, которая, при яркомъ освѣщеніи, блистала золотомъ, зеркалами, кристаллами. Изъ галлереи, садъ казался азіятскимъ роскошнымъ пейзажемъ.

Здѣсь два любовника, упоенные любовію, согласіемъ и благоуханіемъ, могли найти достойное жилище для пылкой своей страсти.

Войдя въ садъ, Родольфъ не могъ не изумиться, и сказалъ посланницѣ:

— Нельзя повѣрить, что могутъ существовать такія чудеса. Это не одна великолѣпнѣйшая роскошь съ изящнѣйшимъ вкусомъ, а самая чистая поэзія; поэтъ описываетъ, живописецъ срисовываетъ, а вы создаете то, о чемъ они едва осмѣлились-бы мечтать....

— Ваша Свѣтлость слишкомъ милостивы....

Въ это время графиня Сара и маркиза Дарвилль вошли изъ галлереи въ зимній садъ.

XIV.

СВИДАНІЕ.

Ничто не можетъ выразить очаровательнаго лица маркизы Дарвилль; ничто не можетъ дать понятія объ ея красотѣ, которая состояла не изъ однѣхъ чертъ лица, но

особенно изъ выраженія всей физіономіи, оттѣненной необыкновеннымъ блескомъ *доброты*.

Мы съ намѣреніемъ отличаемъ это послѣднее слово, потому-что обыкновенно не *доброта* занимаетъ первое мѣсто въ лицѣ молодой женщины двадцати лѣтъ, красавицы, за которой волочатся и которой льстятъ. За то всякъ покорялся вліянію маркизы, сравнивая ея чрезвычайную скромность съ ея блестящими успѣхами.

Длинные ея каштановые локоны падали на плечи, бѣлыя и твердыя, какъ мраморъ. Большіе сѣрые глаза украшались длинными чорными рѣсницами. Розовый привѣтливый ротикъ, при этихъ глазахъ, производилъ такоеже дѣйствіе, какое производитъ ласковое слово при меланхолическомъ и добромъ взглядѣ. Маркиза была одѣта въ бѣлое платье; кой-гдѣ на немъ мелькали зеленыя вѣтки камеліи, а на нихъ брилліянты, какъ капли блестящей росы.

Красота графини Сары совсѣмъ другаго рода. Казалось, что ей только лѣтъ тридцать, хотя ей было болѣе тридцати-пяти. Эгоизмъ служитъ къ сохраненію свѣжести тѣла. Наружность Сары это доказывала.

Графиня сохранила всю свѣжесть юности. Глаза ея блистали пыломъ страсти; красныя и влажныя губы выражали рѣшимость и чувственность. Сѣть голубыхъ жилокъ ясно выказывалась изъ подъ бѣлой, прозрачной кожи.

— Князь такъ занятъ посланницей, что не замѣтилъ насъ, сказала маркиза Дарвилль....

— Нѣтъ, милая Клеменція, отвѣчала Сара своей короткой пріятельницѣ: онъ насъ очень-хорошо видѣлъ; но онъ меня боится.... и все еще на меня сердится.

— Да, часто я говорила ему объ этомъ; онъ всегда отвѣчалъ мнѣ: «Графиня Сара и я—смертельные враги; я поклялся не говорить съ нею». Больше я ничего не могла узнать.

— Увѣряю васъ, что мы поссорились за пустяки, и давно я все открыла-бы вамъ, еслибъ въ это дѣло не было замѣшано третье лицо.... Но что съ вами?

— Ничего.... немножко болитъ голова; въ галлереѣ такъ жарко!

— Сядемъ здѣсь, въ уголокъ; насъ никто не найдетъ, даже и тѣ, которыхъ ваше отсутствіе приводитъ въ отчаяніе.

Обѣ сѣли на диванъ, въ уединенномъ уголкѣ.

— Я никого не назвала, говоря о *тѣхъ*, кого ваше отсутствіе приводитъ въ отчаяніе.... Неужели вы не благодарны за мою скромность?

Маркиза покраснѣла, опустила голову и не отвѣчала.

— Вы не имѣете ко мнѣ никакого довѣрія, продолжала Сара, хоть я могла-бы быть вашею матерью.

— Я не имѣю къ вамъ довѣрія! прервала Маркиза: а я вамъ все сказала, даже и то, что должна была-бы скрывать отъ самой себя.

— А! такъ станемъ говорить о немъ!... Вы рѣшились довести его до отчаянія, до самоубійства?

— Ахъ! что вы говорите?

— Вы еще не знаете его.... Онъ человѣкъ рѣшительный; что ему жизнь? Онъ всегда былъ несчастливъ, а вы еще, для удовольствія, хотите его мучить!

— Какъ вы можете это думать!

— Можетъ-быть, вы дѣлаете все это безъ намѣренія, а все-таки дѣлаете.... Знаете-ли, что я сейчасъ замѣтила на его рѣсницахъ двѣ крупныя слезы?

— Не можетъ быть!

— Увѣряю васъ.... И все это на балѣ, гдѣ надъ нимъ могутъ смѣяться.... Надобно любить до безумія, чтобъ такъ мало дорожить мнѣніемъ свѣта, такъ страдать и не скрывать страданій!

— Перестаньте! перестаньте! Я и такъ ужъ слишкомъ много для него сдѣлала, изъ жалости и состраданія, сказала маркиза Дарвилль съ глубокимъ вздохомъ.

— Слишкомъ-много!... Какъ вы преувеличиваете.... Шарль Роберъ всего достоинъ.... Я его защищаю потому, что вы увидали его въ первый разъ у меня... Какъ онъ намъ былъ полезенъ въ нашихъ утреннихъ концер-

тахъ.... Какъ онъ пѣлъ первый дуетъ съ вами.... Съ какимъ чувствомъ!...

— Перестанемъ говорить о немъ.... Займемся лучше вашимъ смертельнымъ врагомъ, Княземъ, котораго я давно не видала. Какъ онъ милъ!...

— Вы очень-капризны, Клеменція, прервала Сара, бросивъ на маркизу испытующій и подозрительный взглядъ. Вы то обожаете, то ненавидите Князя.... Когда онъ сюда пріѣхалъ, нѣсколько мѣсяцовъ тому назадъ, вы были въ такомъ восторгѣ, что я боялась за спокойствіе вашего сердца....

— И вы вывели меня изъ заблужденія, разсказавъ разныя тайны про Князя; послѣ вашихъ разсказовъ, ненависть замѣнила восторгъ мой, да и Князь пересталъ заходить ко мнѣ, хоть часто посѣщалъ мужа моего....

— Кстати! мужъ вашъ здѣсь?...

— Нѣтъ, онъ остался дома, отвѣчала маркиза Дарвилль съ замѣшательствомъ.

— Онъ почти никуда не показывается?

— Да.... любитъ сидѣть дома.

Маркиза все болѣе и болѣе мѣшалась; Сара, замѣтивъ это, продолжала:

— Въ послѣднее наше свиданіе, онъ былъ ужасно блѣденъ.

— Да.... онъ не совсѣмъ здоровъ....

— Странно! когда говоришь вамъ о мужѣ, ваше лицо выражаетъ....

— Что такое?

— Боязливое отвращеніе!

Маркиза притворялась равнодушною; но проницательный взглядъ Сары замѣтилъ, что верхняя губа маркизы судорожно дрожала. Желая успокоить пріятельницу, Сара прибавила:

— Да, боязливое отвращеніе, какое обыкновенно внушаютъ несносные ревнивцы!...

— Нѣтъ, отвѣчала маркиза, успокоившись, мужъ мой совсѣмъ не ревнивецъ.... Но вотъ несчастье: къ намъ идетъ герцогъ Люсне! Я думала, что его здѣсь нѣтъ!....

— Да, говорили, что онъ уѣхалъ путешествовать на Востокъ; а какъ скоро воротился!... Я думаю, герцогиня неочень обрадовалась его возвращенію.... И молодой Сенъ-Реми тоже, вѣрно, проклинаетъ его....

— Не злословьте, Сара.... и скажите просто, что возвращеніе герцога всѣмъ непріятно, потому-что онъ всѣмъ несносенъ.

— Я не люблю злословить, а повторяю только то, что говорятъ другіе. Всѣ говорятъ, что Сенъ-Реми разорился, за то герцогиня еще очень богата.... Но вотъ онъ идетъ къ намъ.... Берегите вѣеръ, Клеменція, герцогъ все ломаетъ, къ чему ни прикоснется.

Герцогъ Люсне принадлежалъ къ знаменитой французской фамиліи, но былъ такой несносный крикунъ, такой хохотунъ, имѣлъ такую несчастную привычку до всего дотрогиваться и все портить или ломать, что отъ него бѣгали, какъ отъ чумы.

Герцогиня, жена его, славилась въ Парижѣ и красотою и вкусомъ, и.... непостоянствомъ; впрочемъ, ей все прощали, извиняя ее нестерпимыми странностями герцога Люсне. У него особенно была страсть выдумать кому-нибудь какую-нибудь болѣзнь, и потомъ мучить несчастнаго распросами о состояніи здоровья.

Едва завидѣлъ онъ маркизу и Сару, какъ тотчасъ подбѣжалъ къ нимъ и началъ кричать:

— Что такое? какъ можно! Красавица скрывается въ уединеніи?... Не хочетъ украшать балъ?... Да развѣ это позволено?... Хорошо, что я пріѣхалъ.... Я приведу все въ порядокъ....

— Какъ! вы уже возвратились изъ Турціи? спросила г-жа Дарвилль, отодвигаясь отъ него.

— Ужъ возвратился!... Вы говорите тоже, что жена моя думаетъ. А! Графиня Сара!... Я вамъ разскажу пресоблазнительную исторію.... Представьте себѣ, что на островѣ Отаити...

— Герцогъ! прервала Сара повелительнымъ голосомъ....

— Если такъ, я не разскажу вамъ моей исторіи.... А! вотъ господинъ Роберъ!... Я видѣлъ его на Пиринейской

скихъ водахъ.... Славный малый.... поетъ какъ лебедь.... посмотрите, что я съ нимъ буду дѣлать.

Роберъ проходилъ по саду, любуясь растеніями и цвѣтами. Онъ былъ одѣтъ богато и изысканно, но въ немъ не было ничего изящнаго, ничего отличительнаго. Замѣтивъ г-жу Дарвилль, онъ тотчасъ притворился печальнымъ. Маркиза, взглянувъ на него, вспомнила все, что говорила ей Сара объ его страданіяхъ и отчаянной рѣшимости.

— Здравствуйте, здравствуйте, любезный, закричалъ герцогъ, схвативъ его за фалду.... я васъ давно не видалъ.... что съ вами?... Вы страдаете?...

Шарль Роберъ бросилъ продолжительный и меланхолическій взглядъ на маркизу, и отвѣчалъ герцогу плачевнымъ голосомъ:

— Да, герцогъ, я страдаю....

— Боже мой! Боже мой!... Неужели васъ все еще мучитъ кашель съ мокротами? спросилъ его герцогъ съ самымъ серіознымъ видомъ.

Вопросъ былъ такъ неучтивъ, такъ нелѣпъ, что Шарль Роберъ остановился, какъ окаменѣлый, въ продолженіи нѣсколькихъ секундъ, но потомъ съ гнѣвомъ отвѣчалъ:

— Если вы такъ занимаетесь моимъ здоровьемъ, такъ я надѣюсь, что вы завтра утромъ пріѣдете провѣдать меня.

— Непремѣнно, пришлю!

Шарль Роберъ поклонился и пошелъ....

— Вотъ хорошо!.... А онъ никогда и не кашлялъ.... Графиня! Какъ вы думаете? кашлялъ-ли онъ? говорилъ герцогъ, съ громкимъ хохотомъ.

Маркиза Дарвилль ужасно страдала, воображая, какъ должно быть мучительно положеніе человѣка, которому говорятъ такія глупости при любимой женщинѣ. Она боялась, что будетъ дуэль. Увлекшись чувствомъ жалости, она встала, взяла Сару за руку, догнала Робера и сказала потихоньку, проходя мимо его:

— *Завтра,.. въ часъ.... я буду....*

Потомъ она вышла съ графиней въ галлерею и уѣхала домой.

XV.

ОТЧЕГО ТАКЪ ПОЗДНО, ДУША МОЯ?

Родольфъ, отправляясь на балъ, хотѣлъ узнать тамъ, до какой степени основательны подозрѣнія его на-счетъ маркизы Дарвилль, и точно-ли она настоящая героиня разсказа г-жи Нипле.

Напрасно проходилъ онъ всѣ залы, въ надеждѣ встрѣтить маркизу одну. Онъ возвращался въ зимній садъ и при входѣ туда, былъ свидѣтелемъ быстрой сцены, происходившей между Маркизою и Роберомъ, тотчасъ послѣ нелѣпой шутки герцога Люсне. Родольфъ видѣлъ, какъ они перемѣнялись значитетьными взглядами. Тайное предчувствіе увѣряло, что высокій и статный молодчина— именно *Маіоръ*. Онъ хотѣлъ въ этомъ увѣриться и возвратился въ галлерею.

Шарль Роберъ стоялъ у дверей, и былъ вдвойнѣ доволенъ и отвѣтомъ своимъ герцогу, и обѣщаніемъ маркизы Дарвилль.

Родольфъ, увидавъ его, тотчасъ подошелъ къ Мурфу.

— Видишь-ли этого бѣлокураго красавца, тамъ, у дверей?

— Который такъ собою доволенъ?... Вижу, Ваша Свѣтлость.

— Подойди къ нему незамѣтно, и постарайся сказать: *Отчего такъ поздно, душа моя?* Только, чтобъ онъ тебя не замѣтилъ, и чтобъ другіе не слыхали.

Мурфъ смотрѣлъ на Родольфа съ изумленіемъ.

— Прикажете, Ваша Свѣтлость?

— Да. Если онъ обернется, стой спокойно, чтобъ онъ на тебя не подумалъ.

— Ничего не понимаю, а все исполню.

Скоро Мурфъ сталъ за Роберомъ.

Родольфъ пристально наблюдалъ за ними. Черезъ нѣсколько секундъ, Шарль Роберъ быстро обернулся; лицо его выражало недоумѣніе.

Мурфъ стоялъ спокойно. Маіоръ никакъ не могъ подумать, что этотъ почтенный, плѣшивый старикъ произнесъ слова, напоминавшія ему непріятную сцену, въ которой г-жа Пипле была причиною и героиней.

Потомъ Мурфъ возвратился къ Родольфу.

— Ваша Свѣтлость! молодой человѣкъ такъ обернулся, какъ будто-бы я укусилъ его. Что за магическія слова!

— Да, любезный Мурфъ, магическіе, потому-что открыли мнѣ все, что я хотѣлъ знать.

Родольфу оставалось только жалѣть объ опасномъ проступкѣ маркизы Дарвилль. Онъ предчувствовалъ, что Сара принимаетъ тутъ участіе. Открывъ эту интригу, онъ не сомнѣвался уже, что нашелъ причину печали молодаго Дарвилля, котораго любилъ нѣжно, какъ брата. Она происходила отъ ревности. Случайно овладѣвъ тайною, не зная какъ открыть глаза маркизѣ, которая предавалась слѣпому влеченію страсти, Родольфъ принужденъ былъ оставаться равнодушнымъ зрителемъ паденія этой молодой женщины.

Онъ думалъ еще о своемъ открытіи, когда къ нему подошелъ Граунъ и сказалъ:

— Ваша Свѣтлость! Я разыскивалъ, кому можетъ принадлежать платокъ съ буквами L и N, который вы изволили мнѣ передать; онъ, вѣроятно, принадлежитъ Герцогинѣ Люсне, урожденной Нуармонъ; ее нѣтъ здѣсь сего-дня. Я сей-часъ видѣлъ ея мужа; онъ уѣхалъ на Востокъ, съ намѣреніемъ пробыть тамъ годъ, и вдругъ воротился назадъ, внезапно, дня три или два тому назадъ.

Читатель не забылъ, что Родольфъ нашелъ этотъ платокъ, съ герцогской короной, на лѣстницѣ у дверей цезаря Брадаманти. Онъ приказалъ собрать свѣдѣнія о всѣхъ герцогиняхъ, бывшихъ тогда въ Парижѣ.

Родольфъ все понялъ.

— Случай производитъ иногда странныя вещи, продолжалъ Граунъ.

— А что такое? спросилъ Родольфъ.

— Въ ту самую минуту, когда мнѣ разсказывали, что внезапный пріѣздъ герцога очень опечалилъ герцогиню и молодаго франта и красавца, виконта Сенъ-Реми, посланникъ подошелъ ко мнѣ и спросилъ, можно-ли представить Вашей Свѣтлости этого самаго виконта, который причисленъ къ французской миссіи въ Гернльштейнѣ.

— Какъ это досадно, непріятно и скучно!... но отказать нельзя.... Скажите посланнику, что онъ можетъ представить мнѣ г-на Сенъ-Реми.

Хозяинъ дома подвелъ виконта. Онъ былъ прелестный молодой человѣкъ, лѣтъ двадцати-пяти, стройный, живой, съ выразительнымъ лицомъ, какъ на портретахъ *Мурильо;* густые усы покрывали губы, а щеки сохраняли еще легкій юношескій пухъ. На немъ былъ чорный преузенькій галстукъ, выказывавшій прелестную форму шеи. Разъ увидѣвъ виконта, нельзя было забыть его: такъ мало походилъ онъ на обыкновенныхъ франтовъ.

Онъ тратилъ неимовѣрныя деньги на экипажи и лошадей; пари его на скачкахъ доходили до двадцати и тридцати тысячь франковъ. Домъ его могъ служить образцомъ удобства и изящества; онъ кормилъ превосходно, и послѣ обѣда, нерѣдко проигрывалъ огромныя суммы, съ самою гостепріимною безпечностію. Однакожъ всѣ знали, что наслѣдство, доставшееся виконту отъ родителей, давно промотано!

Для объясненія такой непонятной расточительности, злые языки указывали на богатство герцогини Люсне, забывая, что герцогъ все-таки зналъ всѣ расходы своей жены, а Сенъ-Реми проживалъ не менѣе двухъ сотъ тысячь франковъ въ годъ. Другіе увѣряли, что онъ прибѣгаетъ къ неосторожнымъ ростовщикамъ; третьи—что онъ подкупаетъ жокеевъ и потому выигрываетъ пропасть денегъ на скачкахъ; но большая часть людей вовсе не заботилась, какими средствами Сенъ-Реми поддерживаетъ свое великолѣпіе.

Женщины обожали его. Съ трудомъ пересчитывали его побѣды; про него завистники говорили: «Проклятый Сенъ-Реми вѣрно нашелъ философскій камень».

Родольфъ поговорилъ съ нимъ нѣсколько секундъ, ласково, и представленіе кончилось. Съ перваго взгляда, Сенъ-Реми ему очень понравился....

Послѣ мы увидимъ, что́ такое виконтъ Сенъ-Реми!...

Родольфъ сошолъ опять въ зимній садъ и сѣлъ возлѣ двери, которая вела въ буфетъ. Это уединенное мѣсто было совершенно прикрыто густыми бананами, которые сплелись въ зеленую ширму. Долго сидѣлъ онъ, погруженный въ тяжелыя думы, какъ вдругъ услышалъ свое имя.... Его произносилъ знакомый голосъ....

Сара, сидѣвшая на другой сторонѣ около банановъ, скрывавшихъ Родольфа, разговаривала по англійски съ Томомъ.

Томъ, одѣтый въ чорное платье, былъ весь сѣдъ, хотя онъ нѣсколькими только годами старше Сары. Его съѣдали или неизлечимая печаль или сильная ненависть.

Родольфъ внимательно слушалъ ихъ разговоръ.

— Наконецъ маркиза погибнетъ завтра, сказала Сара. Я избавлюсь отъ соперницы, которой очень боялась.... она могла помѣшать исполненію нашихъ намѣреній....

— Ты ошибаешься.... Родольфъ никогда не занимался маркизой....

— О! Маркиза никого не любила, до Родольфа! Она ненавидитъ мужа, хоть онъ ее обожаетъ. Почему? Я никакъ не могла знать этой тайны. Маркиза почувствовала влеченіе къ Родольфу; я потушила ея любовь самыми невыгодными разсказами о Князѣ. Между-тѣмъ она видѣла Робера у меня въ домѣ, всякій день; мы вмѣстѣ пѣли по цѣлымъ утрамъ.... Я его расхваливала и мало-помалу маркиза начала имъ заниматься.... Я все устроила; она являлась на свиданіе, но уѣхала, не видавшись съ нимъ. Все это я знаю отъ него самого.... Завтра она опять будетъ тамъ.... Онъ потребуетъ всѣхъ возможныхъ пожертвованій, а она ни на что́ не согласится.... онъ какъ глупый человѣкъ употребитъ силу, и она возненавидитъ его и опять подпадетъ подъ прежнее вліяніе Родольфа....

— Такъ что́-же ты хочешь дѣлать?

— Хочу обезславить ее въ глазахъ Родольфа. Онъ не захочетъ болѣе видѣть ее, когда узнаетъ, что она обманула друга его....

— Стало-быть, ты хочешь все открыть мужу?

— Да! и притомъ сей-часъ!... Онъ уже подозрѣваетъ ее, но не знаетъ, на кого бросить подозрѣнія. Теперь двѣнадцать часовъ, поѣдемъ домой.... На дорогѣ ты зайдешь въ какой-нибудь *кафе* и напишешь къ Дарвиллю, что жена его отправляется завтра на любовное свиданіе въ улицу Тампль, № 17. Онъ ревнивъ.... поймаетъ Клеменцію.... а конецъ ужъ ты знаешь....

— Какое скверное дѣло! хладнокровно сказалъ джентльменъ.

— Ты слишкомъ щекотливъ, Томъ!

— Я сей-часъ сдѣлаю все, что тебѣ угодно, но повторяю, что это скверное дѣло.

— Однакожъ ты согласенъ?...

— Сего-дня-же Дарвилль все узнаетъ.... но.... за нами кто-то есть.... шевелится....

— Посмотри, сказала Сара съ безпокойствомъ.

Томъ всталъ, обошелъ кругомъ и успокоился.

Родольфъ успѣлъ выдти въ буфетъ прежде осмотра Тома.

— Я ошибся, сказалъ Томъ садясь, здѣсь никого нѣтъ.

— Мнѣ тоже самой казалось....

— Послушай, Сара: я не боюсь маркизы, но опасаюсь дѣвочки, которую Родольфъ увезъ на ферму свою. Онъ даетъ ей отличное воспитаніе, ухаживаетъ за нею. Она чортъ знаетъ кто; но ея красота, его переодѣванья, его возрастающее къ ней участіе—все показываетъ, что это страсть не шуточная.... Я собралъ свѣдѣнія обо всемъ этомъ, и теперь знаю что дѣлать.... Пора!... Случай послалъ мнѣ эту страшную, кривую старуху, которая сохранила мой адрессъ. Ея дружба съ сильнымъ разбойникомъ можетъ служить намъ.... Завтра-же вопросъ будетъ рѣшенъ....

— Преодолѣвъ оба эти препятствія, Томъ, мы примемся наконецъ за главное....

— Трудно, но можно исполнить! Если-жъ и это не удастся, тогда я буду свободенъ, сказалъ Томъ мрачно.

— Совершенно свободенъ!

— Ты не станешь упрашивать и останавливать моей мести.... Потомъ, указывая на крепъ, обвивавшій его шляпу, и на чорныя перчатки, онъ прибавилъ, мрачно улыбаясь: Я все жду.... ношу трауръ.... вотъ ужъ шестнадцать лѣтъ.... А ты знаешь, что я съ нимъ не разстанусь пока....

Сара, съ невольнымъ трепетомъ, поспѣшила остановить брата, и сказала ему со страхомъ.

— Говорю тебѣ, что ты будешь совершенно-свободенъ.... Но позволь прежде все испытать: часто успѣхъ зависитъ отъ самыхъ малыхъ причинъ.... Мои средства скверны.... можетъ-быть! Но со мной-то какъ поступили?

— Тише, сказалъ Томъ: ужинъ кончился, сюда идутъ. Пора ѣхать, если ты хочешь сего-дня-же послать письмо къ маркизу Дарвиллю.

Они встали и тотчасъ уѣхали съ бала.

XVI.

ЗАПИСОЧКА.

На другой день утромъ, маркизъ Дарвилль медленно прохаживался по спальнѣ. Видно, что онъ не ложился спать, потому-что постель не смята. У камина, на полу лежали опрокинутые стулъ и столикъ; на коврѣ разбросаны разбитые куски стакана, переломанныя свѣчи....

. . . . . .

Дарвиллю было лѣтъ тридцать. Лицо его, обыкновенно спокойное и пріятное, теперь казалось блѣднымъ, измученнымъ; на немъ было вчерашнее платье. Онъ сорвалъ галстукъ съ шеи и разстегнулъ жилетъ. На разодранной рубашкѣ, въ нѣсколькихъ мѣстахъ, видны были кровавыя пятна; всклокоченные волосы въ безпорядкѣ упадали на его блѣдное лицо.

Каминъ не топился, хотя въ комнатѣ было очень холодно.

Дарвилль подошелъ къ камину, взялъ съ него записочку и сталъ перечитывать:

«Завтра, въ часъ, ваша жена отправляется въ улицу Тампль, № 17, на любовное свиданіе. Поѣзжайте за нею и вы все узнаете, счастливый супругъ»!

Въ эту минуту дверь отворилась, и вошелъ камердинеръ.

— Что тебѣ надобно? спросилъ маркизъ грубо.

Старикъ—камердинеръ, не отвѣчая, смотрѣлъ на безпорядокъ въ комнатѣ; потомъ, оглядѣвъ маркиза, закричалъ:

— Кровь на рубашкѣ!... Боже мой! Что съ вами было?... За чѣмъ вы не позвонили, какъ всегда дѣлаете, когда съ вами случается пр....

— Поди вонъ!

— Позвольте, маркизъ, здѣсь ужасно холодно, а каминъ не топится....

— Замолчишь-ли ты?... Оставь меня!

— Но вы приказали управляющему Дубле быть здѣсь въ половинѣ одиннадцатаго, съ нотаріусомъ; они ужъ здѣсь.

— Ты правъ, сказалъ горько маркизъ: кто богатъ, тотъ долженъ заботиться о дѣлахъ своихъ.... Богатство—славная вещь!... Позови Дубле.... въ кабинетъ.... Одѣвай меня!

— Позвольте здѣсь все поднять и вычистить, отвѣчалъ грустно Іосифъ. Пожалуй, увидятъ безпорядокъ и не поймутъ, отчего все это случилось?

— А еслибъ поняли?

— Нѣтъ, никто не знаетъ....

— Да, никто не знаетъ, повторилъ Дарвилль мрачно.

Пока Іосифъ прибиралъ въ комнатѣ, Маркизъ подошелъ къ оружію, висѣвшему на стѣнѣ, радостно посмотрѣлъ на него и спросилъ:

— Вѣрно, ты забылъ вычистить ружья, которыя тамъ, въ охотничьемъ приборѣ?

— Вы мнѣ ни слова не изволили говорить....

— Говорилъ, а ты забылъ.

— Они недавно принесены отъ оружейника.

— Все равно.... Принеси ихъ ко мнѣ; я завтра поѣду на охоту, такъ хочу посмотрѣть ихъ сего-дня.

Одѣвшись, маркизъ вошолъ въ кабинетъ, гдѣ ужъ ждали Дубле, его управляющій, и нотаріусъ.

— Мы пришли прочесть вамъ купчую, г-нъ маркизъ....

— Вы ее читали, Дубле?

— Читалъ.

— Такъ мнѣ и довольно.... я подпишу.

Онъ подписалъ. Нотаріусъ вышелъ.

— Теперь, г-нъ маркизъ, сказалъ Дубле торжественно, ваши доходы простираются до 126,000 фр.... Знаете-ли, что это рѣдкость? Получать 126 тысячь съ фермеровъ!

— Такъ я очень-счастливъ, Дубле? Такой огромный доходъ! Больше и желать нечего!

— Не считая вашихъ капиталовъ, не считая вашихъ....

— Не считая всѣхъ другихъ источниковъ счастія!

— Слава Богу, г-нъ маркизъ, чего вамъ не достаетъ? молодость, богатство, сила, здоровье, все у васъ есть; и сверхъ-того еще такая супруга, какъ г-жа маркиза, и дочка, точно херувимчикъ.

Дарвилль мрачно посмотрѣлъ на управителя.

Съ невыразимой дикой ироніей ударилъ онъ Дубле по плечу и сказалъ:

— 126 тысячь дохода, такая жена и дочка какъ херувимчикъ.... нечего и желать?

— Гмъ! Можно еще пожелать — жить подольше,... чтобъ выдать дочку за-мужъ, и быть дѣдушкой.... Отъ всей души желаю чтобъ г-жа маркиза была хоть прабабушкой....

— Ваши желанія всегда кстати, любезный Дубле.... а сколько у васъ въ кассѣ денегъ.

— Тысячь двадцать, для расхода, не считая внесенныхъ суммъ въ Ломбардъ.

— Принесите сюда десять тысячъ золотомъ сей-часъ-же, и если меня ужъ не будетъ дома, отдайте Іосифу.

— Черезъ часъ все будетъ здѣсь.... Нѣтъ-ли другихъ приказаній?

— Нѣтъ никакихъ.

— Честь имѣю кланяться, г-нъ маркизъ.

— Прощайте, Дубле.

Едва управитель вышелъ, Дарвилль упалъ въ кресло и зарыдалъ. Онъ не могъ плакать съ той минуты, какъ получилъ роковую записку Сары.

— О! говорилъ онъ.... Судьба горько надо мною подшутила, надѣливъ меня богатствомъ.... Что вставлю я теперь въ золотую раму?... Стыдъ мой.... преступленіе Клеменціи! Крови! крови!... ужасъ избавляетъ отъ насмѣшки... Теперь я понимаю ея отвращеніе... Знаю, почему она не можетъ видѣть меня.... я пугаю ее.... Да я-ли виноватъ? Можетъ-ли она за то обманывать меня? Я заслуживаю не ненависть, а состраданіе.... нѣтъ имъ пощады, я убью ихъ обоихъ! Она вѣрно *все* разсказала *тому*....

Послѣдняя мысль особенно раздражала маркиза; но чувствуя, что ничего не слѣдуетъ показывать людямъ, онъ воротился въ спальню съ притворно-спокойнымъ лицомъ. Тамъ засталъ онъ Іосифа.

— Что ружья?

— Все въ порядкѣ.

— Жена еще не вставала?

— Не знаю.

— Поди, узнай.

Камердинеръ вышелъ.

Дарвилль поспѣшно взялъ порохъ, пули и все, что ему было нужно; потомъ досталъ два маленькіе Мантоновскіе пистолета, зарядилъ ихъ и спряталъ въ широкіе карманы утренняго сюртука.

— Маркизу можно видѣть, сказалъ возвратившійся Іосифъ.

— Она велѣла заложить карету?

— Нѣтъ, Маркиза изволитъ идти пѣшкомъ.

Дарвиль ничего не отвѣчалъ, вышелъ изъ дому и отправился на сосѣднюю биржу фіакровъ.

— Кучеръ! я беру тебя по часамъ.

— Извольте. Теперь двѣнадцатаго половина: Куда ѣхать?

— Подожди здѣсь, у сада, возлѣ большаго дома....

Дарвилль спустилъ шторы, фіакръ остановился у самыхъ дверей его дома. Мысли такъ быстро смѣнялись въ его головѣ, что время, казалось ему, тоже быстро летѣло.

Двѣнадцать часовъ било на церкви Св. Ѳомы Акенскаго. Маркиза вышла.

— Уже! какое вниманіе! Она боится заставить его ждать!... сказалъ маркизъ съ грубой насмѣшкой.

Клеменція переходя черезъ улицу, подняла платье и показала прелестную ножку, обутую въ чудесную ботинку изъ сатентюрка.

Не смотря на всю мрачность, Дарвилль замѣтилъ ногу жены своей: никогда не казалась она ему такою миленькою.

Чувственная ревность грызла его за самую душу. Ему представлялось, что *тотъ*, ставъ на колѣна, въ упоеніи цѣлуетъ эту очаровательную ножку.

Онъ закричалъ.

Кучеръ обернулся.

— Видишь эту даму въ чорной шляпкѣ и голубой шалѣ?

— Вижу.

— Ступай за ней шагомъ.... Если она возметъ фіакръ, не отставай и отъ него....

— Слушаю, сударь.... Вотъ штука-то!

Маркиза взяла фіакръ и поѣхала. Маркизъ ѣхалъ вслѣдъ за нею. Они проѣхали по набережнымъ, мимо ратуши, улицой Сентъ-Авуа, и вотъ наконецъ улица Тампль.

— Господинъ, сказалъ кучеръ Дарвиллю: товарищъ остановился у № 17; что дѣлать?

— Стой и ты!

— Господинъ! Дама вошла въ домъ № 17-й.

— Отвори дверцы.

Черезъ нѣсколько секундъ, Дарвиль вошелъ въ домъ Красной-руки, въ-слѣдъ за женою.

XVII.

БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТЬ.

Изъ любопытства, г-жа Пипле, Альфредъ и торговка устрицами стояли въ дверяхъ.

Маркиза спросила едва слышнымъ голосомъ:

— Гдѣ живетъ Шарль?

— Кто? повторила привратница, притворяясь, что не слышитъ: она хотѣла дать время, мужу и торговкѣ, разсмотрѣть черты несчастной маркизы.

— Я спрашиваю г. Шарля? сказала опять Клеменція, и опустила глаза, желая скрыться отъ грубаго любопытства своихъ досмотрщиковъ.

— А! г. Шарля!... Вотъ такъ-то!... а то вы говорите такъ тихо, что ничего нельзя слышать.... Если вы хотите видѣть г. Шарля — молодецъ онъ, красавецъ, — то ступайте прямо, вотъ и дверь....

Маркиза, въ ужасномъ замѣшательствѣ, поставила ногу на первую ступеньку.

— Хе! хе! хе! продолжала старуха, видно сего-дня ужъ все будетъ безъ обмана.... Свадьба!... повеселимся!

— А Маіоръ-то хватъ, подхватила торговка; его пріятельница хоть куда.

Еслибъ не нужно было проходить мимо этихъ несносныхъ людей, то маркиза, мучимая стыдомъ и раскаяніемъ, вѣрно-бы вернулась назадъ.

На площадкѣ она встрѣтила Родольфа, который сказалъ ей, подавая кошелекъ:

— Мужъ вашъ все знаетъ; онъ ѣхалъ за вами....

Въ эту минуту, г-жа Пипле кричала разбитымъ голосомъ:

— Куда вы идете, сударь?

— Это онъ! сказалъ Родольфъ маркизѣ, и толкая ее вверхъ по лѣстницѣ, прибавилъ:

— Ступайте въ пятый этажъ; вы пріѣхали сюда помочь бѣдному семейству,—Морелямъ....

— Милостивый государь! я васъ рѣшительно не пущу, если вы не скажете мнѣ, куда вы идете? кричала г-жа Пипле, не впуская Дарвилля.

— Я съ этой дамой, которая сей-часъ вошла!

— А! это другое дѣло! Извольте идти!

Услышавъ шумъ, Шарль Роберъ отворилъ дверь; Родольфъ вошелъ къ нему и заперъ двери въ ту самую минуту, когда Дарвилль всходилъ на площадку. Родольфъ хотѣлъ скрыться отъ него, и для того вошелъ къ Маіору.

Шарль-Роберъ, великолѣпно украшенный извѣстнымъ халатомъ и бархатной ермолкой, обезумѣлъ, увидѣвъ Родольфа, котораго онъ вовсе не примѣтилъ на вчерашнемъ балѣ.

— Милостивый государь! что это значитъ?

— Тише! прошепталъ Родольфъ, съ такимъ безпокойствомъ, что Роберу стало страшно.

Сильный стукъ раздался по лѣстницѣ.

— Онъ, вѣрно, убилъ ее! вскричалъ Родольфъ.

— Убилъ! кого? что здѣсь происходитъ? спрашивалъ Роберъ въ полголоса.

Не отвѣчая, Родольфъ отворилъ немного двери.

Хромой сынъ Красной-руки спускался съ лѣстницы; у него былъ въ рукахъ красный кошелекъ, отданный маркизѣ Родольфомъ.

Родольфъ слышалъ еще легкіе шаги маркизы и тяжелую поступь Дарвилля, который все еще преслѣдовалъ ее.

— Наконецъ скажите мнѣ, началъ Шарль-Роберъ съ досадой и гнѣвомъ,—кто вы и по какому праву....

— А по тому праву, что Дарвилль все знаетъ, что онъ слѣдовалъ за женой своей до вашихъ дверей и теперь еще преслѣдуетъ.... тамъ....

— Какое несчастіе! вскричалъ Роберъ, всплеснувъ руками: но зачѣмъ пошла она на-верхъ?

Не ваше дѣло; сидите только дома, пока г-жа Пипле не скажетъ вамъ, что все кончено.

Родольфъ сошелъ къ г-жѣ Пипле.

— Ага! сказала она ему съ торжествующимъ видомъ; дѣло загорается.... какой-то господинъ преслѣдуетъ маіорскую подружку.... Это вѣрно муженекъ, я его тотчасъ и пустила. Они порѣжутся съ Маіоромъ, надѣлаютъ шуму, и любопытные станутъ ходить смотрѣть домъ нашъ, какъ ходили смотрѣть № 36, гдѣ случилось убійство.

— Любезная г-жа Пипле, вы можете оказать мнѣ важную услугу, сказалъ Родольфъ, положивъ ей въ руку пять луидоровъ: когда эта дама будетъ выходить, спросите у ней о Мореляхъ, и скажите, что имъ надобно помогать.

Г-жа Пипле смотрѣла съ изумленіемъ и на деньги, и на Родольфа.

— Какъ!... все это золото мое? а дама не у Маіора?

— Она теперь у Морелей; ей успѣли сказать, что мужъ ее преслѣдуетъ.

— Понимаю!... Я должна помочь вамъ — провести мужа.... Хорошо, идетъ! Хе! хе! хе! То-ли бывало!

Дряхлая шляпенка Альфреда содрогнулась.

— Анастасія! произнесъ онъ важно: ты ничего не уважаешь на землѣ, какъ Цезарь Брадаманти. Есть вещи, надъ которыми никогда не слѣдуетъ смѣяться, даже въ домашнемъ кругу....

— Перестань, другъ мой, вѣдь я пошутила.... Я хочу только одолжить молодую даму, изъ угожденія нашему новому жильцу, который такъ добръ.

Дарвилль спускался съ лѣстницы, и велъ жену подъ руку. Родольфъ спрятался.

— Сударыня! завизжала г-жа Пипле: вы изволили видѣть бѣдныхъ Морелей... А? не правда-ли, сердце ноетъ, глядя на нихъ?... Доброе дѣло вы здѣлали!

Дарвилль глядѣлъ на жену съ восторгомъ, и выходя изъ дому, просилъ у ней прощенья въ томъ, что могъ повѣрить клеветѣ.

Родольфъ за ними послѣдовалъ, сказавъ г-жѣ Пипле, что она можетъ выпустить Маіора.

Привратница тотчасъ явилась къ нему.

— Маіоръ, сказала она, поднеся руку къ парику: я пришла освободить васъ отъ ареста. Мужъ и жена уѣхали вмѣстѣ, на-смѣхъ и стыдъ вамъ. Вы спаслись по милости г. Родольфа; вы должны поставить за него большую свѣчу.

— Что это за человѣкъ?

— Что за человѣкъ? закричала г-жа Пипле съ гнѣвомъ; а вотъ что — онъ лучше всякаго другаго, лучше двухъ! Онъ купеческій прикащикъ, а не торгуется....

— Хорошо; вотъ вамъ мой ключъ.

И Шарль-Роберъ вышелъ изъ дому съ поникшей головой. . . . . .

Черезъ нѣсколько минутъ, фіакръ остановился передъ домомъ. Изъ него выглянула Сова и поманила Хромаго. Онъ быстро помѣстился между Совой и Учителемъ, который прятался въ огромную шубу.

Черезъ два часа, фіакръ остановился у деревяннаго креста, которымъ была означена проселочная дорога въ Буквaль, на ферму, въ которой жила *Пѣвица*, подъ руководствомъ г-жи Жоржъ.

В. СТРОЕВЪ.

(Третья часть—въ слѣдующей книжкѣ.)

СТИХОТВОРЕНІЯ.

=

СЛЕЗА И БАЛЪ.

Вальсъ! гремятъ и льются звуки....
Ножки бѣшено скользятъ,
И, безмолвно сжавши руки,
Пары пестрыя летятъ....
. . . . . .
Я стоялъ;—передо мною
Пары рѣзвыя неслись....
Сколько было межъ толпою
И Лукреціи и Лаисъ!
И подъ блондой выписною
Сколько чувствъ давило грудь,
И, поднявъ ее волною,
Не давало ей вздохнуть!
Сколько тайныхъ вздоховъ гибкій
Подавилъ въ тотъ часъ корсетъ,
Сколько въ радостной улыбкѣ
Было муки, было бѣдъ!...
Я въ толпѣ той непримѣтный,
Въ блескѣ глазокъ и серегъ
Блескъ таинственный, завѣтный
Свѣтлой слезки подстерегъ.
Какъ странна была слеза та
Въ шумѣ радости людской!...

Знать тяжка была утрата
Сердцу дѣвы молодой,
Что изъ клада золотаго
Изъ сокровища души,
Лучше камня дорогаго
Слезку выронивъ въ тиши,
Въ грусти бѣдная стояла,
Чуть глядя на пышный кругъ....
Ярче слезка та блистала,
Чѣмъ весь матовый жемчугъ,
Что тройной обвившись змѣйкой
Бѣлизной блестѣлъ своей,
Спорилъ съ бархатною шейкой
И съ волной ея грудей.
Билъ каскадъ кудрей пахучихъ
Съ двухъ сторонъ на мраморъ плечъ,
И вились въ кругахъ летучихъ
Брызги ихъ при блескѣ свѣчъ;
У грудей высокихъ астра
Притаилась въ сторонѣ;
Ручки чище алебастра
Всѣ сквозили при огнѣ,
Вся она была царица....
Но всего милѣе въ ней
На атласистой рѣсницѣ
Слезка въ радугѣ огней!...
Эту слезку я съ укоромъ
Року злобному слѣдилъ, —
Но ея холоднымъ взоромъ
Скоро кто-то изсушилъ....
И улыбка такъ искусно
Замѣнила слѣдъ ея....
И задумался я грустно,
Скорбь на сердцѣ затая;
Хоть стоялъ еще прикованъ
Я къ красавицѣ душой,
Но ужъ былъ разочарованъ
Я изсохшею слезой!
Будто трудно отъ досады
Слезы женщинѣ пролить?
Будто въ свѣтѣ мало взгляда
Эти слезы осушить?...

—ъ—ъ.

МЫСЛЬ.

(*въ альбомъ.*)

Три вѣры быть должны въ душѣ у человѣка:
Въ святое Божество, въ другихъ людей, въ любовь!
Пускай не вѣритъ въ нихъ безчувственный сынъ вѣка —
Три вѣры намъ отъ бѣдъ, отъ бурь мирскихъ покровъ.
Безъ вѣры въ Божество вѣкъ будетъ циникъ грязный;
Безъ вѣры въ ближняго — холодный мизантропъ,
И безъ любви святой онъ будетъ скептикъ праздный,
Живой, ходячій трупъ, съ согнившимъ чувствомъ гробъ!
Но вѣра чистая въ любовь.... сильнѣе
Должна быть въ женщинѣ; — она ее лишь ждетъ
Средь жизни мелочной, общественной, и ею
Въ заботахъ тягостныхъ лишь дышитъ и живетъ;
Любовь награда ей за скуку, за страданья,
За ограниченность желаній и надеждъ,
За строгій этикетъ, обряды воспитанья,
За клевету подругъ, за шопотъ злыхъ невѣждъ,
За все, что̀ въ ночь она ввѣряетъ изголовью,
Что̀ терпитъ, бѣдная, какъ дѣва, какъ жена,
За все, за все она лишь чистою любовью
И вѣрою въ любовь другихъ награждена!
Любовь — все для нея — награда, назначенье,
Желанье, счастье, долгъ, восторгъ, цѣль бытія....
И тотъ, кто душу съ ней сольетъ, въ вознагражденье
Три вѣры всѣ найдетъ въ одной любви ея:
Полюбитъ Божество, и цѣлый міръ полюбитъ,
Не будетъ презирать ни свѣта, ни себя,
Высокихъ чувствъ своихъ, думъ чистыхъ не погубитъ,
И цѣли бытія достигнетъ полюбя!
Лишь въ сердцѣ чувственномъ, любовью несогрѣтомъ,
И грѣшны помыслы и бурно льется кровь.
Мужъ твердый — мудростью владѣетъ цѣлымъ свѣтомъ,
А мудрость женщины есть — чистая любовь!!..

Z.

КРИТИКА. *

О СОВРЕМЕННОМЪ СОСТОЯНІИ РУССКОЙ СЦЕНЫ. — ДРАМАТИЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА ВНѢ СЦЕНЫ. — ДРАМАТИЧЕСКІЕ ОПЫТЫ ГОГОЛЯ. — ДРАМА ЛЕРМОНТОВА. — ВИДЫ НА БУДУЩЕЕ.

> Театръ, хорошъ-ли онъ или дуренъ, естественъ-ли онъ или натянутъ, всегда есть драгоцѣнный свидѣтель для исторіи нравовъ и мнѣній. Въ нравахъ народа заключены его предразсудки, его воспоминанія, его сожалѣнія; для этого онъ иногда ходитъ въ театръ искать того, что̀ не выражаетъ его настоящаго положенія, но говоритъ ему о томъ, чего онъ желаетъ, или что̀ имъ потеряно.
>
> *Вильменъ.*

Незавидно положеніе нашей литературы, но еще грустнѣе зрѣлище представляетъ наша сцена. Бѣдность первой, натурально, условливаетъ скудость послѣдней, какъ

* «Репертуаръ и Пантеонъ», обновивъ съ нынѣшнимъ годомъ свое существованіе, и твердо рѣшась идти не назадъ, а впередъ, не къ худшему, а къ лучшему, не налагалъ, покамѣстъ, на себя строгой обязанности—выполнять извѣстныя рубрики, по той натуральной причинѣ, что позже-начатое бываетъ обыкновенно прочнѣйшимъ. Теперь онъ принимаетъ въ свой объемъ забытый имъ отдѣлъ *критики*, гдѣ будутъ разбираемы драматическія произведенія, оригинальныя и переводныя, какъ игранныя на сценѣ, такъ и неиграемыя, заслуживающія *полнаго* вниманія публики. Въ Парижѣ ни одно «Révue» не обходится безъ нѣсколькихъ даже, (а ужъ непремѣнно одной) критическихъ статей, которыхъ предметами служитъ не всегда современное замѣчательное,—и во французской литературѣ вполнѣ замѣчательнаго нельзя напастись ежемѣсячно—часто прошедшее. Такъ намѣрены дѣлать и мы. Не полагаемъ, для текущаго года, непремѣннымъ условіемъ всякой книжки подобныя статьи, но постараемся помѣщать ихъ по-возможности часто. *Ред.*

цѣлое свою часть; но въ литературѣ еще хоть на немногомъ имѣющемся, хоть на рѣдкомъ появляющемся можетъ отдохнуть душа отъ безцвѣтныхъ подражаній, отъ скороспѣлыхъ плодовъ расчета на карманы читателей, отъ нечистыхъ сплетенъ журналистики (да проститъ ей Господь!), которая двѣ трети текущей литературы поглотила въ страшно-уемистую пасть своихъ ежемѣсячныхъ дюжихъ сборниковъ, а на сценѣ русской, увы! нещадно роняется и падаетъ даже то́, что́ выкупаетъ сколько-нибудь недостаточность нашего «общественнаго сознанія, выраженнаго письменами». Густо роится эфемерное войско водевилей, летучихъ дѣтей чужой народности, щедро переносимыхъ съ парижской сцены на нашу, то въ неуклюжихъ переводахъ, то въ несмысленныхъ передѣлкахъ; шумно жужжитъ этотъ отяжелѣвшій отъ русскаго остроумія рой вѣскими куплетами нашихъ драматическихъ поставщиковъ, и гонитъ образованную часть публики изъ залы Александринскаго театра въ залу Михайловскаго, и подобострастно ищетъ рукоплесканій у той части публики, которая въ Петербургѣ уже по преимуществу зовется «александринскою», а въ Москвѣ не знаемъ какъ, но, вѣрно, имѣетъ также имя особое. Прерывается грубопестрый рядъ этой сценической мелочи явленіями болѣе крупными, но по изяществу очертаній, по цвѣтамъ и тѣнямъ красокъ, также нѣсколько сдающимися на произведенія той самородной школы живописи, которая такъ давно и такъ успѣшно продовольствуетъ незатѣйливый вкусъ русскихъ простолюдиновъ.

Да не обидятъ наши слова никого изъ немногихъ почтенныхъ литераторовъ, отдающихъ на русскій театръ свои крупныя драматическія произведенія: далеки мы отъ сомнѣнія въ ихъ талантахъ, вполнѣ увѣрены, что ихъ дѣятельность могла-бы съ честію продолжаться въ гораздо-лучшее время сцены; но и сказанное нами есть голая истина, фактъ, тяжко извѣстный всякому, кого или обязанность или привязанность хоть къ худому, да своему, заводитъ на «россійскіе» спектакли. Что́-же въ-самомъ-дѣлѣ прикажете дѣлать литератору съ этой многоглавой гидрой безвкусія, которая нынче самовластно

царитъ на русской сценѣ? Какъ не дозволите ему и грубо-неуклюжихъ штриховъ и непріятно-яркихъ красокъ, ему, выставляющему свой трудъ въ разсвѣтныя сумерки образованности, на рѣшительный судъ людей, которые не выразумѣютъ творенія, полнаго тонкихъ эстетическихъ достоинствъ? Сложить-ли ему руки, и только прискорбно ждать лучшаго будущаго? Не литература хозяинъ публики, а публика хозяинъ литературы,—тоже и со сценою: потребность зрителей такова, а не инакова, и кѣмъ-бы то ни было, все-же будетъ удовлетворяться эта потребность до-поры до-времени, иначе быть не можетъ. Пусть-же лучше даровитые, и сами стоящіе выше этого, люди дѣйствуютъ въ такомъ родѣ сознательно, нежели замѣститъ ихъ толпа театральныхъ дюжинныхъ писакъ, въ простотѣ сердца довольныхъ собою и своими зрителями. Пусть эти зрители узнаютъ — точнѣе, увидятъ, — жизнь Ломоносова лучше черезъ г. Полеваго, нежели черезъ того или другаго господина, который вѣдомъ только въ аффишномъ мірѣ, да и тамъ означается какимъ-нибудь алгебраическимъ *X*, какъ величина неизвѣстная. Покажите имъ Ломоносова въ его подлинной, исторической простой высотѣ, — ихъ вычурный и незрѣлый вкусъ не оцѣнитъ творенія автора; пусть-же хоть эффектами поплечу имъ поддерживается покуда въ нихъ вѣра въ возможность стремленій и страданій, непохожихъ на тѣ пошлые и мелкіе интересы, которыми питается ихъ существованіе. Нарочно беремъ этотъ примѣръ, какъ болѣе свѣжій своей недавностью. Умалчиваемъ о тысячѣ-одной другихъ возможныхъ причинъ, побуждающихъ авторовъ съ нерядовымъ талантомъ ставить свои піесы: предоставляемъ самимъ читателямъ отыскать тѣ изъ нихъ, которыя кому покажутся удовлетворительнѣе.

Громче и громче становится между образованнѣйшей частью публики ропотъ на плачевное положеніе нашей сцены; а сцена вее еще не мѣняется, и покорная тяжкой судьбѣ — постепенности народнаго развитія, не подаетъ пока даже надежды на близкое исправленіе; и слышны часто визгливые голоса площадныхъ потѣшниковъ, литературныхъ арлекиновъ, которые своей долею грязи въ

иловатомъ наводненіи русской сцены думаютъ стяжать имя литераторовъ, «извѣстныхъ трудолюбіемъ и добросовѣстностью», самохвально величаютъ своими созданіями плохія интермедіи и тупыя остроты куплетовъ, горячо отстаивая свое право собственности на эти жалкія издѣлія. «Хорошъ однако или дуренъ театръ, онъ свидѣтель нравовъ и мнѣній публики». — говоритъ эпиграфъ нашей статьи, слова профессора (нынѣшняго министра просвѣщенія во Франціи) Вильмена, сказанныя нѣкогда въ академической рѣчи по-поводу принятія драматурга Скриба въ завѣтное число сорока членовъ Академіи. Слова эти такъ справедливы, что доказывать ихъ значило-бъ доказывать свѣтъ дня или тьму ночи. Взглянемъ-же бѣгло, что́ за нравы, которыхъ историческимъ свидѣтелемъ имѣетъ удовольствіе быть русская сцена нашего времени.

Пестро, до чрезвычайности пестро или, вѣрнѣе сказать, полосато нынѣшнее русское общество. Съ одной стороны страсть къ нелѣпымъ искаженіямъ парижскихъ нравовъ въ видѣ водевилей, къ безцвѣтнымъ или карикатурнымъ призракамъ самодѣльныхъ романовъ и повѣстей, съ другой участіе къ малому числу твореній истинно-прекрасныхъ. Міръ, дающій пищу теперешней литературной дѣятельности Гоголя—рядомъ съ элементами поэзіи Лермонтова. Не пролегло еще историческаго уровня по нашимъ нравамъ; не сплотился въ одноцвѣтную массу, гдѣ разницы условливаются только личными случайностями, а не гражданскимъ положеніемъ, нашъ средній классъ, подобно европейскимъ среднимъ классамъ: обширенъ онъ, и разнохарактеренъ еще больше, чѣмъ обширенъ. При молодости русскаго просвѣщенія, конечно, неудивительно, что еще не настала пора уравненія образованности низшихъ слоевъ этого класса съ его верхушками,—класса, изъ котораго преимущественно состоитъ наша читающая публика, который даетъ государству второстепенныхъ администраторовъ и исполнителей по всѣмъ отраслямъ управленія, который наконецъ въ лицѣ одной части своей есть судья русской сцены, властно рѣшитъ и вяжетъ плоды русской драматургіи. До этой-то его части относятся наши слова. Мимо того, что уже

начали подобные рѣшители служить предметомъ сатирической повѣсти, — кто не знаетъ ихъ въ натурѣ? Они встрѣчаются на каждомъ шагу въ общежитіи. Само-собою разумѣется, что всего ярче проглядываетъ ихъ физіономія въ столицѣ, какъ по общему значенію всѣхъ подлунныхъ столицъ, такъ и потому, что всевозможная централизація естественно сильнѣе, чѣмъ гдѣ-либо, въ молодомъ государствѣ, каково наше. Тутъ ихъ отчасти-азіятскія личности прикрыты чистымъ европейскимъ костюмомъ, даже часто костюмомъ послѣдней парижской моды, а съ тѣмъ вмѣстѣ и претензіи у нихъ съ-виду какъ-будто европейскія. Не совсѣмъ разборчивы они на то, красная-ли земля и зеленыя-ли животныя на картинѣ, но уже непремѣнно требуютъ отъ картины сюжетовъ выше, нежели плоды суздальской фантазіи. Не взыщетъ ихъ вкусъ за ненатуральность или историческую невѣрность романа, повѣсти или драмы, потому-что историческое либо иноземное имъ плохо знакомо, а того, что могло-бы, кажется, быть хорошо извѣстно, какъ напр. современное русское, они, или не хотятъ признавать, жеманно стыдясь его, или не умѣютъ видѣть дальше самой внѣшней наружности, и, слѣдовательно, можете одѣть передъ ними характеръ какой-угодно націи въ русское платье, набросить на его пріемы и языкъ какую-нибудь тѣнь русскаго, или чистое русское лицо перерядить въ иноземную, въ иновременную одежду, или изобрѣсть какой-нибудь небывалый и невозможный фантомъ человѣка—и они добродушно повѣрятъ и останутся предовольны. У нихъ есть порываніе «заняться чѣмъ-нибудь высокимъ, да свѣтская чернь мѣшаетъ»; любовь въ ихъ понятіи есть удаленіе «подъ сѣнь струй», куда звалъ вѣчной памяти Хлестаковъ жену Городничаго. Съ ихъ-то вкусомъ соображается теперь нашъ театръ, къ ихъ разумѣнію долженъ приноравливаться всякій, кто почему-нибудь желаетъ видѣть на сценѣ свою піесу. Нѣтъ надобности этимъ господамъ, что въ русской жизни не существуетъ ни той публичности, ни той людкости нравовъ, ни тѣхъ забавныхъ столкновеній, свойственныхъ одному французскому быту, которыя дѣлаютъ легкій водевильный родъ драмы исключительнымъ досто-

яніемъ Франціи; что не имѣетъ и не имѣла никогда у насъ публичная пѣсенка, непосредственный источникъ водевильнаго куплета, такого значенія, какъ во Франціи, гдѣ по этимъ припѣвамъ можно разсказать исторію народа; что самое племя наше не есть пѣвучее племя юга, и что усвоеніе водевиля русской жизни, если и сбыточно, то отнюдь не въ настоящее время, а развѣ далеко еще въ будущее; что водевильныя исторіи, которыя французами берутся изъ класса bourgeoisie, никакъ не могутъ черпаться изъ соотвѣтственнаго класса у насъ, гдѣ они возможны развѣ въ высшихъ рядахъ средняго, или даже въ высшемъ классѣ; что наконецъ водевильный куплетъ въ устахъ какого-нибудь Жевакина столько-жъ приличенъ, сколько коровѣ сѣдло, употребляя сравненіе народной поговорки.

Такой-то вкусъ современныхъ посѣтителей русскаго театра поставляетъ внѣ сцены значительную часть тѣхъ немногихъ драматическихъ произведеній, которыми можетъ похвалиться наша литература. Сюда между-прочимъ принадлежатъ нѣкоторыя произведенія Гоголя, о которомъ сей-часъ сбираемся говорить. Сюда-же должно отнести переведенныя или переводимыя драмы Шекспира, котораго если у насъ играютъ, то съ такими укройками и приправками, что можно не взять грѣха на душу, назвавъ ихъ не-шекспировыми піесами. Далѣе, конечно найдутся такія драматическія произведенія, особливо переводныя, какъ напр. издаваемый теперь «Испанскій театръ», которыя не могутъ быть на сценѣ по инымъ причинамъ, уже не по ложному вкусу публики. Изъ оригинальнаго въ этомъ родѣ укажемъ покуда хоть на драмы барона Розена.

Мы сказали, что *нѣкоторыя* піесы Гоголя не могутъ быть играны по винѣ публики. Дѣйствительно, не всѣ драматическіе опыты этого автора могутъ годиться на сцену, и едва-ли самъ авторъ прочилъ ихъ туда. Иныя изъ нихъ суть только очерки нравовъ, имѣющія большое достоинство литературное, и никакого сценическаго, хотя и облечены въ драматическую форму, явно по той причинѣ, что эта форма давала автору больше удобства обрисовать взятыя типическія лица. Напр. «Тяжба», «Отрывокъ» и пр.

Извѣстно, что Гоголь выступилъ на театральное поприще въ 1836 году, своимъ «Ревизоромъ.» Тогда и послѣ такъ много было толковано объ этой піесѣ, что мы не-станемъ распространяться объ ней теперь, частію уже потому-что мнѣніе наше о ея значеніи и достоинствахъ одинаково съ мнѣніемъ о новѣйшихъ пьесахъ этого автора, которое сейчасъ выскажимъ. Замѣтимъ по поводу «Ревизора» только слѣдующее: Изъ толковъ и сужденій о немъ, записанныхъ тогда-же Гоголемъ, какъ самъ онъ говоритъ въ письмѣ о представленіи своей комедіи («Сочиненія Н. Гоголя» ч. IV. Приложенія къ Ревизору.), составилъ піесу «Разъѣздъ», гдѣ заставляетъ одного разсуждающаго говорить такъ:

Если принимать завязку піесы въ томъ смыслѣ, какъ ее обыкновенно принимаютъ, то-есть, въ смыслѣ любовной интриги, такъ ея точно нѣтъ. Но, кажется, уже пора перестать опираться до-сихъ-поръ на эту вѣчную завязку. Стоитъ пристально оглядѣться вокругъ. Все измѣнилось давно въ свѣтѣ. Теперь сильнѣй завязываетъ драму стремленіе достать выгодное мѣсто, блеснуть и затмить, во что-бы ни стало, другаго, отмстить за пренебреженье, за насмѣшку. Не болѣе-ли теперь имѣютъ электричества чинъ, денежный капиталъ, выгодная женитьба, чѣмъ любовь?

И такъ, вотъ взглядъ автора на драму, какая, по его мнѣнію, должна быть нынче. Отсюда объясняются и всѣ его драматическіе опыты. Взглядъ этотъ односторонень и довольно-ограниченъ: онъ касается только комической драмы, и комизма не-высокаго. Между-тѣмъ, онъ заслуживаетъ полнаго вниманія. Распространите его, возвысьте, и вы получите идею, хоть не вовсе новую, однако неснискавшую еще на европейскихъ сценахъ совершеннаго права гражданства. Въ-самомъ-дѣлѣ, если любовь служитъ содержаніемъ разнаго рода драмъ; почему-жъ не служить ровно въ той-же степени предметами для драмы и другимъ страстямъ? Ничего не можетъ быть справедливѣе! Не ужели одна любовь только можетъ дать сценическій пафосъ для трагедіи и комедіи? Еще комедія чаще вязалась не на такой однообразной основѣ; но трагическая драма слишкомъ рѣдко осмѣливалась выступать изъ принятой колеи. Бывали однако опыты, и даже очень да-

внѣ. Вотъ напримѣръ, что говорилъ Скрибъ, занимая академическія кресла Арно, о трагедіи своего предшественника «Маріи въ Минтурнѣ».

«....Онъ чувствовалъ, что бываетъ на свѣтѣ великое и благородное зрѣлище: слава въ борьбѣ съ несчастіемъ, невзгода, переносимая съ мужествомъ — и онъ отгадалъ! Не подражая авторамъ, до него изображавшимъ этотъ предметъ, не призывая на помощь ни постороннихъ интригъ, ни женщинъ, ни трагической любви, онъ приступилъ къ своему предмету съ строгою простотою древности—и создалъ историческую картину, надъ которой возвышается вездѣ великій образъ Марія. И помните-ли вы, мм. гг., какое впечатлѣніе производилъ этотъ рабъ, этотъ Кимвръ, когда онъ, испуганный при видѣ консульскаго чела, покрытаго сорокалѣтнею славою, бросалъ кинжалъ и убѣгалъ, повторяя: «Я никогда не буду въ состояніи умертвить Марія!» и пр. и пр.

Мы привели примѣръ изъ новаго, христіанскаго искусства, удерживаясь въ кругѣ мысли Гоголя, говорящаго только про новое искусство; а если припомнимъ драмы древнихъ, гдѣ, правда, драмы имѣли несовсѣмъ одинакое съ нашимъ временемъ значеніе, — то разсужденіе покажется справедливѣе всякой ходячей истины и очевиднѣе всякаго осязаемаго предмета.

Продолжимъ еще нашу выписку изъ рѣчи, какую Гоголь влагаетъ въ уста одному изъ толкующихъ о комедіи:

«Я скажу только, что вообще ищутъ частной завязки въ піесѣ и не хотятъ видѣть общей. Люди простодушно привыкли уже къ этимъ безпрестаннымъ любовникамъ, безъ женитьбы которыхъ никакъ не можетъ окончиться піеса. Конечно, это завязка, но какая завязка? точный узелокъ на уголкѣ платка. Нѣтъ, комедія должна вязаться сама-собою, всей своей массою, въ одинъ большой, общій узелъ. Завязка должна обнимать всѣ лица, а не одно или два, коснуться того, что волнуетъ, болѣе или менѣе, всѣхъ дѣйствующихъ. Тутъ всякій герой; теченіе и ходъ піесы производитъ потрясеніе всей машины: ни одно колесо не должно оставаться, какъ ржавое и невходящее въ дѣло».

На это возражаютъ:

«Но всѣ не могутъ-же быть героями; одинъ или два должны управлять другими»?

Вотъ какъ отвѣчаетъ авторъ въ видѣ какого-то лица:

«Совсѣмъ не управлять, а развѣ преобладать. И въ машинѣ однѣ колеса замѣтнѣй и сильнѣй движутся; ихъ можно назвать только главными; но правитъ піесою идея, мысль. Безъ нея нѣтъ въ ней единства. А завязать можетъ все: самый ужасъ, страхъ ожиданія, гроза идущаго вдали закона»...

Какимъ вѣрнымъ и глубокимъ понятіемъ о своемъ искусствѣ проникнута эта столько простая рѣчь у автора! Тутъ все это говорится въ примѣненіи къ «Ревизору», и какъ жаль, что каррикатурная природа, которая служитъ теперь предметомъ художнической дѣятельности автора, заслоняетъ собою отъ многихъ даже почитателей Гоголя такія художественныя достоинства его новыхъ твореній, какими исполнены онѣ, въ-слѣдствіе подобнаго понятія объ искусствѣ. Здѣсь мѣсто также замѣтить, что самые жаркіе — подъ часъ неумѣренно-жаркіе — партизаны автора даютъ, обыкновенно, превратное объясненіе его дѣятельности. Послушать ихъ, такъ надо повѣрить, будто Гоголь нарочно рисуетъ все не людей, а отребія человѣчества, что его лица именно на-повалъ все «подлецы», какъ они взаимно титулуютъ себя то́ и дѣло. А между-тѣмъ, если выписаннаго нами мѣста недостаточно для убѣжденія въ противномъ, то предлагаемъ еще небольшую выписку оттуда-же, изъ «Разъѣзда», піесы, которая есть какъ-бы художническое profession de foi автора.

Переслушавъ всевозможные толки въ сѣняхъ театра о своей комедіи, авторъ говоритъ между прочимъ:

.... Смѣхъ значительнѣй и глубже, чѣмъ думаютъ. Не тотъ смѣхъ, который порождается временной раздражительностью, жолчнымъ, болѣзненнымъ расположеніемъ характера; не тотъ также легкій смѣхъ, который весь излетаетъ изъ свѣтлой природы человѣка, излетаетъ изъ нея потому, что на днѣ ея заключонъ вѣчно-бьющійся родникъ его, но *который углубляетъ, заставляетъ выступить ярко то, что проскользануло-бы, безъ проницающей силы котораго мелочь и пустота жизни не испугала-бы такъ человѣка*», и пр.

Просимъ замѣтить, что, сколько ни придано видимой общности всему монологу, откуда взяты приведенные стро-

ки, а все-таки онъ говорится по-поводу «Ревизора», и скрытной основою всему ему служитъ «Ревизоръ», піеса совершенно одинаковаго духа съ тѣмъ вообще родомъ, въ какомъ пишетъ до-селѣ авторъ, съ того времени, какъ изъ малороссійской жизни перешла его дѣятельность на чисто-русскую почву. Не видимъ-ли явно, что Гоголь смотритъ на своихъ героевъ, т. е. и Чичиковыхъ, и Ноздревыхъ, и Маниловыхъ, и пр. отнюдь не какъ на уродовъ человѣчества, но какъ на людей обыкновенныхъ, встрѣчающихся не въ одной русской жизни, только-что въ форму облекаетъ, ихъ, натурально, русскую? Что эта русская ихъ форма очень грязна, о томъ нѣтъ и спора: виновата моложавость русской цивилизаціи, виноватъ, если угодно, авторъ, избравъ для своихъ твореній комическое, которое въ русской жизни предстаетъ неопрятнымъ. Но довольно объ этомъ; поспѣшимъ къ піесамъ Гоголя, взятымъ порознь, и той жалкой судьбѣ, какую испытали онѣ у насъ на сценѣ, въ прошломъ и текущемъ годахъ.

Ровно годъ тому назадъ, какъ появилась въ свѣтъ, со станковъ одной московской типографіи, поэма о Чичиковѣ и подняла въ «россійскихъ» журналахъ такую-же тревогу (да позволятъ намъ это гомерическое сравненіе!), какой надѣлалъ по деревнѣ Коробочки ночной пріѣздъ героя поэмы. Много разныхъ поднялось тогда голосовъ. Одинъ изъ этихъ голосовъ, помнимъ, взялъ даже такую высокую ноту, залился такимъ хвалебнымъ гимномъ, что перещеголялъ самыхъ запальчивыхъ поклонниковъ автора; уничтожилъ, какъ Омаръ въ честь Алкорану, всю библіотеку французской бельлетристики, и на пепелищѣ ея поставилъ новой поэмѣ монументъ «нетлѣннѣе мѣди, aere perennius», въ видѣ худощавенькой и пренадутой брошюры. Припоминаемъ слегка эти обстоятельства для того, чтобы сказать, какъ такой гвалтъ мнѣній и толковъ заронилъ въ кого-то недобрую мысль сдѣлать изъ поэмы комедію «Мертвыя души». Піеса дана была въ Москвѣ, помнится, въ бенефисъ тамошняго актера, г. Самарина, и оттуда, по шоссе, пожаловала на Александринскую сцену, гдѣ тоже представлена въ чей-то бенефисъ, играна потомъ раза

три или четыре, и наконецъ забыта, къ немалому утѣшенію всѣхъ, уважающихъ талантъ автора поэмы.

Къ концу еще того лѣта заговорили о новомъ изданіи сочиненій Гоголя, которое имѣло быть улучшено тѣмъ-то, пополнено этимъ-то, и, между-прочимъ, нѣсколькими драматическими твореніями. Не пришолъ еще къ окончанію трудъ издателей,—выполненный, мимоходомъ сказать, во всѣхъ отношеніяхъ прекрасно,—какъ въ-теченіе нашей осенней зимы или зимней осени сыграна на сценѣ одна изъ новыхъ піесъ собранія: «Женитьба». И снова негодованіе превыше мѣры однихъ, восторги паче должнаго другихъ! Впрочемъ, это было только съ журналистами. Настоящій судья піесы, александринская публика, осталась единодушно-недовольна піесою. Правда, когда въ столбцахъ фельетоновъ тиснулись послѣ перваго представленія отзывы, увлекшіеся въ разныя крайности, мнѣніе публики раздѣлилось, опредѣленность ея суда ослабѣла, и послѣдующія представленія приняты были съ какою-то тѣнью одобренія, однако явно не оттого, что піесу оцѣнили по достоинству. Вмѣсто того, чтобъ говорить подробно наше о ней мнѣніе, выпишемъ опять нѣсколько словъ изъ «Разъѣзда»; — оно и тѣмъ лучше, что покажетъ, какъ далекъ авторъ отъ ослѣпленія самолюбіемъ, и какъ онъ видитъ въ своихъ твореніяхъ нисколько не больше того, что́ они есть на самомъ дѣлѣ.

.... Эта комедія вовсе не картина, а скорѣе фронтиспись. Вы видите—и сцена, и мѣсто дѣйствія идеальныя. Иначе авторъ не сдѣлалъ-бы очевидныхъ погрѣшностей, не вложилъ-бы даже инымъ лицамъ тѣхъ рѣчей, которыя, по свойству своему и по мѣсту, занимаемому лицами, не принадлежатъ имъ,—и пр. и пр.

Опять напоминаемъ, что слова эти относятся собственно къ «Ревизору», могутъ однако быть примѣнены и къ «Женитьбѣ» и къ прочимъ піесамъ, даже, пожалуй, къ самой поэмѣ о Чичиковѣ, съ легкою поправкою. Точно, «Женитьба», если угодно, не картина нравовъ въ ежедневномъ смыслѣ, не вѣрна нисшаго рода дѣйствительности, а можетъ уже скорѣе назваться фронтисписомъ. Но вѣдь не надо забывать, что та дѣйствительность, которой

не вѣрна піеса, есть послѣднее дѣло въ искусствѣ; что художникъ нимало не обязанъ подробно справляться о мелкихъ *обычаяхъ*, когда хочетъ изображать *нравы* народа не какъ статистикъ, а какъ художникъ; что этакъ пришлось-бы для каждой драмы, для каждой повѣсти, романа, искать автору напередъ приличныхъ статей въ «Сводѣ Законовъ» и съ ними сообразоваться. Вотъ еще разительное доказательство, какъ шатки и туманны покуда понятія русской театральной публики, даже отборнѣйшей части *этой* публики, ибо остальная половина ея не нашла и вовсе въ піесѣ ничего, кромѣ достойнаго порицанія. Авторъ зналъ участь, ожидающую его піесы; онъ самъ говоритъ: «Разбирать и складывать такія буквы быстро, читать по-верхамъ и вдругъ, не всякій можетъ. До-тѣхъ поръ-долго будутъ видѣть однѣ буквы».

Самые отъявленные порицатели Гоголя признаютъ много вѣрно и ловко схваченныхъ народныхъ чертъ. Но это говорятъ отъявленные порицатели, слѣдовательно, люди пристрастные, а всякій безпристрастный читатель, кому знакомъ не по одной наружности русскій народъ, не можетъ не сознаться, что авторъ въ своихъ твореніяхъ, какъ не-драматическихъ, такъ и драматическихъ, уловляетъ *живую душу* разныхъ типическихъ образцовъ нашей народности. Посмотрите, напримѣръ, на складъ разговора, на манеру и увертливость русской свахи:

ЯИЧНИЦА. А! вотъ она! А подойди-ка сюда, стáрая грѣховодница! а подойди-ка сюда.

АНУЧКИНЪ. Такъ-то вы обманули меня, Ѳекла Ивановна?

КОЧКАРЕВЪ. Ну-ка ступай Варвара на расправу!

ѲЕКЛА. И ни слова не разберу: оглушили совсѣмъ.

ЯИЧНИЦА. Домъ строенъ въ одинъ кирпичъ, старая подошва, а ты наврала: и съ мезонинами и чортъ-знаетъ съ чѣмъ.

ѲЕКЛА. А не знаю, не я строила. Можетъ-быть, нужно было въ одинъ кирпичъ, оттого такъ и построили.

ЯИЧНИЦА. Да и въ ломбардъ еще заложенъ? черти-бъ тебя съѣли, вѣдьма ты проклятая! *(Притопываетъ ногой).*

ѲЕКЛА. Смотри ты какой! Еще бранится. Иной-бы благодарить сталъ за удовольствіе, что хлопотали объ немъ.

АНУЧКИНЪ. Да, Ѳекла Ивановна, вотъ вы и мнѣ тоже насказали, что она знаетъ по-французски.

ѳекла. Знаетъ, родимый, все знаетъ, и по-нѣмецкому и по-всякому—какіе хочешь манеры—все знаетъ.

анучкинъ. Ну нѣтъ, кажется, она только по-русски и говоритъ.

ѳекла. Что-жъ тутъ худаго? Понятливѣе по-русски, потому и говоритъ по-русски. А кабы умѣла по-басурмански, то тебѣ-же хуже, и самъ-бы не понялъ ничего. Ужъ тутъ нечего толковать про-русскую рѣчь, рѣчь извѣстно какая: всѣ святые говорили по-русски.

Или вотъ это:

кочкаревъ, *(который пришелъ навьстить пріятеля и засталъ у него сваху)*, *вбыая*. Что Подколесинъ?... *(Ѳеклѣ)*. Ты какъ здѣсь? Ахъ, ты!... Ну, послушай, на кой чортъ ты меня женила?

ѳекла. А что-жъ дурнаго? законъ исполнилъ.

кочкаревъ. Законъ исполнилъ! Экъ невидаль жена! Безъ нея-то развѣ я не могъ обойтись?

ѳекла. Да вѣдь ты-жъ самъ присталъ: жени, бабушка да и только.

кочкаревъ. Ахъ ты, крыса старая!... Ну, а здѣсь зачѣмъ? Неужели Подколесинъ хочетъ....

ѳекла. А что-жъ? Богъ благодать послалъ.

Въ сочиненіяхъ Гоголя эта піеса названа «совершенно невѣроятнымъ событіемъ, въ двухъ дѣйствіяхъ» театральная аффиша назвала ее «комедіею въ двухъ дѣйствіяхъ». Если комедію хотите признавать только въ рамахъ Мольеровой комедіи, пьеса не комедія, разумѣется; если согласитесь съ мнѣніемъ автора, которое мы выписали выше, «Женитьба»—комедія. Но ни въ какомъ случаѣ комедія не для современной русской сцены.

Наконецъ, въ апрѣлѣ нынѣшняго года, въ бенефисъ г. Куликова, явилась еще Гоголева піеса «Игроки». Незадолго передъ тѣмъ, играли ее въ Москвѣ, въ бенефисъ славнаго комика Щепкина, и, говорятъ, съ большимъ успѣхомъ. Не мудрено: въ числѣ московской театральной публики есть такіе посѣтители, которые не пошли-бы въ Александринскій театръ; можетъ-быть, это обстоятельство имѣло важное вліяніе на хорошій пріемъ піесы. Какъ-бы то ни было, а у насъ на петербургской сценѣ съ «Игроками» повторилось тоже самое, что прежде было съ «Женитьбою». Только непріязненные отзывы были

иные. «Женитьбу» упрекали въ неестественности ея *басни* для нашихъ обычаевъ, въ излишествѣ ругательствъ между лицами (что́ отчасти и справедливо, хотя вовсе избѣжать ихъ нѣтъ ни возможности, ни надобности); «Игрокамъ» поставили въ вину, что на сценѣ нѣтъ ни одной женщины. Всѣ однако согласны, что *басня* «Игроковъ» не выходитъ изъ предѣловъ дѣйствительности житейской. Въ-самомъ-дѣлѣ, какъ-же обойдтись піесѣ безъ женскихъ ролей? Женскія роли, какъ извѣстно, одно изъ наслажденій деспотовъ-театраловъ нашихъ, и потому должны быть во всякой піесѣ, хоть-бы гдѣ ихъ и вовсе не нужно. Точно, usus tyrannus, употребленіе тиранъ, здѣсь, какъ въ языкѣ.

Если подъ водевилемъ разумѣть не піесу, одушевленную одной мыслью, а изложенный драматически случай ежедневной жизни, то «Игроки» даютъ намъ образцовый, тѣмъ болѣе образцовый, что первый, водевиль изъ чисторусской жизни. И съ какимъ мастерствомъ ведена тутъ *басня*, какъ до самаго конца піесы зритель не угадываетъ развязки! Въ этомъ сознаются самые отчаянные, присяжные русскіе театралы. Что́ за мастерская отдѣлка характеровъ! Не знаемъ, имѣлъ-ли самъ авторъ намѣреніе разыграть піесу на сценѣ. Если имѣлъ, то ошибался, и потому, что «Игроки» не во вкусѣ нашей публики, и потому, что слишкомъ трудны для актеровъ, привыкшихъ къ легкимъ для исполненія ролямъ, какими надѣляютъ ихъ обычные снабдители сцены.

Сказавъ о драматической долѣ сочиненій, разыгранныхъ на театрѣ, переходимъ къ тому, чему еще только угрожаетъ участь попасть на театръ. Тутъ находимъ «Утро дѣловаго человѣка», знакомое еще по Пушкинскому «Современнику», съ небольшой поправкою противъ прежняго; «Тяжбу», «Отрывокъ», «Лакейскую». Общія достоинства піесокъ тѣ-же, какъ и вездѣ у Гоголя; недостатки, которые можно найдти, тѣ-же. Впрочемъ, на-счетъ обыкновенно-указываемыхъ недостатковъ мы выше сказали наше мнѣніе, а если и эти піесы станутъ разыгрывать на театрѣ, гдѣ онѣ конечно также упадутъ, то ужъ вина не автора, который особенно эти вещи писалъ очевидно не

для представленія, а для чтенія. Въ «Лакейской» также нѣсколько непріятно мечется въ глаза излишнее несоблюденіе баснею вѣрности житейскихъ обычаевъ; но оно выкупается типичностью лицъ. Приводимъ небольшой отрывокъ изъ «Тяжбы.» Къ столичному стряпчему является житель отдаленнаго уѣзда, имѣющій тяжебное дѣло. Полюбуйтесь, до какой степени искусно схвачены и переданы всѣ малѣйшія черты и оттѣнки жителя русской глуши, и дѣла, о какомъ онъ тягается.

БУРДЮКОВЪ. Позвольте, сидя не разскажешь. Это дѣло казусное! Знавали-ли въ устюжскомъ уѣздѣ помѣщицу Евдокію Малафѣевну Меринову? не знали,—хорошо. Она доводится родной теткой мнѣ и бестіи, моему брату. У ней ближайшими наслѣдниками я, да братъ—изволите видѣть: вотъ оно куда пошло! Кромѣ того, еще сестра, что̀ вышла за генерала Повалищева; ну, объ этой ни слова, та и безъ того получила слѣдуемую ей часть. Позвольте: вотъ этотъ мошенникъ, братъ, онъ на э̀то хоть чорту въ дядьки годится. Вотъ и подъѣхалъ онъ къ ней: «вы-де, тетушка, уже прожили, слава Богу, семдесятъ лѣтъ; гдѣ уже вамъ въ такихъ преклонныхъ лѣтахъ мѣшаться самимъ въ хозяйство: пусть, лучше, я буду приберегать и кормить». Вона! замѣчайте, замѣчайте! переѣхалъ къ ней въ домъ, живетъ и распоряжается, какъ настоящій хозяинъ. Да вы слышите-ли это?

ПРОЛЕТОВЪ. Слышу.

БУРДЮКОВЪ. То-то, да. Вотъ занемогаетъ тетушка, отчего Богъ—знаетъ, можетъ-быть, онъ самъ и подсунулъ ей чего-нибудь. Мнѣ даютъ уже знать стороною. Замѣчайте! Пріѣзжаю—въ сѣняхъ встрѣчаетъ меня эта бестія, то есть братъ, въ слезахъ, такъ весь и заливается, и растаялъ и говоритъ: «Ну, говоритъ, братецъ, на-вѣки мы несчастны съ тобою: благодѣтельница наша»....—«Что̀, отдала Богу душу?»—«Нѣтъ, при смерти». Я вхожу: и точно, тетушка лежитъ на корачкахъ и только глазами хлопаетъ. Ну, что̀-жъ? плакать?—не поможетъ.... Вѣдь не поможетъ?

ПРОЛЕТОВЪ. Не поможетъ.

БУРДЮКОВЪ. Ну что̀-жъ? нечего дѣлать! такъ, видно, Богу угодно! Я приступилъ поближе. «Ну, говорю, тетушка, мы всѣ смертны, одинъ Богъ, какъ говорятъ, не сегодня, такъ завтра властенъ въ нашей жизни: такъ не угодно-ли вамъ заблаговременно сдѣлать какое-нибудь распоряженіе»? Что̀-жъ тетушка? Я вижу, не можетъ уже языкомъ поворотить, и только сказала «э...э...э...э...» А эта шельма, что̀ стоялъ подлѣ кровати ея, братъ, говоритъ: «Тетушка симъ изъясняетъ, что она уже распорядилась». Слышите, слышите!

ПРОЛЕТОВЪ. Какъ-же; да вѣдь она развѣ сказала это?

БУРДЮКОВЪ. Кой-чортъ сказала! Она сказала только: «э.... э.... э....» Я все подступаю: «Но позвольте-же узнать, тетушка, какое-же это распоряженіе?» Что-жъ тетушка? Тетушка опять отвѣчаетъ: «э....э.. .э....» А тотъ подлецъ опять: «Тетушка говоритъ, что все распоряженіе по этой части находится въ духовномъ завѣщаніи». Слышите? слышите? Что-жъ мнѣ было дѣлать? я замолчалъ—и не сказалъ ни слова.

ПРОЛЕТОВЪ. Однако-жъ позвольте: какъ-же вы не уличили тутъ-же ихъ во лжи?

БУРДЮКОВЪ. Что-жъ? *(Размахиваетъ руками)*. Стали божиться, что она точно все это говорила, ну вѣдь и повѣрилъ.

ПРОЛЕТОВЪ. А духовное завѣщаніе распечатали?

БУРДЮКОВЪ. Распечатали.

ПРОЛЕТОВЪ. Что-жъ.

БУРДЮКОВЪ. А вотъ что. Какъ только все это, какъ слѣдуетъ, христіанскимъ долгомъ было отправлено, я и говорю, что не пора-ли прочесть волю умершей. Братъ ничего и говорить не можетъ: страданья, отчаянья такія, что люли только! «Возьмите, говоритъ, читайте сами». Собрались свидѣтели и прочитали. Какъ-же-бы вы думали было написано завѣщаніе? а вотъ какъ: «Племяннику моему, Павлу Петрову сыну Бурдюкову» слушайте: «въ возмездіе его сыновнихъ попеченій и неотлучнаго себя при мнѣ обрѣтенія до смерти» замѣчайте! замѣчайте! «оставляю во владѣніе родовое и благопріобрѣтенное имѣніе мое въ устюжскомъ уѣздѣ» вона! вона! вона куда пошло! «пятьсотъ ревижскихъ душъ, угодье и прочее» а? слышите-ли вы это? «Племянницѣ моей Маріѣ Петровой дочери Повалищевой, урожденной Бурдюковой, оставляю слѣдующую ей деревню, изо ста душъ. Племяннику»—вона! замѣчайте! Вотъ настоящій типунъ! «Хрисанфію сыну Петрову Бурдюкову» слушайте, слушайте! «на память обо мнѣ» ого! го! «Завѣщаю: три стаметовыя юбки и всю рухлядь, находящуюся въ амбарѣ, какъ-то: пуховика два, посуду фаянсовую, простыни, чепцы,» и тамъ чортъ знаетъ еще какое тряпье! А? какъ вамъ кажется, я спрашиваю: на кой чортъ мнѣ стаметовыя юбки?

ПРОЛЕТОВЪ. Ахъ, онъ мошенникъ этакой! Прошу покорно!

БУРДЮКОВЪ. Мошенничество это—такъ, я съ вами согласенъ; но спрашиваю я васъ, на что мнѣ стаметовыя юбки? что я съ ними буду дѣлать? развѣ себѣ на голову надѣну!

ПРОЛЕТОВЪ. И свидѣтели подписались при этомъ?

БУРДЮКОВЪ. Какъ-же, набралъ какой-то сволочи.

ПРОЛЕТОВЪ. А покойница собственноручно подписалась?

БУРДЮКОВЪ. Вотъ то-то и есть, что подписалась, да чортъ знаетъ какъ!

пролетовъ. Какъ!

бурдюковъ. А вотъ какъ: покойницу звали Евдокія, а она нацарапала такую дрянь, что разобрать нельзя.

пролетовъ. Какъ-такъ?

бурдюковъ. Чортъ знаетъ что такое; ей нужно было написать Евдокія, а она написала: «обмокни».

пролетовъ. Что вы!

бурдюковъ. О, я вамъ скажу, что онъ гораздъ на все: «А племяннику моему Хрисанфію Петрову три стаметовыя юбки».

Дѣло говоритъ само за себя. Въ «Отрывкѣ» и «Лакейской», какъ мы уже упоминали, непріятно поражаютъ читателя анахронизмы въ отношеніи къ общежитію. Черты, мастерски проведенныя порознь, но до того перемѣшанныя въ составѣ цѣлаго, что никакъ нельзя понять, изъ какаго времени, изъ какаго круга общества взяты событія. Въ «Отрывкѣ» однако, сверхъ всего, прекрасна мысль, что мать заставляетъ сына, человѣка уже среднихъ лѣтъ, перемѣнить гражданскую службу, гдѣ онъ прошелъ нѣсколько классовъ, на военную, которую долженъ начать съ юнкерства и къ которой у него нѣтъ ни склонности, ни способности,—заставляетъ потому только, что слышала, какъ при ней одна дѣвушка смѣялась надъ «штатскими». Положимъ нѣсколько преувеличенная, но превосходная черта остатка старой русской патріархальности нравовъ, также какъ Подколесинъ въ «Женитьбѣ» прекрасно олицетворяетъ русскую лѣнь или, скажемъ такъ, дѣлобоязнь, которая откладываетъ вѣчно «до-завтра».

Если «Ревизоръ», «Женитьба», «Игроки», могли быть на сценѣ, каждая піеса образуя собою нѣчто полное, то остальные драматическіе опыты Гоголя никакъ не могутъ быть на ней ужъ и потому, что коротки и отрывочны. Весь-же вообще драматическій запасъ автора прекрасенъ въ чтеніи, и не можетъ имѣть должнаго успѣха на теперешней сценѣ, по причинамъ, о которыхъ говорено выше. Всѣ сочиненія, явившіяся въ свѣтъ, послѣ «Миргорода», послужатъ будущимъ повѣствователямъ, драматургамъ, историкамъ русской жизни, безцѣнными матеріалами, какъ «Бригадиръ» и «Недоросль» Фонвизина, «Ябеда» Капниста, «Горе отъ ума» Грибоѣдова. (*).

* При семъ удобномъ случаѣ предложимъ небольшой со-

Заключимъ рѣчь о Гоголѣ слѣдующимъ замѣчаніемъ. За «Ревизора», за «Женитьбу»—а также и за «Мертвыя души»—кто-то изъ журналистовъ упрекалъ автора между-прочимъ еще тѣмъ, что всѣ эти сюжеты суть ходячіе, давнишніе, избитые анекдоты или побасенки. Справедливо; но отъ этого сочиненіямъ только прибываетъ цѣны. Кто не знаетъ цѣлой кучи подобныхъ анекдотовъ или побасенокъ, давно ходящихъ именно въ томъ кругу общества, откуда Гоголь беретъ свои лица? Побасенки ужасно избиты отъ употребленія. Что-жъ это доказываетъ? Облеченное въ анекдотическую форму сознаніе самой этой массы, что подобная вещь въ духѣ ея жизни. Это миѳы своего рода. И вотъ, художникъ воссоздаетъ всѣ подробности, *какъ оно могло быть*, объясняетъ вамъ этотъ миѳъ, разбиваетъ его раковину, и руки художника вынимаютъ оттуда «перлы созданія», настоящіе перлы въ смыслѣ искусства, сколько-бъ ни тѣшились надъ словомъ «перлы» наши Жюль-Жанены. Вмѣсто насмѣшекъ, лучше-бы пожелать, чтобъ искусство воссоздавало больше и больше подобныхъ побасенокъ: онѣ, если угодно, перлы и для исторіи общества, драгоцѣнные перлы.

Насъ ждетъ иной міръ, современный тому, въ которомъ до-сихъ-поръ вращалась наша мысль, міръ большаго свѣта, служащій почвою поэзіи Лермонтова. И опять

вѣтъ нашимъ талантливымъ рисовальщикамъ, г. Тимму, г. Жуковскому, и пр. Что-бы, пользуясь теперешней страстью публики къ разнаго рода иллюстраціямъ, составить галлерею картинокъ къ сочиненіямъ Гоголя, начавъ хоть съ «Мертвыхъ душъ»? Сколько тутъ приволья для художниковъ, сколько интереса для публики! Собакевичъ напр. въ минуту, когда даетъ расписку Чичикову, прикрывъ одной рукою ассигнаціи; Плюшкинъ, ищущій четвертки бѣлой бумаги; словомъ, на всякомъ шагу поэмы данныя превосходныя. Вѣрно, ни издатель, ни рисовальщикъ не остались-бы въ накладѣ, сдѣлавъ для опыта хоть два-три выпуска такой галлереи. Начинался у насъ подобный опытъ съ Пушкинымъ, но начинался чрезвычайно неловко; это-же и интереса имѣло-бы больше, и для исполненія легче.

міръ также русскій, вполнѣ русскій: вмѣсто всякихъ доводовъ укажемъ на то участіе, на то сочувствіе, какое возбудили въ нашемъ обществѣ герои Лермонтова, его уголъ зрѣнія на жизнь. Простаго здраваго разсудка, безъ лукавыхъ мудрствованій, достаточно, чтобы признать такой доводъ и полнымъ, и неопровержимымъ.

Рано угасъ поэтъ. Наслѣдіе его преимущественно лирическое, но хозяева посмертнаго изданія его сочиненій вызвали изъ портфеля покойнаго автора также драму, опытъ, написанный молодымъ поэтомъ еще въ ранней поэтической молодости, въ 1835 году, когда образъ «Героя нашего времени» только смутно представалъ воображенію автора. Драма эта — «Маскарадъ», напечатанный въ 3-й части «Стихотвореній Лермонтова».

У драмы четыре дѣйствія. Предметъ ея: человѣкъ убиваетъ молоденькую и любимую жену изъ ложной ревности, порожденной одной маскарадной ошибкою. Шекспировъ Отелло дѣлаетъ тоже. Послѣ Гомера не надо писать «Иліады»,—скажутъ, пожалуй, нѣкоторые наши литературные судьи. Между-тѣмъ въ драмѣ вы находите такія данныя, которыя заставляютъ жалѣть, что «Маскарадъ» не былъ передѣланъ, обработанъ его авторомъ впослѣдствіи. Въ томъ-же видѣ, какъ есть драма теперь, она больше интересна именемъ геніяльнаго невысказавшагося вполнѣ поэта, нежели сама-по-себѣ. Думы и образы, волновавшія грудь поэта, то дробившіяся на мелкія лирическія піесы, то пытавшіяся принять широкіе размѣры романа, поэмы; словомъ, та сущность поэзіи Лермонтова, которая достигла у него точнѣйшаго, но все еще неполнаго, опредѣленія въ «Журналѣ Печорина», «Оршѣ», «Сказкѣ для дѣтей», «Демонѣ» и пр. служитъ содержаніемъ и драмы «Маскарадъ». Сдѣлаемъ нѣсколько небольшихъ выписокъ; онѣ яснѣй сами покажутъ дѣло.

Вотъ герой піесы, Арбенинъ, на маскарадномъ балѣ.

АРБЕНИНЪ.

Напрасно я ищу повсюду развлеченья.
Пестрѣетъ и жужжитъ толпа передо мной,
Но сердце холодно и спитъ воображенье:

Они всѣ чужды мнѣ, и я имъ всѣмъ чужой!
(Князь подходитъ, зѣвая.)
Вотъ нынѣшнее поколѣнье,
И то́-ль я былъ въ его лѣта, какъ погляжу?
Что́, князь? не набрели еще на приключенье?

КНЯЗЬ.

Какъ быть, а цѣлый часъ хожу!

АРБЕНИНЪ.

А! вы желаете, чтобъ счастье васъ ловило.
Затѣя новая.... пуститься-бъ надо въ свѣтъ.

КНЯЗЬ.

Всѣ маски глупыя...

Этого-то князя выбрала въ маскарадѣ минутнымъ любовникомъ одна знатная дама, «Діана въ обществѣ, Венера къ маскарадѣ», и на-память дала ему поднятый съ полу, неизвѣстно чей браслетъ, боясь открыть ему себя, подаривши что-нибудь изъ собственныхъ вещицъ. Браслетъ оказался жены Арбенина. Князь, воображая, что маскарадная незнакомка была сама она, влюбляется въ нее; Арбенинъ, на основаніи того-же браслета, подозрѣваетъ жену и отравляетъ. — Вотъ, какъ характеризуютъ князя слова той маски, которая была его таинственной незнакомкой.

КНЯЗЬ.

Ты маска умная, а тратишь много словъ.
Коль знаешь ты меня, скажи, кто я таковъ?

МАСКА.

Ты? безхарактерный, безнравственный, безбожный;
Самолюбивый, злой, но слабый человѣкъ;
Въ тебѣ одномъ весь отразился вѣкъ,
Вѣкъ нынѣшній, блестящій, но ничтожный.
Наполнить хочешь жизнь, а бѣгаешь страстей.
Все хочешь ты имѣть, а жертвовать не знаешь;
Людей безъ гордости и сердца презираешь,
А самъ—игрушка тѣхъ людей.

Узнаете-ли черты, которыя послѣ явились исправленными и пополненными въ портретѣ «Героя нашего времени»? Вотъ и дополнительныя черты. Онѣ здѣсь еще раздѣлены между Арбенинымъ, Княземъ, и игрокомъ Ка-

заринымъ. Арбенинъ воротился поздно ночью изъ маскарада, и ждетъ еще не пріѣхавшей оттуда жены:

Богъ справедливъ! и я теперь едва-ли
Не осужденъ нести печали
За всѣ грѣхи минувшихъ дней.
Бывало, такъ меня чужія жены ждали,
Теперь я жду жены своей....
Въ кругу обманщицъ милыхъ я напрасно
И глупо юность погубилъ;
Любимъ былъ часто пламенно и страстно,
И ни одну изъ нихъ я не любилъ.
Романа не начавъ, я зналъ уже развязку,
И для другихъ сердецъ твердилъ
Слова любви, какъ няня сказку.
И тяжко стало мнѣ, и скучно жить!
И кто-то подалъ мнѣ тогда совѣтъ лукавый:
Жениться.... чтобъ имѣть святое право
Ужъ ровно никого на свѣтѣ не любить.
И я нашелъ жену, покорное созданье.
Она была прекрасна и нѣжна;
Какъ агнецъ Божій на закланье,
Мной къ алтарю приведена....
И вдругъ во мнѣ забытый жаръ проснулся:
Я въ душу мертвую свою
Взглянулъ.... и увидалъ, что я ее люблю
И, стыдно молвить,—ужаснулся!...
Опять мечты, опять любовь
Въ пустой груди бушуютъ на просторѣ.
Изломанный челнокъ, я снова брошенъ въ море:
Вернусь-ли къ пристани я вновь!....

А вотъ и жена, про которую идетъ рѣчь, Нина. Взгляните и скажите, не черты-ль это княжны Мери?

Ахъ, мой Творецъ!...
Да ты всегда не въ-духѣ, смотришь грозно,
И на тебя ничѣмъ не угодишь.
Скучаешь ты со мною розно,
А встрѣтимся — ворчишь.
Скажи мнѣ просто: «Нина,
Кинь свѣтъ, я буду жить съ тобой
И для тебя. Зачѣмъ другой мужчина,
Какой-нибудь бездушный и пустой,
Бульварный франтъ, затянутый въ корсетѣ,

Съ-утра до-вечера тебя встрѣчаетъ въ свѣтѣ,
А я лишь часъ какой-нибудь на дню
Могу сказать тебѣ два слова?»
Скажи мнѣ это—я готова,—
Въ деревнѣ молодость свою я схороню,
Оставлю балы, пышность, моду
И эту скучную свободу.
Скажи лишь просто мнѣ, какъ другу.... Но къ чему
Меня воображеніе умчало?...
Положимъ, ты меня и любишь, но такъ мало,
Что даже не ревнуешь ни къ кому!

Не угодно-ли теперь покороче познакомиться съ таинственной маской, «Венерой въ маскарадѣ», молодой свѣтской женщиной, вдовой, баронессой?

(*Баронесса сидитъ на креслахъ, въ усталости и бросаетъ книгу.*)

Подумаешь: зачѣмъ живемъ мы? для того-ли,
Чтобъ вѣчно угождать на чуждый нравъ
И рабствовать всегда! Жоржъ-Зандъ почти-что правъ.
Что нынѣ женщина? Созданіе безъ воли,
Игрушка для страстей, иль прихотей другихъ!
Имѣя свѣтъ судьей, и безъ защиты въ свѣтѣ,
Она должна таить весь пламень чувствъ своихъ,
Иль удушить ихъ въ полномъ цвѣтѣ.
Что женщина? Ее отъ юности самой
Въ продажу выгодамъ, какъ жертву, убираютъ.
Винятъ въ любви къ себѣ одной,
Любить другихъ не позволяютъ.
Въ груди ея порой бушуетъ страсть;
Боязнь, разсудокъ, мысли гонитъ;
И если какъ-нибудь, забывши свѣта власть,
Она покровъ съ нея уронитъ,
Предастся чувствомъ всей душой—
Тогда прости и счастье и покой!
Свѣтъ тутъ: онъ тайны знать не хочетъ; онъ по виду,
По платью встрѣтитъ честность и порокъ,—
Но не снесетъ приличіямъ обиду,
И въ наказаніяхъ жестокъ!...

Не напоминаетъ-ли баронесса «Вѣру» Печорина? Но довольно выписокъ. Сколько-бъ могъ сдѣлать геній Лермонтова, еслибъ судьба не прервала такъ довременно дни поэта! Изъ писателей русской литературы мы знаемъ до Лермонтова одного Карамзина, для кого кровныя убѣ-

жденія служили духовнымъ содержаніемъ жизни также постоянно, какъ это мелькаетъ въ далеко-недосказавшемъ себя Лермонтовѣ. Самъ Пушкинъ не можетъ похвалиться подобнымъ служеніемъ живой мысли. Это не гипербола: посмотрите пристальнѣе, согласитесь сами.

Докончимъ разборъ драмы выпискою того монолога, откуда выходитъ патетическая развязка піесы:

Послушай, Нина!... я смѣшонъ, конечно,
Тѣмъ, что люблю тебя такъ сильно, безконечно,
Какъ только можетъ человѣкъ любить.
И что́ за диво? у другихъ на свѣтѣ
Надеждъ и цѣлей милліонъ,
У одного богатство есть въ предметѣ,
Другой въ науки погруженъ,
Тотъ добивается чиновъ, крестовъ, иль славы,
Тотъ любитъ общество, забавы,
Тотъ странствуетъ, тому игра волнуетъ кровь....
Я странствовалъ, игралъ, былъ вѣтренъ и трудился,
Постигъ друзей, коварную любовь,
Чиновъ я не хотѣлъ, а славы не добился.
Богатъ, и безъ гроша былъ скукою томимъ.
Вездѣ я видѣлъ зло и, гордый, передъ нимъ
Нигдѣ не преклонился.
Все, что́ осталось мнѣ отъ жизни—это ты:
Созданье слабое, но ангелъ красоты!
Твоя любовь, улыбка, взоръ, дыханье....
Я человѣкъ: пока они мои,
Безъ нихъ нѣтъ у меня ни счастья, ни души,
Ни чувства, ни существованья!
Но если я обманутъ.... если я
Обманутъ.... если на груди моей змѣя
Такъ много дней была согрѣта,—если точно
Я правду отгадалъ.... и, лаской усыпленъ,
Съ другимъ осмѣянъ былъ заочно,—
Послушай, Нина.... я рожденъ
Съ душой кипучею, какъ лава:
Покуда не растопится, тверда
Она какъ камень.... но плоха забава—
Съ ея потокомъ встрѣтиться! Тогда,
Тогда не ожидай прощенья—
Закона я на месть свою не призову,
Но самъ, безъ слезъ и сожалѣнья,
Двѣ наши жизни разорву!

Интересный набросанъ въ «Маскарадѣ» портретъ Шприха, лица, встрѣчающагося въ русскомъ обществѣ. Но, вѣрно, всякій изъ нашихъ читателей если еще не видалъ, то увидитъ самъ драму. Что она не для сцены, ни для нашей, ни для какой, про то нечего и говорить: авторъ не назначалъ ее даже и для печати.

Возвращаемся къ положенію нашей сцены вообще. Справедливость требуетъ, чтобъ отрицая теперешнее ея положеніе, сказали мы, чего-жъ-бы желали и чего надѣемся отъ нея.

Желали-бъ мы многаго. Во-первыхъ уничтоженія на ней передѣланныхъ водевилей. Пора, кажется, вразумиться въ дѣло. Водевиль не можетъ, долго еще не можетъ быть усвоенъ нашему быту: усвоилось французское платье, но вѣдь то—платье. Во Франціи водевиль чисто-народная вещь; тамъ и возникъ онъ изъ народныхъ кукольныхъ театровъ, соперничавшихъ съ высокою комедіею королевской сцены: въ одной изъ ближайшихъ книжекъ «Репертуара и Пантеона» мы представимъ исторію парижскихъ бульварныхъ театровъ; изъ нея увидятъ читатели, до какой степени водевиль свойственъ покамѣстъ одной только Франціи. Одна изъ необходимыхъ принадлежностей водевиля—женщины; но вѣдь положеніе женщины, значеніе ея въ обыкновенномъ быту, у Французовъ далеко иное, чѣмъ покуда у насъ. Кстати сказать мелькомъ, что это одна изъ существенныхъ причинъ недостатка у насъ въ женскихъ сценическихъ дарованіяхъ. Водевиль въ переводѣ, и то хорошемъ,—а хорошіе переводы пока и рѣдки и рѣдко возможны — можетъ быть очень нелишнимъ на сценѣ; но перекроенный, искаженный, онъ нелѣпъ до неслыханности.

Дальше надѣемся мы, что образованность вкуса и понятій разольется по всей массѣ общества столько, чтобъ отъ піесы на сценѣ не требовали занимательности одной *басни*, а умѣли наслаждаться художественной отдѣлкой характеровъ, языкомъ, развитіемъ чувства, страсти. Покамѣстъ, на все это царствуетъ самое горестное безплодіе.

Желали-бъ мы бо́льшей дѣятельности для сцены со стороны литераторовъ: для истинно-хорошихъ вещей на-

шлась-бы, можетъ-статься, и теперь публика, хоть таже самая, которая теперь ѣздитъ исключительно во французскіе спектакли. Тогда-бъ и положеніе русскихъ актеровъ значительно возвысилось; началось-бы совѣстливое изученіе ролей, благородное служеніе своему искусству. Но не литераторовъ или не однихъ литераторовъ вина тутъ: пружинъ двигательныхъ пока такъ мало, и тѣ, которыя есть, такъ слабы....

Много у насъ толкуютъ о народности во всемъ. Слово «народность» слово очень-сбивчивое. Говоря строго, ни литература, ни отрасль литературы, сцена, не могутъ не быть когда-нибудь народными. Въ самыя подражательныя эпохи онѣ бываютъ народны, ибо тогда подражательность есть недугъ народности. Неопредѣленно слово «народность». Разумѣть-ли подъ нею то, что сцена должна брать сюжеты только изъ жизни своего народа? Ограниченіе ея свободы жестокое: вспомнимъ, что сама французская сцена, — а тамъ исторія и современность даетъ во много-кратъ больше нашего средства для подобной народности,—не всегда продовольствуется матеріалами, взятыми съ родной почвы. То-ли разумѣть подъ «народностью», чтобы лица, взятыя изъ иныхъ временъ, изъ иныхъ жизней, были въ существѣ русскія? Было это самое съ французскимъ театромъ семнадцатаго и осьмнадцатаго столѣтія, есть тоже нѣсколько даже съ теперешнимъ; было это съ испанскимъ театромъ, какъ можно видѣть всякому изъ выходящаго теперь въ переводѣ «Испанскаго Театра»; было, правда. Но не забудемъ того, что тѣ народности, французская и испанская, не только имѣли свой рѣзкій цвѣтъ, но еще и всемирно-историческое значеніе: то-ли съ народностью нашею, какою знаемъ ее до сихъ поръ? Отвѣть, разумѣется, отрицательный. Духъ испанскій есть или, точнѣе, былъ по-преимуществу духъ католицизма, феодальной чести и пр.; мудрено-ли, что, читая испанскую драму, любуемся ею, хотя въ ней дѣйствующія лица названы Итальянцами, либо Поляками. И припудренные греческіе герои у Расина не безмысленны: въ свое время эта пудра осыпала Европу. Дальше, не опустимъ безъ вниманія, что Вальтеръ-Скоттовское начало не

существовало еще въ тогдашнемъ искусствѣ; а между-тѣмъ вотъ что говорилъ еще Наполеонъ касательно сюжетовъ иновременныхъ и иноземныхъ: «Чтобы твореніе *Магометъ* (Вольтера) было истинно-достойнымъ французской сцены, нужно, чтобы оно могло быть читано безъ негодованія просвѣщенными людьми въ Константинополѣ, равно какъ и въ Парижѣ». Наполеонъ хорошо понималъ не одно военное искусство!

Народною сцена будетъ всегда, — дышать альпійскимъ или пиринейскимъ воздухомъ нельзя, живя въ Москвѣ или Петербургѣ, — но чтобъ въ ней было больше разумнаго, больше человѣческаго, желаемъ и горячо желаемъ.

Впрочемъ, желать должно, надѣяться можно; а какъ что будетъ, когда что будетъ, покажетъ время, его-же не минуетъ ничто человѣческое.

МУЗЫКАЛЬНАЯ ХРОНИКА ПЕТЕРБУРГА.

РУБИНИ ВЪ «SOMNAMBULA», ВЪ «PURITANI» И ВЪ «PIRATA»—МУЗЫКА БЕЛЛИНИ.

Прежде, нежели приступимъ къ изложенію сужденій нашихъ о пѣніи Рубини въ показанныхъ здѣсь операхъ, бросимъ бѣглый взглядъ на музыку Беллини *.

Лучшія оперы Беллини были на петербургской сценѣ и мы имѣли случай ознакомиться вполнѣ съ его музыкою. Первое мѣсто между его операми должна занимать «Норма» а потомъ «Somnambula», хотя въ той и другой, равно какъ и во всѣхъ своихъ произведеніяхъ, Беллини всегда одинъ и тотъ-же — чрезвычайно однообразенъ и монотоненъ. Въ музыкѣ его нельзя искать ничего, кромѣ элегическаго мотива, который повторяется и растягивается во всѣхъ его операхъ; въ нихъ оказывается совершенный недостатокъ изобрѣтенія, и каковъ-бы ни былъ ихъ сюжетъ, манера его и стиль всегда одинаковы. Онъ даже пользовался однѣми и тѣми-же фразами, нисколько не стараясь измѣнить ихъ. Это значитъ—упо-

* Это можетъ послужить дополненіемъ къ тому, что мы сказали о Беллини, въ 5-й книжкѣ «Репертуара и Пантеона», въ статьѣ о *Рубини*.

треблялъ во-зло право обкрадывать самого себя; что доказываетъ слабость его воображенія—недостатокъ, который вполнѣ обнаружился въ «Пуританахъ». — Между Беллини и Перголези существуетъ странное сходство. Каждый оставилъ по одному творенію, преисполненному, отъ начала до конца, элегіи. Почти пренебрегая наукою и формами своего времени, они, кажется, мало обращали вниманія на обязанность композитора — стараться, сколько возможно лучше, выражать поэзію своихъ мыслей; этотъ избытокъ, это насилованіе чувствъ, какъ-будто истощили ихъ душу, и оба умерли въ цвѣтущихъ лѣтахъ. Норма, въ отношеніи къ сценической музыкѣ нашего времени, почти тоже, что «Stabat» Перголези было въ отношеніи къ духовной музыкѣ XVII-го вѣка.

Произведенія Беллини не представляютъ ни новыхъ фразъ, ни новыхъ музыкальныхъ эффектовъ. Въ нихъ только одно пѣніе, простое, нѣжное, и чувство, переходящее весьма часто въ сантиментальность. Въ музыкѣ его мы не находимъ вовсе того, что называется искусствомъ; даже находимъ мало истиннаго, глубокаго музыкальнаго чувства. У него повсюду являются элегическіе мотивы, въ которыхъ, правда, много грусти, меланхоліи, но много, если не болѣе, чувствительности, сантиментальности; но глубокаго, сильнаго чувства, какъ должно понимать его въ музыкѣ, въ нихъ мало и очень-мало. Вотъ причина, почему музыка Беллини нравится большинству, особенно женщинамъ:—глубокое музыкальное чувство доступно не для всѣхъ. Въ музыкѣ Беллини все движется и дѣйствуетъ по однимъ сердечнымъ впечатлѣніямъ; Маэстро весь предавался этимъ впечатлѣніямъ, не заботясь объ искусствѣ, и потому пѣлъ сердцемъ, безъ участія воображенія и ума. Между-тѣмъ въ произведеніяхъ художествъ вообще, тѣмъ болѣе въ музыкѣ, тогда только проявляется совершенство, тогда только бываетъ истинное творчество, когда въ нихъ дѣйствительно ощущается гармоническая связь ума, чувства и фантазіи. Художникъ, отдающійся вполнѣ однимъ сердечнымъ порывамъ, неумѣющій заключать поэтическія свои идеи въ изящную форму, не есть еще художникъ, въ строгомъ значеніи этого слова.

Онъ можетъ увлечь на минуту, но никогда не потрясетъ васъ, не перенесетъ въ область идеальнаго. Вотъ почему Моцартъ былъ величайшій художникъ, у котораго музыкальное чувство всегда тѣсно соединено съ искусствомъ. Между Беллини и Мейербером существуетъ сходство—отрицательное: одинъ пѣлъ сердцемъ, другой поетъ головою. Тотъ и другой впали въ крайность. Одинъ за избыткомъ чувствительности забывалъ и не заботился объ искусствѣ; у другаго не достаетъ сердечной теплоты. Впрочемъ, если спросятъ у насъ, кого изъ двухъ этихъ композиторовъ мы предпочитаемъ, то, не задумаясь нисколько, мы возмемъ себѣ послѣдняго. И это потому, что въ произведеніяхъ Мейербера есть многія мѣста истинно-вдохновенныя, гдѣ искусство часто является въ въ настоящемъ своемъ значеніи.

Извѣстно, что Беллини всегда и вездѣ плачетъ, нужно-ли то по самому ходу піесы и положенію дѣйствующихъ лицъ: идетъ разсказъ о какомъ-либо произшествіи—Беллини плачетъ; нужно-ли танцовать и веселиться—Беллини плачетъ.... Словомъ, Беллини плачетъ и плачетъ безпрестанно. слѣдствіе такой его манеры очевидно: музыка его, если только собраніе альбомныхъ мотивовъ можно назвать музыкою, является чрезвычайно-однообразною, монотонною, и тѣмъ-болѣе, что онъ вовсе не заботился объ изобрѣтеніи, объ инструментовкѣ, дабы въ лучшей и разнообразнѣйшей формѣ представить свои поэтическія идеи. Всегда и вездѣ одна элегія и элегія, воля ваша, господа партизаны Беллиніевщины—скучно!

Вообще италіянскіе композиторы обладаютъ неоспоримымъ преимуществомъ—доставлять голосамъ самое эффектное пѣніе. Легкость основы позволяетъ имъ жертвовать побочными частями совершенству главныхъ линій ихъ картинъ. Слѣдовательно, неудивительно, если музыка Беллини представляетъ хорошія партіи для пѣнія. Всѣ оперы Беллини написаны по обычаю итальянскихъ оперъ и суть не что-иное, какъ безпрерывные, чувствительные концерты голосовъ, коимъ подчинено все, даже дѣйствіе, которое прерывается въ наиболѣе драматическихъ мѣстахъ, чтобы только пропѣть нѣжный или слад-

кій мотивъ, повторяемый столько разъ, сколько въ операѣ дѣйствующихъ лицъ. Во все продолженіе этихъ нескончаемыхъ andante и adagio, хоры, которыхъ очень много, особенно въ «Сомнамбулѣ» и «Пуританахъ», стоятъ въ отдаленіи, почтительно дожидаясь минуты, когда имъ позволено будетъ принять участіе въ дѣйствіи и когда каждый изъ героевъ оперы, находящійся на сценѣ, окончитъ свой куплетъ близъ рампы. Въ эту минуту, даже самые актеры забываютъ свой гнѣвъ или вражду, словомъ то чувство, которое за нѣсколько минутъ предъ тѣмъ занимало ихъ, и слушаютъ, какъ каждый изъ нихъ, по очереди, поетъ одинъ и тотъ-же мелодическій мотивъ, подобно людямъ, которые во всемъ совершенно-согласны между собою. Иной подумаетъ, что какой-нибудь невидимый духъ или божество мира и согласія внезапно охладило всѣ эти страсти, которыя за минуту предъ-тѣмъ выражались еще съ такою силою. — Какая-же всему этому причина? Безъ сомнѣнія та, что для Итальянцевъ драма или дѣйствіе есть только необходимое условіе, безъ котораго не можетъ быть лирическаго сочиненія, и что настоящая ихъ цѣль—этотъ прекрасный концертъ голосовъ, который они хотятъ слушать безпрестанно. Геніальный Россини произвелъ совершенный переворотъ въ итальянской музыкѣ, но не сдѣлалъ никакого измѣненія въ этомъ обычаѣ; напротивъ-того, онъ еще болѣе другихъ размножилъ эти ненатуральныя и усиленныя положенія, чтобы имѣть больше случаевъ угождать вкусу своихъ соотечественниковъ. Вотъ причина, почему великаго его произведенія—«Вильгельма Теля», Итальянцы не умѣли оцѣнить. Это понятно: въ операѣ этой пезаррскій маэстро наименѣе пожертвовалъ вкусу итальянскихъ меломановъ и наименѣе, или почти вовсе, не придерживался той системы, которою онъ руководимъ былъ при сочиненіи оперъ своихъ для итальянскихъ театровъ.

Беллини, во всѣхъ произведеніяхъ своихъ, вполнѣ слѣдовалъ укоренѣлой въ Италіи системѣ, и тѣмъ-болѣе потому, что въ немъ вообще замѣтенъ недостатокъ драматическаго таланта. Онъ только ввелъ болѣе про-

стоты въ пѣніи и въ то-же время заимствовалъ нѣсколько формъ изъ французской музыки. Но онъ, какъ и всѣ послѣдователи и подражатели, отстоитъ отъ Россини на неизмѣримое разстояніе. Музыкальныя идеи его, въ отношеніи къ музыкѣ пезаррскаго маэстро, слишкомъ бѣдны и ничтожны. Притомъ-же онъ плохо зналъ основанія композиціи и оркестръ, и при сочиненіи своихъ оперъ былъ руководимъ только природнымъ инстинктомъ, предаваясь, безъ всякаго разбора, всѣмъ злоупотребленіямъ оркестра Россини.

Все, что́ написалъ Беллини—это «Норма».—Что́-же такое эта «Норма», которою такъ много восхищались и восхищаются? Можетъ-быть, вы думаете найдти ту вдохновенную жрицу дикихъ Галловъ, которая вѣщала своимъ соотечественникамъ грядущіе дни благополучія или страшную невзгоду, борьбу съ Римлянами и т. п.? Можетъ-быть, вы ожидаете олицетворенія музыкою той женщины, которая такъ высоко благородна въ борьбѣ между долгомъ, мщеніемъ, и любовью къ дѣтямъ и неблагодарному Поліону,—наконецъ, въ которой является столько великодушія и самоотверженія, что она неминуемо должна пасть подъ ударомъ неотразимой судьбы? — Нѣтъ, вмѣсто этой Нормы, вы видите итальянскую примадонну, которая разсыпается въ плаксивыхъ и вычурныхъ романсахъ и куплетахъ! — Можетъ-быть, вы ждете, что звуками будетъ обрисованъ характеръ древнихъ Галловъ, что они явятся неукротимыми и дикими, какъ природа, среди которой они жили? Ничуть не бывало! Предъ глаза ваши предстаетъ стройная толпа итальянскихъ хористовъ, которые поютъ романсъ на кадрильный мотивъ! Какъ, и только, восклицаете вы? Да, и только! Вы спрашиваете, гдѣ-же искусство, гдѣ-же драма? И Боже мой, это такой вопросъ, на который, обыкновенно, итальянскіе maestri отвѣчаютъ вамъ улыбкою: они до-сихъ-поръ не подозрѣваютъ, что можетъ существовать подобный вопросъ и что есть какая-то другая музыкально-сценическая драма, кромѣ такъ называемыхъ opera-seria и opera buffa!—Въ «Нормѣ» господинъ Беллини, этотъ сочинитель музыкальныхъ вздоховъ и нѣжныхъ кабалетъ,

похожъ болѣе на мальчика, который съ намазанными усами и деревянною саблею въ рукахъ, думаетъ устрашить всѣхъ. Настоящій родъ Беллини—это «Сомнамбула»: въ этомъ родѣ сноснѣе отсутствіе изобрѣтенія и драматическаго таланта; а притомъ легче сочинять подъ туфлею примадонны или подъ кулакомъ il primo uomo, какъ обыкновенно пишутъ нынѣшніе итальянскіе maestri divini, которые отказались отъ всякаго другаго вдохновенія. Въ «Нормѣ» Беллини самъ-не-свой; ему хочется произвесть сильное, выразительное пѣніе, а подъ перомъ его является нѣжный вычурный романсъ; плохо-знакомый съ оркестромъ, онъ не понимаетъ сильнаго удара безъ барабана, треугольника и тарелокъ. Въ этой оперѣ, всѣ показанные здѣсь варварскіе инструменты разсыпаны щедрою рукою;—на ихъ попеченіе возложена вся энергія оперы, между-тѣмъ, какъ вся вообще инструментовка изъ-рукъ-вонъ слаба. Тоже самое въ «Сомнамбулѣ», «Пуританахъ» и во всѣхъ операхъ Беллини.—Наконецъ есть что-нибудь въ Нормѣ? Есть: все произведеніе отъ начала до конца, какъ мы сказали выше, проникнуто грустію и потому наводитъ рѣшительную скуку; слѣдствіе впрочемъ неизбѣжное и отъ всѣхъ другихъ его оперъ!

И вотъ наконецъ, что-же мы находимъ во всей музыкѣ Беллини? Ни одного произведенія, которое можно было-бы отнести къ произведеніямъ искусства. Нѣжныя, заунывныя аріи, сантиментальные дуэтцы и иподной порядочной хорной пьесы, иподного финала. Въ-самомъ-дѣлѣ, что такое Беллинивскіе хоры, какъ не тѣ-же вычурные романсы на нѣсколько голосовъ! Что такое его финалы, наприм. въ «Сомнамбулѣ» и Нормѣ»?—Нескончаемые дуэты сопрано и тенора, въ которыхъ всѣ прочіе голоса только сопровождаютъ главную тему, въ видѣ какой-то ничтожной накладки (накладной гармоніи—harmonie plaquée),—то-есть, написаны по той легкой системѣ, которая вообще въ новѣйшей италіянской музыкѣ есть господствующая для сочиненія финаловъ и хоровъ. Да, Беллини такъ плохо зналъ оркестръ и основанія композиціи, что не въ состояніи былъ написать ни одного настоящаго финала. А это потому, что при составленіи

какой-нибудь хорной піесы вообще, кромѣ изобрѣтенія, требуется знаніе инструментовки, много соображенія въ расположеніи голосовъ, въ сочетаніи ихъ съ оркестромъ, чтобы изъ этого могли выходить противуположныя дѣйствія.—Разберите любой финалъ Беллини и вы не найдете тамъ ничего, кромѣ общихъ мѣстъ и нѣжнаго сантиментальнаго мотива, который повторяется безчисленное число разъ. — Изъ всего этого видно, что Беллини самый слабый инструментистъ. Въ этомъ отношеніи извѣстный музыкальный подрядчикъ—Доницзетти передъ нимъ просто Титанъ....

Вотъ наше общее мнѣніе о музыкѣ Беллини. Теперь обратимся, по порядку, къ «Сомнамбулѣ». Въ оперѣ этой двѣ главныхъ партіи—Эльвина и Амины и третья графа Рудольфа, который поетъ одну только нѣжную аріэту (cari luoghi). Въ первомъ дѣйствіи замѣчателенъ дуэтъ Амины и Эльвина, по простотѣ и наивности своего andante, и финалъ, въ которомъ пѣніе Эльвина и Амины довольно-трогательно и эффектно. Во второмъ—арія Эльвина дышетъ свѣжестью и прелестью своего мотива. Речитативъ и арія Амины тоже заслуживаютъ вниманіе. Затѣмъ все прочее растянуто, скучно и наводитъ сонъ. Вообще музыка этой оперы отзывается чрезъ-чуръ уже какою-то сладковатостію, даже до приторности.

Рубини (Эльвино) пѣлъ прекрасно, какъ иначе и быть не могло. Партія его невелика, не утомляетъ его; пѣніе, по бо́льшей части, состоитъ изъ adagio и andante, а извѣстно, что гдѣ коснется до этого, то Рубини всегда почти превосходенъ и всегда великій пѣвецъ.—Вообще можно сказать, что музыка Беллини, равно какъ и Доницзетти, наиболѣе сообразна съ природою голоса Рубини и его организаціею. Особенно, кажется, Беллини и Рубини созданы другъ для друга, почему послѣдній всегда увлекалъ своимъ пѣніемъ въ операхъ, каковы: «Сомнамбула», «Пуритане» и «Пиратъ». Партія перваго тенора въ операхъ Россини: «Елизавета», «Отелло», «Армида», «Моисей», «Зельмира», — не для Рубини. Безъ сомнѣнія въ этихъ операхъ онъ былъ хорошъ въ отдѣльныхъ мѣстахъ; но въ цѣломъ никогда не отличался. Всѣ эти партіи написаны

для великаго пѣвца тенора *Ноцарри*; въ операхъ сихъ былъ великъ также незабвенный *Гарсіа*. Партія тенора въ «Вильгельмѣ Телѣ» Россини также не для Рубини; въ этой оперѣ отличались Нурри, потомъ Дюпре. Изъ Россиніевскихъ оперъ Рубини былъ прекрасенъ вполнѣ только въ «Танкредѣ» въ «Gazza-ladra», въ «Ченерентолѣ», «Donna del' lago», и проч.

Партія Амины написана для незабвенной, драматической пѣвицы Пасты, которая, и на зарѣ своего таланта была еще такъ увлекательна, а потому не удивительно, что партія эта заключаетъ въ себѣ большія трудности, которыя для нашей Семеновой во многихъ мѣстахъ были подводными камнями. Отъ Семеновой удовлетворительнаго исполненія партіи Амины и требовать нельзя.—Она еще пѣвица молодая и ей надобно работать много и много. Голосъ ея хорошъ въ низкихъ звукахъ, не имѣетъ твердости и полноты въ верхней октавѣ. Этого мало, верхніе звуки ея голоса зѣло крикливы, невѣрны и невыработаны; притомъ ей надобно стараться, какъ можно рѣже переводить дыханіе. За-всѣмъ-тѣмъ нѣкоторыя мѣста она пропѣла весьма недурно, съ стараніемъ, даже съ чувствомъ.

Петровъ (Рудольфъ) пропѣлъ свою арію хорошо; только намъ показалось, что онъ исполнилъ ноты этой аріи, а не передалъ той нѣжности и того чувства, какія заключаетъ въ себѣ музыка этой піесы.

Хоры шли недурно, исключая первый хоръ въ 1-мъ дѣйствіи, въ которомъ замѣтна была большая разладица между голосами и оркестромъ.

Сцену и арію изъ «Marino Faliero», Рубини исполнилъ превосходно. И тутъ нѣтъ ничего удивительнаго. Арія эта написана собственно для него, слѣдовательно господинъ Доницетти позаботился собрать въ одинъ фокусъ всѣ тѣ положенія, которыя составляютъ наилучшую сторону средствъ и искусства Рубини. Арію эту мы слышали нѣсколько разъ въ концертахъ, и вотъ что значитъ недостатокъ музыкальнаго достоинства этой піесы: она хороша потому только, что поетъ ее Рубини, но за-всѣмъ тѣмъ, какъ-бы выразиться, чтобы не раздразнить гусей,—

по-просту говоря, арія эта намъ надоѣла. Вотъ еслибы синьоръ Рубини, въ-замѣнъ этой аріи, спѣлъ, наприм. арію съ хоромъ изъ 4-го акта «Вильгельма Телля» (asile hereditaire), тогда мы сказали-бы ему большое спасибо. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что этою аріею Рубини произвелъ-бы, можетъ-быть, еще бо́льшій фуроръ, чѣмъ аріею изъ «Faliero», которую онъ, безспорно, поетъ чудесно; но привсемъ томъ, въ ней нѣтъ ничего особеннаго въ музыкальномъ отношеніи и она уже прислушалась. Мы не Италіянцы, которые будутъ восхищаться сряду нѣсколько мѣсяцовъ одною и тою-же піесою, потому только, что она хорошо поется;—мы потребуемъ и прекраснаго исполненія, и прекрасной музыки.

Пуритане есть послѣдняя опера Беллини и написана имъ (1834 г.) въ то время, когда онъ совершенно истощился. Здѣсь на каждомъ шагу только и слышны мотивы изъ «Нормы», «Сомнамбулы», «Капулеттовъ», которые повторяются безчисленное число разъ и безъ малѣйшей обработки. Почти все въ этой оперѣ, не-смотря на то, что она была сокращена цѣлою третью, неимовѣрно какъ растянуто и утомительно. Публика ожидаетъ чего-то и похожа на путника, который застигнутъ зноемъ въ Африканской степи и томимъ жаждою. Проходитъ все первое дѣйствіе, а публика все еще ждетъ. Почему и не удивительно, что дуэтъ Георга и Ричарда (Петровъ и Артемовскій) произвелъ едва-ли не сильнѣйшее впечатлѣніе во всей оперѣ, тѣмъ болѣе, что дуэтъ этотъ былъ исполненъ прекрасно; притомъ здѣсь въ самой музыкѣ есть характеръ, много истины и соотвѣтствія сценѣ и положенію дѣйствующихъ лицъ. Въ оперѣ до того несносной, какъ Пуритане, дуэтъ этотъ составилъ какъ-бы оазисъ въ пустынѣ, и публика бросилась на него съ жадностью. Все прочее въ этой оперѣ такъ скучно, такъ обыкновенно, даже до пошлости, не исключая аріэты и куплетовъ самого Артура, что и пѣніе Рубини не могло вознаградить насъ за то терпѣніе, съ какимъ мы должны были выслушивать столь-ничтожную музыку. Если-бы въ оперѣ было, по-крайней-мѣрѣ, побольше пѣнья для Рубини, тогда еще можно-бы помириться; а то все его пѣніе огра-

ничивалось одною аріэттою, двумя, тремя куплетами, дуэтомъ съ Эльвирою и прочими незначительными мѣстами. Словомъ, казалось, что Рубини пѣть нечего.

Партію Артура пѣлъ Рубини. Аріэту и куплеты въ финалѣ послѣдняго дѣйствія онъ исполнилъ прекрасно. Въ квартетѣ 1-го дѣйствія многіе пассажи его пѣнія вовсе не были слышны; его sotto voce замирало на сценѣ. Въ сценѣ съ Ричардомъ, когда послѣдній вызываетъ его на бой, намъ показалось, что Рубини пѣлъ безъ должнаго выраженія и воодушевленія, какихъ требовалъ этотъ отрывокъ. Дуэтъ съ Эльвирою шелъ дурно, разумѣется, не отъ Рубини, который исполнялъ свое дѣло съ достоинствомъ, свойственнымъ великому пѣвцу, а отъ того, что съ нимъ пѣла г-жа Соловьева,—соединеніе самое неудачное.—Впрочемъ, все пѣніе Рубини въ этой оперѣ не представляетъ ничего особеннаго, поразительнаго и есть какъбы продолженіе одной и той-же варіаціи на нескончаемую элегическую тему. Кто слышалъ Рубини въ «Лючіи» и «Сомнамбулѣ», тому нѣтъ особенной причины слушать его въ «Пуританахъ», потому-что это все одно и тоже.

Приносимъ большое спасибо Петрову и Артемовскому (Георгъ и Ричардъ). Оба исполнили свое дѣло весьма удовлетворительно. Дуэтъ они пропѣли съ воодушевленіемъ, съ силою, даже съ энергіею, какихъ требовала эта музыка по своему характеру,—словомъ прекрасно, и публика не осталась передъ ними въ долгу, она даже желала повторенія дуэта. Что́ касается до аріи Ричарда въ 1-мъ дѣйствіи, то Артемовскій исполнилъ ее не совсѣмъ удачно. Оставалось желать многаго, и особенно побольше движенія и чувства.

Главная партія въ оперѣ—Эльвиры, роль которой занимала г-жа Соловьева.—Еще до объявленія о представленіи «Пуританъ», мы интересовались знать, какая пѣвица будетъ исполнять партію Эльвиры, большую, трудную, написанную для Гризи, а между-тѣмъ насъ брало раздумье, что, если партія эта будетъ отдана г-жѣ Соловьевой, тогда, по извѣстности уже ея репутаціи, какъ отличной пѣвицы и воспитанницы парижской Консерваторіи,—просто, хоть не ходи слушать «Пуританъ». Представьте-же,

наше отчаянное положеніе, когда мы прочли на аффишѣ: *Эльвира—г-жа Соловьева*! Мы пришли въ оперу съ какимъ-то унынiемъ, и предубѣжденіе наше на-счетъ г-жи Соловьевой вполнѣ оправдалось. Горе было намъ и горе слушателямъ отъ фальшиваго ея пѣнія, которое продолжалось въ теченіе всей оперы. Въ дуэтѣ съ Рубини, она его заглушала, не умѣя уравнивать своего пѣнія. Боже мой! неужели пѣніе г-жи Соловьевой можно назвать пѣніемъ? Едва-ли! Что за голосъ, что за манера рвать пѣніе на клочки, не умѣть исполнить въ концепціи, не только ни одного музыкальнаго періода, но даже ни одной фразы, чтобы не перевесть дыханія или не сдѣлать какого-либо украшенія? Притомъ-же, что за вскрикиванья предъ каждымъ, сколько-нибудь сильнымъ пассажемъ! Когда-то, давно уже, у этой пѣвицы была изрядная рулада. Теперь, отъ неупражненія, она лишилась почти совершенно и этого своего качества. Словомъ, партія Эльвиры, вмѣсто главной въ оперѣ, сдѣлалась самою худшею, даже нестерпимою, для имѣющаго мало-мальски нѣжное ухо.

Наконецъ мы слышали Рубини въ «Пиратѣ», о которомъ, когда-то, такъ много кричали Италіянцы.... Дѣйствительно, въ этой оперѣ Рубини вообще прекрасенъ; особенно съ неподражаемымъ искусствомъ спѣлъ онъ послѣднюю свою арію. Что касается до прочихъ пѣвцовъ и пѣвицъ, то они исполняли свое дѣло весьма-неудачно, чтобы не сказать плохо. Напримѣръ, г-жа Нейрейтеръ, партія которой есть важнѣйшая въ оперѣ, своимъ пѣніемъ только мѣшала Рубини. Пѣніе ея было слишкомъ неудовлетворительно, и, просто, рождало смѣхъ и жалость. Болѣе мы не намѣрены распространяться о качествахъ этой пѣвицы, потому-что, право, не изъ чего хлопотать: горбатыхъ и хромыхъ—одна только могила выправляетъ.

Музыка «Пирата», за исключеніемъ двухъ, трехъ изрядныхъ мотивовъ, до необыкновенной степени слаба. Здѣсь, кажется, въ особенности Беллини показалъ свою страсть барабанить и рѣзать уши звуками трубъ, тромбоновъ и всей этой тяжелой артиллеріей оркестра. Въ ушахъ нашихъ, даже на другой день, раздавались нестерпимые

звуки этой музыкальной ереси. Словомъ, сюжетъ «Пирата» былъ вовсе не по-силамъ Беллини и потому изъ этого ничего не вышло, рѣшительно ничего, кромѣ безтолковаго стуку, грому, шуму,—неизвѣстно для какой причины!...

Общее наше заключеніе о Рубини дѣлаемъ слѣдующее. Рубини, дѣйствительно, превосходный пѣвецъ, но только въ легкой музыкѣ, какова музыка Беллини и Донидзетти, при томъ преимущественно въ элегическомъ родѣ. Наиболѣе онъ былъ прекрасенъ въ «Лючіи», потомъ въ «Сомнамбулѣ». Такъ-какъ родъ элегической музыки самъ по-себѣ монотоненъ, то, весьма-естественно, что и Рубини, въ пѣніи своемъ, впадаетъ въ нѣкоторое однообразіе. Слушая его послѣ «Лючіи», въ «Сомнамбулѣ», «Пуританахъ» и «Пиратѣ», все кажется, что онъ поетъ послѣднюю арію изъ «Лючіи», то-есть плачетъ и умираетъ. А что̀ правда, то̀ правда,—Рубини великій мастеръ плакать и умирать. Въ важныхъ операхъ Россини, каковы: «Моисей», «Зельмира», «Магометъ» и «Вильгельмъ-Тель»,— не говорю уже объ операхъ Моцарта, — Рубини едва-ли произвелъ-бы своимъ пѣніемъ такое впечатлѣніе и былъ-бы такъ прекрасенъ, какъ въ «Сомнамбулѣ» и особенно въ «Лючіи; — доказательствомъ этого можетъ служить «Отелло», въ которомъ онъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, былъ дѣйствительно-хорошъ, за-то во всемъ прочемъ мы его не слыхали. Слѣдовательно, о Рубини можно сказать тоже, что нѣкогда сказала *Каталани* о *Зонтагъ*,—что она *великая пѣвица въ своемъ родѣ, но только родъ ея малъ*. Точно тоже и Рубини, по-крайней-мѣрѣ, сколько можно судить по всей той музыкѣ, какую онъ исполнялъ.— Истинно и неоспоримо, что всякій великій пѣвецъ, для публики, которая его не слыхала, непремѣнно будетъ исполнять ту музыку, въ которой онъ отличается. И вотъ причина, почему Рубини пѣлъ преимущественно музыку Беллини и Донидзетти, въ которой онъ болѣе или менѣе всегда прекрасенъ. — Мы ничего не скажемъ о Рубини какъ объ актерѣ, потому-что онъ, какъ актеръ, далеко не то̀, что̀ — пѣвецъ.

За-всѣмъ-тѣмъ, мы не можемъ кончить, чтобы не сказать, что Рубини, пѣніемъ своимъ, доставилъ намъ

высокое удовольствіе и что пребываніе его у насъ весьма и весьма полезно,—въ тысячу разъ полезнѣе, нежели какого-нибудь нѣмецкаго крикуна. — И это по многимъ причинамъ. Въ особенности потому, что Рубини, по своей методѣ, по своему знанію музыки, можетъ служить прекраснѣйшимъ образцомъ для нашихъ пѣвцовъ, въ томъ отношеніи, что́ значитъ истинное пѣніе. Наконецъ по тому вліянію, какое можетъ имѣть его пѣніе на образованіе вкуса публики, которая должна-же, волею или неволею, понять, что настоящее пѣніе не есть крикъ и завываніе, какъ это обыкновенно слышится у нѣмецкихъ пѣвцовъ,—слѣдовательно, перестанетъ восхищаться тѣми пѣвцами, которые только и умѣютъ поддержать свою репутацію силою голоса, нисколько не помышляя, что сила голоса не составляетъ еще всего. Безспорно, чтобы быть пѣвцомъ надобно имѣть голосъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ надобно умѣть владѣть голосомъ. Безъ послѣдняго условія пѣвецъ не можетъ назваться пѣвцомъ, въ настоящемъ значеніи этого слова.

С. К.

СМѢСЬ.

ПѢНКОВАЯ ТРУБКА ИЛИ ЛИСТЪ ВЪ ПРОВИНЦІИ.

(Невымышленный анекдотъ.)

Погода была самая ненастная. Дождь не каплями, а цѣлыми потоками косвенно перерѣзывалъ воздухъ. Лифляндскій корбвагенъ, запряженный парой усталыхъ измученныхъ лошадей, вязъ въ иловатыхъ лужахъ, образовавшихся по дорогѣ.

Въ корбвагенѣ, на чемоданахъ, покрытыхъ соломой, сидѣли, или лучше сказать, лежали, двое молодыхъ людей, закутавшихся въ сѣрыя камлотовыя шинели. У одного изъ нихъ изъ подъ шинели выглядывала огромная, дымившаяся пѣнковая трубка въ серебряной оправѣ и покрытая лайковымъ чахломъ.

— Далеко-ли еще до В*? спросилъ другой молодой человѣкъ, распахнувъ нѣсколько шинель и обративъ къ ямщику свѣжее лицо, исполненное кротости и добродушія.

— Вонъ тамъ за лѣсомъ; видите шпиль церкви?... отвѣчалъ постknехтъ (ямщикъ), указывая кнутомъ на чорный сосновый лѣсъ, изъ-за котораго едва виднѣлся, сквозь дождевой туманъ, шпиль колокольни.

— А не знаешь-ли мызу Тоскель? продолжалъ тотъ-же молодой человѣкъ.

— Какъ же! мы сейчасъ мимо нея поѣдемъ. Да вонъ она! видите жолтенькій домикъ, съ черепичной кровлей?

— Поѣзжай-же скорѣе! Да остановись у мызы. Францъ, продолжалъ молодой человѣкъ, обратившись къ курившему товарищу своему: ты поѣзжай въ городъ и жди меня въ гостинницѣ, я пробуду у пріятеля своего не долго. Не забудь, что намъ надобно сегодня-же ѣхать далѣе....

— Хорошо, хорошо, отвѣчалъ курившій не шевелясь: ты можешь и не торопиться, потому-что мнѣ надобно-же отдохнуть, да согрѣться... Только смотри, не забудь звонкихъ, металлическихъ кружковъ!

Корбвагенъ остановился у мызы. Молодой человѣкъ вышелъ и простился съ пріятелемъ, который, полчаса спустя, подъѣхалъ къ гостинницѣ, находившейся на углу главной улицы въ B* и красовавшейся чорной вывѣской, на которой разноцвѣтными буквами написано было: Gasthaus von Strohm. Разсчитавшись съ ямщикомъ, молодой человѣкъ, котораго звали *Францомъ*, вошелъ въ общую залу гостинницы, гдѣ безъ церемоніи повѣсилъ на уголъ двери шинель, подъ которой крупныя капли воды образовали вскорѣ порядочную лужу.

Францъ былъ невысокъ ростомъ, чрезвычайно-худощавъ; блѣдное лицо его обрамливалось густыми, длинными волосами, спускавшимися до самыхъ плечъ. Во всѣхъ движеніяхъ его проявлялась какая-то беззаботная веселость, а потому, забывъ всѣ непріятности дороги, онъ подошелъ къ печкѣ, выколотилъ трубку, неразлучнаго товарища своего, и наложивъ новую изъ кожанаго кисета, прицѣпленнаго къ одной изъ пуговицъ сюртука его, приказалъ подать себѣ пунщу.

Подсѣвъ къ окну и медленно прихлебывая горячительнаго напитка, онъ глядѣлъ въ окно, на пустую улицу, на чистую мостовую которой потоками струилась изъ трубъ вода.

Между-тѣмъ, въ другой комнатѣ, шумный разговоръ нѣсколькихъ молодыхъ людей прерывался рѣзкимъ звукомъ удара кія о костяной шаръ. Вдругъ тамъ наступило молчаніе.... кій еще разъ ударился о шаръ и громкіе крики раздались:

— Проигралъ!

— Выигралъ!

— Ловко сыграно!

— Шампанскаго сюда!

При послѣднихъ словахъ Францъ невольно вздрогнулъ.

— Какъ! подумалъ онъ: здѣсь, въ этомъ захолустьѣ, водится шампанское! этотъ нектаръ!... это.... это.... Размышленія его окончились восклицаніемъ, съ которымъ онъ обратился къ хозяину:

— Шампанскаго сюда!

Шипучее было подано. Послѣ первой рюмки пробудился аппетитъ Франца и онъ велѣлъ подать себѣ обѣдъ.

Въ какомъ-то сладостномъ полузабвеніи сидѣлъ нашъ молодой человѣкъ на старомъ кожаномъ диванѣ, передъ которымъ на столѣ покоились остатки сытнаго обѣда и недопитая рюмка шампанскаго. Все было забыто; дорога, дождь, пустота кошелька, отсутствующій товарищъ.... даже товарищъ, который уже нѣсколько минутъ стоялъ неподвиженъ на порогѣ и съ высочайшимъ изумленіемъ смотрѣлъ на друга.

— Послушай, Францъ! что ты дѣлаешь? произнесъ онъ наконецъ, подойдя къ дивану.

— А, это ты Генрихъ! Опоздалъ, братецъ, опоздалъ! Ничего не осталось.... ха! ха! ха!

— Да, помилуй! Чѣмъ мы заплатимъ за это? Вѣдь ты знаешь, что у насъ едва достанетъ на дорогу до Риги!... А кто нашему брату студенту повѣритъ въ долгъ?

— Фи! въ долгъ!... Какъ тебѣ не стыдно; кто станетъ дѣлать долги, когда карманы набиты деньгами? Ты, я чай, получилъ порядочную сумму отъ пріятеля своего, мызника? Выпьемъ-же еще бутылочку, да закуси чего нибудь.

— А! вотъ на что ты надѣялся. Пріятель мой уѣхалъ вчера со всѣмъ семействомъ въ Ригу!...

— Какъ это глупо! Ему-бы слѣдовало ѣхать завтра; впрочемъ не бѣда! Съ досады я велю подать двѣ бутылки шампанскаго!

— Помилуй! Да у насъ не достанетъ денегъ, чтобы заплатить и за одну!...

Генрихъ думалъ, что это извѣстіе поразитъ Франца; однако послѣдній засмѣялся громче прежнаго и запѣлъ:

«Злато, мечтанье пустое!»

— Слѣдовательно, продолжалъ онъ речитативомъ, хозяинъ отъ насъ денегъ и не жди!...

— Какъ-же....

— Стъ! минуточку, брудерхенъ! Ты умѣешь распоряжаться съ деньгами, а я научу тебя, какъ жить безъ денегъ. Утѣшься, Пиладъ мой! и не откажись выпить рюмочку шипучаго и пообѣдать!

Все сопротивленіе Генриха было тщетно. На столѣ явилась новая бутылка съ засмоленой верхушкой и обѣдъ.

Не прошло получаса и уже Генрихъ, забывъ обо всемъ, громко смѣялся съ Францомъ....

— Скажите, почтеннѣйшій хозяинъ, сколько мы вамъ должны? небрежно спрашивалъ Францъ содержателя гостинницы, опустивъ въ карманы руки.

— 14 рублей, 68 и одну седьмыхъ копѣйки серебромъ, отвѣчалъ съ стереотипной улыбкой хозяинъ, подавая молодому студенту лоскутокъ бумаги.

— Г-мъ! вы удивительно аккуратны. Впрочемъ не въ томъ дѣло, и вы получите отъ насъ еще болѣе.... садитесь, пожалуйста! сказалъ Францъ, подавая хозяину стулъ и самъ усаживаясь.

— Помилуйте....

— Нѣтъ, пожалуйста, садитесь, безъ церемоній!.. Оба сѣли, и Францъ, наклонившись къ хозяину, продолжалъ:

— Скажите мнѣ, любятъ-ли у васъ въ городѣ науки и искусства?

— Вамъ, какъ не здѣшнему, можно простить подобный вопросъ, отвѣчалъ хозяинъ, нѣсколько обиженный; потомъ, пересчитывая по пальцамъ, продолжалъ:—Каждую зиму пріѣзжаетъ къ намъ на нѣсколько недѣль танцовальный учитель; потомъ есть у насъ четыре городскіе музыканта; въ трехъ домахъ играютъ на фортепіяно; учитель при уѣздномъ училищѣ играетъ на гитарѣ; г. аптекарь содержитъ библіотеку для чтенія, въ которой находятся около 30 полныхъ книгъ; къ тому-же извольте сами спросить странствующихъ комедіантовъ, отправляющихся къ масляницѣ въ Петербургъ и возвращающихся оттуда послѣ Святой, спросите сами, какъ ихъ у насъ принимаютъ? Это, мейнъ герръ, просто изумительно!.... Такъ-какъ эти представленія происходятъ почти всегда на чистомъ воздухѣ, то заборы и крыши сосѣднихъ домовъ покрыты любопытными.... вотъ какъ, сударь! Какъ-же намъ не любить искусствъ!... И хозяинъ вздохнулъ послѣ долгаго монолога, произнесеннаго съ необыкновеннымъ жаромъ.

Францъ посмотрѣлъ нѣсколько минутъ молча на хозяина, крѣпко пожалъ ему руку и произнесъ съ чувствомъ:

— Это дѣлаетъ вамъ честь, и будьте увѣрены, что всякій художникъ почтетъ себѣ за честь заслужить одобреніе столь-просвѣщенной и образованной публики. Я намѣренъ дать представленіе въ вашемъ городѣ, а потому прошу васъ указать мнѣ дорогу къ г. бургомистру, у котораго я хочу испросить позволеніе....

Хозяинъ скоро вскочилъ, низко поклонился и произнесъ почтительно:

— Къ крайнему сожалѣнію я долженъ объявить вамъ, что господинъ бургомистръ въ отсутствіи; но во всякомъ случаѣ

вы можете обратиться къ высокопочтенной супругѣ его, которая переговоритъ съ синдикомъ и уладитъ дѣло ваше наипрекраснѣйшимъ образомъ.

— Благодарю васъ, произнесъ Францъ съ приличною важностью, и узнавъ отъ хозяина, гдѣ живетъ *супруга господина бургомистра*, подошелъ къ Генриху, который не слыхалъ предшествовавшаго разговора и съ нетерпѣливымъ страхомъ ожидалъ, чѣмъ кончатся переговоры.

— Прекрасно! сказалъ Францъ шопотомъ: дѣло идетъ на ладъ.... я все устроилъ.

Госпожа бургомистерша сидѣла въ небольшой лавочкѣ, увѣшанной кожами и вязала чулокъ, когда къ ней явился Францъ. Въ нѣсколькихъ словахъ объяснилъ онъ ей намѣреніе свое дать въ В—ѣ *представленіе*.

— Въ чемъ-же будетъ состоять ваше представленіе? спросила она, когда Францъ усѣлся возлѣ нея на табуретѣ.

— Мы за величайшую честь поставляемъ себѣ показать образчики талантовъ нашихъ высокопочтенной публикѣ знаменитаго города В*, съ дозволенія начальства, — онъ всталъ и поклонился; бургомистерша приподнялась со стула и сдѣлала книксенъ — и начнемъ съ маленькой комедіи....

— Такъ вы путешествуете съ труппой?

— Никакъ нѣтъ-съ! Насъ только двое, пріятель мой, ангажированной въ Петербургъ, актеръ съ весьма замѣчательнымъ талантомъ, впрочемъ вы сами въ томъ убѣдитесь,—а я, поставлю себѣ за честь сыграть нѣсколько фантазій на фортепьяно....

— Позвольте мнѣ узнать вашу фамилію?

— Извините, милостивая государыня, но я покуда желаю быть извѣстенъ только подъ именемъ Франца.... передъ отъѣздомъ своимъ я объявлю вамъ фамилію свою.

Бургомистерша пристально посмотрѣла на молодаго человѣка, потомъ, бросивъ вязанье на конторку, она вскочила, всплеснула руками и вскрикнула:

— Возможно-ли!... Такъ точно.... средній ростъ, длинные волосы, худощавое, выразительное лицо! О, я не ошиблась!... Какая честь! Сдѣлайте одолженіе, потрудитесь войдти въ залу.... И Францъ послѣдовалъ за нею въ чистенькую комнату, усыпанную бѣлымъ морскимъ пескомъ; тамъ хозяйка остановилась передъ нимъ и произнесла въ полголоса:

— Не скрывайтесь! я васъ узнала.... вы *Францъ Листъ!*

Францъ былъ пораженъ.

— Помилуйте, сударыня.... произнесъ онъ въ смущеніи и запинаясь.

— Не безпокойтесь, я буду молчать.... но, чтобы доказать вамъ, какъ мы умѣемъ чтить и уважать геніальныхъ людей, вы увидите, какой пріемъ ожидаетъ васъ!.. Боже мой, какое счастіе, какая честь!...

— Увѣряю васъ....

— Извините, продолжала хозяйка присѣдая, если я осмѣлюсь пообезпокоить васъ, и она указала на старинное фортепіяно съ пожелтѣлыми клавишами.

— Увольте меня.... не приготовившись....

— Помилуйте! вы, какъ геній....

— Сударыня, нашъ братъ артистъ болѣе другаго расположенъ къ разнымъ причудамъ и странностямъ! Только въ порывѣ воодушевленія, въ ярко-освѣщенной концертной залѣ, передъ многочисленною публикою, сердце мое наполняется высокими ощущеніями, которыя изливаются въ звукахъ. Извините, милостивая государыня, но я чувствую, въ эту минуту вы сочтете меня посредственностью, а мнѣ именно прежде всего хотѣлось-бы заслужить ваше одобреніе!...

— Я вполнѣ постигаю и уважаю эту причину. Вы можете дать ваше представленіе завтра-же вечеромъ. Я сама переговорю съ синдикомъ, слѣдовательно вамъ безпокоиться нечего. Мы сами разошлемъ билеты, и я первая беру на свою долю десять креселъ.

— Вы слишкомъ добры, сударыня. Надѣюсь, что и вы останетесь довольны нами.

Францъ поклонился; бургомистерша присѣла.

— Гдѣ ты пропадалъ, Францъ? спросилъ Генрихъ товарища своего, когда тотъ воротился въ гостинницу.

— Голубчикъ, брудерхенъ, отвѣчалъ онъ, все улажено! Мы заплатимъ хозяину и будемъ еще имѣть порядочную сумму на-дорогу.

— Да растолкуй мнѣ въ чемъ дѣло, вскричалъ Генрихъ нетерпѣливо: опять глупость какая-нибудь!

— Да и нѣтъ. Вотъ въ чемъ дѣло: завтра вечеромъ мы сыграемъ комедію вдвоемъ, а потомъ я стану разыгрывать свои фантазіи на фортепіяно.

Генрихъ съ недоумѣніемъ смотрѣлъ на друга.

— Помилуй! сказалъ онъ наконецъ: ты вѣроятно выпилъ еще бутылку шампанскаго? Мы будемъ играть комедію?... Гдѣ, какъ?... Я рѣшительно ничего не понимаю!... Какъ-же

ты будешь играть на фортепьяно, когда ты и къ клавишамъ никогда не прикасался!...

— Ахъ, чортъ возьми! Ты въ-самомъ-дѣлѣ правъ! Ну, куда ни шло! Смѣлымъ Богъ владѣетъ! смѣлость города беретъ; рискъ есть благородное дѣло; попытка не пытка; утро вечера мудренѣе, а потому пойдемъ спать! Спокойной ночи!

Общая зала гостинницы превратилась въ концертную залу. Одна треть ея, на которой предполагалась сцена, была отдѣлена отъ остальной части двумя одѣялами, придѣланными къ веревкѣ, прикрѣпленной къ противуположнымъ стѣнамъ. За занавѣсью стояли съ одной стороны красныя, а съ другой зеленыя ширмы, въ видѣ кулиссъ. Нѣсколько сальныхъ свѣчей, разставленныхъ безъ симметріи въ разнокалиберныхъ подсвѣчникахъ, освѣщали собиравшихся зрителей. Цѣна за входъ была 30 коп. серебромъ, цѣна огромная въ маленькомъ, уѣздномъ городѣ, однакожъ не-смотря на то зала была набита биткомъ.

Отдѣлившись отъ прочихъ зрителей, стояли по обѣимъ сторонамъ залы два человѣка въ очкахъ и гнѣвно посматривали другъ на друга. То были учители двухъ школъ, находившихся въ В—ѣ. Оба имѣли притязанія на авторство и немилосердо посылали къ журналистамъ столицы свои статейки, а между прочимъ и въ «Репертуаръ и Пантеонъ» извѣстія о тамошнихъ спектакляхъ. Статьи ихъ никогда не печатались, по весьма-понятной причинѣ; впрочемъ нашелся одинъ какой-то литературный журналъ, который, умирая съ голоду, обрадовался двумъ корреспондентамъ, не требовавшимъ никакого возмездія, и сталъ печатать статьи ихъ, съ наглостью называя ихъ «выписками изъ иностранныхъ газетъ». Изъ этой газеты читатели наши могутъ получить понятіе о двухъ В—скихъ писателяхъ. Прибавимъ еще, что они находились въ непримиримой враждѣ: что одинъ хвалилъ, то другой хулилъ, и напротивъ. Но возвратимся къ молодымъ людямъ нашимъ

Занавѣсъ взвился.... (виноватъ! вотъ что значитъ привычка)! Занавѣсъ былъ отдернутъ на обѣ стороны. Францъ одинъ на сценѣ; въ рукахъ у него прекрасно вычищенная дорожная пѣнковая трубка его. Молчаніе, во время котораго зрители усаживаются; наконецъ все утихаетъ. Генрихъ выходитъ изъ-за ширмъ, кланяется публикѣ и начинаетъ декламировать извѣстное стихотвореніе:

Здорово, братъ-служивой!
Ты куришь табачокъ....
Ай, трубка!... Что за диво
Дай посмотрѣть, дружокъ!

Какая позолота,
Съ рѣзьбою по краямъ!
Не по тебѣ работа:
Продай-ко лучше намъ.

Другой на это отвѣчалъ:

Нѣтъ, баринъ, не разстанусь
Я съ трубкою моей,

и т. д. прочелъ до конца извѣстную балладу Пфеффеля, когда-то переведенную и на русскій языкъ.

Занавѣсъ задергиваютъ и раздаются апплодисманы. Къ счастію В—ская публика не умѣетъ еще громкими криками, шумомъ и стукомъ, вызывать актеровъ, а потому дѣло обошлось очень, благопристойно.

— Это еще малость, шепнула бургомистерша на ухо сосѣдкѣ, съ значительнымъ видомъ; теперь будетъ играть длинноволосый молодой человѣкъ. Вотъ чудо-то!

— А вы развѣ его слышали? Развѣ онъ у васъ игралъ?

— Нѣтъ, онъ не хотѣлъ. Но я знаю, кто онъ...

— Кто? кто? кто? раздалось съ разныхъ сторонъ.

— Листъ! отвѣчала бургомистерша тихимъ голосомъ такъ однакожъ, что окружающіе могли ее слышать, и въ тоже мгновеніе разнеслось по залѣ извѣстіе, что самъ Листъ немедленно предстанетъ предъ В—ской публикой. Восторгъ былъ общій и едва могли удержать дамъ, которыя, выхвативъ ножницы изъ ридикюля, хотѣли всѣ броситься на знаменитаго виртуоза и обстричь его, чтобы имѣть на память хоть клочокъ волосъ его.

— Что такое всѣ комедіи въ мірѣ въ сравненіи съ музыкой! вскричалъ одинъ изъ учителей—писателей, обращаясь къ партіи своей. Онъ самъ игралъ на гитарѣ.

— Что такое музыка въ сравненіи съ драматическимъ искусствомъ! Говорилъ другой, написавшій когда-то водевиль *Журналистъ по довѣренности*.

Вдругъ раздался за занавѣсомъ жалобный крикъ....

Всѣ вздрогнули.... наступила мертвая тишина.

Прошло нѣсколько минутъ и занавѣсъ отдернулся. На сценѣ стояло старое фортепьяно бургомистерши, а возлѣ него

Францъ, блѣдный, разстроенный, съ повязанною рукою, и поддерживаемый Генрихомъ и хозяиномъ гостинницы.

— Высокому начальству, произнесъ Францъ слабымъ голосомъ и поклонился бургомистершѣ: — знаменитымъ цѣнителямъ искусствъ — и онъ поклонился учителямъ, — и высокопочтенной публикѣ честь имѣю донести, что, по несчастному случаю, я вывихнулъ себѣ руку и не въ состояніи исполнить обѣщаннаго. На возвратномъ пути изъ сѣверной столицы я непремѣнно сдержу свое слово, и дамъ въ этомъ городѣ нѣсколько концертовъ. Если-жъ вамъ угодно будетъ прослушать еще разъ нашу маленькую комедію, то мы готовы къ услугамъ вашимъ.

Зрители въ недоумѣніи посмотрѣли другъ-на-друга, но бургомистерша кивнула головой и актеры наши еще разъ продекламировали стихи:

«Здорово, братъ-служивой!» и пр.

Публика разошлась весьма-довольная этимъ представленіемъ; сожалѣли только о томъ, что несчастное паденіе мнимаго Листа лишило случая восхититься дивной игрой его, прежде столичныхъ жителей.

Студенты-же были довольнѣе всѣхъ; они немедленно расплатились съ хозяиномъ и ночью-же отправились далѣе.

Нѣсколько дней спустя, столичная газета получила два письма отъ своихъ корреспондентовъ. Для разнообразія она назвала одно извлеченіемъ изъ какой-то «шведской», а другое изъ «бердичевской газеты».

МУЗЫКАНТЪ ВЪ ФЕРНЕѢ. Это было въ 1770 году. Гретри, возвращаясь изъ Италіи, посѣтилъ Вольтера, который, какъ онъ самъ признавался, *никогда не могъ постигнуть огромнаго достоинства двойныхъ нотъ*. Гретри сначала обратился къ философу очень-остроумнымъ письмомъ, въ которомъ онъ просилъ безъ церемоніи автора *Эдипа и Заиры* написать для него поэму. Старый поэтъ нисколько не обидѣлся этой просьбой; напротивъ, онъ изъявилъ желаніе видѣть молодаго композитора, и добрая г-жа Крамеръ представила его ему. Гретри хотѣлъ извиниться въ смѣлости своей:

— Помилуйте, возразилъ Вольтеръ, взявъ его за руку: я въ восторгѣ отъ вашего письма; я много слышалъ про васъ, и мнѣ хотѣлось видѣть васъ. Вы музыкантъ и притомъ умны! Это бываетъ весьма-рѣдко, и потому я беру въ васъ еще живѣйшее участіе.

Гретри улыбнулся эпиграммѣ и поблагодарилъ за комплиментъ: онъ поступалъ какъ прямой эгоистъ.

Вы музыкантъ и притомъ умны! сказалъ Вольтеръ; но еслибъ онъ поразсмотрѣлъ внимательнѣе, то увидѣлъ-бы, что и въ его время это не было рѣдкостью; онъ увидѣлъ-бы, что почти всѣ знаменитые музыканты, безъ исключенія, были одарены умомъ чрезвычайно-тонкимъ.

Еще другой музыкантъ взялъ на себя трудъ доказать знаменитому старцу, что музыка и умъ могутъ очень-хорошо согласоваться другъ съ другомъ. Этотъ не былъ ни великимъ композиторомъ, ни замѣчательнымъ виртуозомъ. Онъ поставилъ на сцену нѣсколько оперъ, которыя имѣли скромный успѣхъ, и занималъ должность органиста въ нѣкоторыхъ церквахъ; но ему пришла охота написать исторію искусства своего, и онъ пустился путешествовать по Европѣ, для собранія матеріаловъ для своего сочиненія. Словомъ, это былъ докторъ Берней, авторъ *Всеобщей исторіи музыки*, сочиненія огромнаго, замѣчательнаго во многихъ отношеніяхъ и—странная вещь! не переведеннаго ни на одинъ языкъ.

Докторъ только-что оставилъ Англію; онъ посѣтилъ еще только Лилль и Парижъ и пріѣхалъ въ Женеву, гдѣ немедленно принялся отыскивать г. Фрица, скрипача и композитора, тридцать лѣтъ уже проживавшаго въ этомъ городѣ и знакомаго со всѣми тамошними Англичанами. Доктору очень хотѣлось сходить въ Ферней поклониться дивному человѣку, привлекавшему болѣе полувѣка къ себѣ вниманіе всей Европы, но, не думая быть въ Женевѣ, онъ не запасся рекомендательными письмами; къ тому-же онъ зналъ, что многіе Англичане, представлявшіеся Вольтеру безъ всякой рекомендаціи, не могли похвалиться пріемомъ его.

— Ну что, сказалъ онъ имъ: теперь вы насмотрѣлись на меня. За кого-же вы меня принимаете? За дикое животное или за чудовище, на которое можно посмотрѣть изъ любопытства?

Берней, желая избѣгнуть подобной непріятности, рѣшился осмотрѣть только домъ и садъ, не безпокоя хозяина. Въ сопровожденіи разговорчиваго и неглупаго проводника, готоваго отвѣчать на всѣ вопросы, онъ отправился къ имѣнію философа, и на самой границѣ увидѣлъ висѣлицу, поставленную Вольтеромъ для того, чтобы показать, что онъ полный властелинъ и имѣетъ право судить и казнить. Подойдя къ замку чрезъ прелестныя мѣста, покрытыя виноградниками

и засѣянныя рожью, между-тѣмъ, какъ вдали виднѣлись горы и озеро, докторъ увидѣлъ хорошенькую часовню, съ надписью: *Deo erexit Voltaire.*

Докторъ послалъ спросить, позволено-ли иностранцу осмотрѣть внутренность дома, и тотчасъ-же получилъ позволеніе. Слуга провелъ его даже въ кабинетъ хозяина и показалъ ему библіотеку, не большую, но хорошо составленную. Театръ, выстроенный Вольтеромъ, и на которомъ были сыграны лучшія піесы его, служилъ теперь удобнымъ мѣстомъ для складки дровъ: на немъ давно уже не играли.

Слуга сказалъ доктору, что хозяину его 78 лѣтъ, что онъ здоровъ, работаетъ десять часовъ въ день, пишетъ всегда безъ очковъ и всякій день ходитъ гулять, въ сопровожденіи одного только человѣка.

— Смотрите, прибавилъ онъ, вотъ онъ самъ тамъ прогуливается!

И точно Вольтеръ, осмотрѣвъ сельскія работы, выходилъ изъ саду и переходилъ черезъ дворъ. Сердце Бернея забилось сильнѣе при видѣ великаго человѣка. Вольтеръ, увидѣвъ, что онъ садился уже въ дорожную коляску свою, позвалъ слугу, который провожалъ доктора. Поговоривъ съ нимъ нѣсколько минутъ въ полголоса, вѣроятно, для того, чтобы узнать, кто былъ этотъ путешественникъ, онъ пошелъ къ Бернею, который остался неподвиженъ на одномъ мѣстѣ, не спуская глазъ съ философа, какъ-бы изучая его отъ ногъ до головы. Въ то-же время, какъ Вольтеръ направилъ шаги свои къ доктору, послѣдній, какъ-бы влекомый невѣдомою силою, тоже пошелъ къ нему на-встрѣчу.

— Я полагаю, сказалъ ему Вольтеръ, что вы хотите имѣть идею о человѣкѣ, приближающемся къ смерти?

И онъ сталъ жаловаться на старость и на дряхлость свою между-тѣмъ, какъ взоры его блестѣли еще огнемъ. Бернеи говоритъ, что трудно понять, какъ въ чертахъ такого скелета, какой былъ тогда Вольтеръ, могло еще сохраниться столько выразительной живости.

Вольтеръ спросилъ доктора о томъ, что̀ дѣлается въ Англіи, и замѣтилъ, что поэтическія пренія замѣнились преніями политическими.

— Авторскія ссоры, сказалъ онъ, также необходимы въ литературѣ, какъ ссоры начальниковъ и жалобы подчиненныхъ необходимы для сохраненія свободы въ вольномъ государствѣ. Молчаніе критики не доказываетъ, что люди сдѣ-

лались просвѣщеннѣе; напротивъ, должно полагать, что они впали въ апатію.

Вольтеръ освѣдомился о новѣйшихъ англійскихъ поэтахъ: докторъ назвалъ Масона и Грейя.

— Они мало пишутъ, возразилъ Вольтеръ. Кажется, у васъ нѣтъ болѣе такихъ отличныхъ поэтовъ, каковы были Дрейденъ, Поппе и Свифтъ.

Докторъ отвѣчалъ, что это зависѣло отъ нѣкоторыхъ весьма-важныхъ причинъ, между которыми важнѣйшая была ложное направленіе нѣкоторыхъ журналовъ.

Разговаривая такимъ образомъ, Вольтеръ и докторъ приблизились къ строеніямъ, недавно-оконченнымъ близъ аллеи, ведущей къ замку.

— Эти стронія, сказалъ Вольтеръ, суть самыя невинныя и, можетъ-быть, самыя полезныя изъ всѣхъ дѣлъ моихъ.

— Вы исполнили другія дѣла, возразилъ Берней, которыхъ польза еще значительнѣе и которыя будутъ еще существовать, когда не останется и слѣда этихъ строеній.

Нѣсколько минутъ спустя, Берней почтительно простился съ великимъ человѣкомъ, не желая отнимать у него драгоцѣннаго времени, которое этотъ великій, всеобъемлющій геній могъ еще посвятить въ пользу всего міра.

Это посѣщеніе музыканта очень замѣчательно по двумъ причинамъ: во-первыхъ, не было ни слова говорено о музыкѣ, а во вторыхъ, послѣ него, Вольтеръ менѣе, чѣмъ когда-либо, могъ имѣть право повторить свое ироническое восклицаніе:

— Вы музыкантъ и — умны!

НѢВЕЦЪ ИЛИ МУЗЫКАНТЪ? АНЕКДОТЪ ИЗЪ ЖИЗНИ ГАЙДНА. Іосифъ Гайднъ былъ сынъ деревенскаго тележника, любившаго отдыхать послѣ трудовъ тяжкаго ремесла своего за музыкальными занятіями. Каждое воскресенье, послѣ обѣдни, во время которой онъ занималъ должность дьячка, старый тележникъ брался за арфу и сопровождалъ пѣніе жены своей. Маленькій Іосифъ, вооружившись дощечкой и палочкой, которыя онъ называлъ своей скрипкой и смычкомъ, аккомпанировалъ родителямъ. Одинъ изъ родственниковъ тележника, школьный учитель сосѣдней деревни, случайно присутствовалъ при одномъ изъ этихъ семейныхъ концертовъ и замѣтилъ, что ребенокъ билъ тактъ съ удивительною вѣрностью. Онъ попросилъ, чтобы отецъ отдалъ сына къ нему, на что первый охотно согласился, и нѣ-

сколько времяни спустя, маленькій Іосифъ игралъ прекрасно на нѣсколькихъ инструментахъ и прекрасно пѣлъ своимъ звучнымъ, чистымъ, сребристымъ голосомъ.

Прошло восемъ лѣтъ. Реутеръ, капельмейстеръ церкви Св. Стефана въ Вѣнѣ, случайно услышалъ пѣніе Іосифа, и чувствуя, что онъ можетъ украсить вѣнскую капеллу, взялъ его съ собою въ Вѣну, обѣщавъ продолжать воспитаніе молодаго человѣка.

Такимъ образомъ Іосифъ Гайднъ переселился въ огромную столицу, вступилъ въ знаменитую капеллу, окруженный средствами къ изученію искусства, къ которому онъ уже пристрастился. Все свободное время онъ посвящалъ изученію игры на фортепіяно, на скрипкѣ, разбиралъ труднѣйшія ноты и вскорѣ самъ сталъ сочинять, потому-что творческій инстинктъ не замедлилъ пробудиться въ немъ. Между-тѣмъ голосъ его былъ все еще чистъ и прекраснъ, и доставлялъ ему одно изъ первыхъ мѣстъ въ торжествахъ, привлекавшихъ толпу въ церковь Св. Стефана. Реутеръ гордился ученикомъ своимъ, однакожъ не могъ безъ страха думать о томъ времени, когда этотъ прекрасный голосъ измѣнится и, можетъ-быть, пропадетъ навсегда. Пройдетъ нѣсколько лѣтъ, Іосифъ, бывшій еще ребенкомъ, сдѣлается юношей, и кто можетъ знать, какому измѣненію подвергнется тогда голосъ его? Эта неувѣренность устрашала капельмейстера и внушила ему наконецъ намѣреніе, казавшееся ему чудеснымъ. И точно, о чемъ безпокоиться? Существовали вѣрныя средства для того, чтобы упрочить, сдѣлать нѣкоторымъ образомъ постоянною легко-измѣняющуюся способность, средства, утвержденныя правами и обычаями. Оставалось только уговорить юношу и Реутеръ надѣялся, что частію краснорѣчіемъ, частію хитростію, онъ достигнетъ цѣли своей.

— Іосифъ, сказалъ онъ однажды ученику своему: я думалъ о тебѣ, о будущности твоей. Я хочу упрочить благосостояніе твое. Слушай: хочется-ли тебѣ быть великимъ артистомъ, имѣть изумительный талантъ, обладать огромными сокровищами, и.... кто знаетъ? царствовать надъ царями, управлять государствами и слышать благословенія народовъ?

Молодой Іосифъ открылъ большіе глаза, не понимая хорошенько учителя своего. Только слова *великій артистъ, изумительный талантъ* поразили умъ его, и онъ невольно подумалъ объ обѣднѣ, которую рѣшился написать, не говоря о томъ никому.

— Говори-же, продолжалъ капельмейстеръ, выведенный изъ терпѣнія молчаніемъ ребенка: сколько разъ тебѣ нужно повторять?... Хочешь прославиться.... разбогатѣть.... помощію музыки, разумѣется!

— О, да! очень хочу, отвѣчалъ Іосифъ, пробужденный словомъ *музыка*.

— Хорошо-же!... Возьми эту книгу и прочитай въ ней внимательно то мѣсто, которое я отчеркнулъ. Завтра ты скажешь мнѣ свое мнѣніе.

Въ книгѣ, которую Реутеръ далъ мальчику, заключалась исторія многихъ современныхъ артистовъ и, между прочими, исторія Фаринелли, знаменитѣйшаго пѣвца того времени. Исторія знаменитости и обогащенія его была изложена подробно, и авторъ не забылъ прибавить, какому роду пожертвованія онъ былъ обязанъ счастіемъ своимъ. При этомъ случаѣ онъ даже распространился на-счетъ происхожденія голоса *сопрано*, на-счетъ значенія его и выгодъ, извлеченныхъ изъ него музыкой. Молодой Іосифъ прочелъ все это не безъ грустныхъ размышленій. На другой день Реутеръ пришелъ къ нему въ скромную келійку его и спросилъ съ улыбкой:

— Ну что? прочелъ?

— Прочелъ.

— Не правда-ли, что исторія Фаринелли заключаетъ въ себѣ много чудесъ?

— Правда.

— Что-же? Вѣдь отъ тебя зависитъ сравниться съ нимъ?... Тебѣ стоитъ только сказать слово....

— Да, но я его никогда не скажу! вскричалъ мальчикъ съ изумительной силой.

— Какъ! Ты такъ глупъ, что не хочешъ понять?

— Никогда!

При этомъ словѣ, произнесенномъ еще съ бо́льшею силою, капельмейстеръ остолбенѣлъ. Всѣ долголѣтнія мечты его о славѣ и счастіи ученика, рушились въ одно мгновеніе! Пропало чудное *сопрано*, которое онъ хотѣлъ подарить міру!... Онъ однакожъ не совсѣмъ еще потерялъ надежду; но Іосифъ отвергалъ всѣ предложенія его твердо и рѣшительно. Главная причина отказа была та, что Іосифъ, вспоминая о домашнихъ, семейныхъ наслажденіяхъ дѣтства своего, имѣлъ рѣшительное намѣреніе жениться. Бѣдняжка! Онъ не могъ тогда знать, что дочь парикмахера Келлера заставитъ его

послѣ часто раскаяваться въ этомъ намѣреніи! — Сверхъ-того, Іосифъ замѣтилъ, что всѣ артисты, рѣшившіеся лучше быть пѣвцами, чѣмъ мужчинами, никогда ничего не сочиняли. Онъ объявилъ о томъ простодушно учителю своему, который мигомъ понялъ все дѣло.

— Сочинять!... Ужъ не сочиняешь-ли ты?... Да знаешь-ли ты только, какъ за это приняться?

Говоря такимъ образомъ, капельмейстеръ испытующимъ взорамъ окинулъ комнату. Разлинованный листъ бумаги выглядывалъ изъ полуоткрытаго ящика; Реутеръ немедленно овладѣлъ имъ: то была неконченная Gloria!... Услышавъ шаги приближавшагося учителя, Іосифъ успѣлъ только спрятать композицію свою въ ящикъ, не успѣвъ задвинуть его.

— Ага! Вотъ въ чемъ дѣло!... вскричалъ учитель. — Обѣдня!... И ты смѣешь сочинять обѣдню! Гдѣ другія части? гдѣ? Давай сейчасъ-же все сюда, или я тебя немедленно прогоню.

Бѣдный ребенокъ поспѣшилъ повиноваться: Іосифъ вытащилъ изъ-подъ полушки начало своего творенія. Едва обѣдня попалась въ руки Реутеру, какъ онъ быстро сталъ разсматривать ее и немилосердо критиковать:

— Возможно-ли?.. говорилъ онъ съ презрѣніемъ, смѣшаннымъ съ досадой: а я еще думалъ, что у него есть способности!... Какія идеи!... Какой стиль!... а ошибокъ-то, ошибокъ!.. Несчастный! чтобы сочинять подобныя глупости, ты отказываешься отъ прекраснѣйшей будущности!... Я отвергаю, презираю тебя! Ступай, ты вѣчно будешь жалкимъ музыкантомъ, между-тѣмъ, какъ я хотѣлъ сдѣлать тебя могучимъ и славнымъ!

И онъ вышелъ, бросивъ манускриптъ въ лицо бѣдному мальчику, который невольно заплакалъ, не отъ того, что навлекъ на себя гнѣвъ своего учителя, но болѣе отъ того, что тотъ унизилъ такимъ образомъ обѣдню его.

Нѣсколько времени спустя, весьма-знаменитая въ то время музыкантша и ревностная покровительница художниковъ, Графиня Тунъ, посѣтила Реутера, который представилъ ей лучшихъ учениковъ своихъ: можно догадаться, что онъ удалилъ бѣднаго Іосифа.

Ребенокъ или, лучше сказать, юноша — потому-что Іосифу Хайдну миновало тогда уже 15 лѣтъ — стоялъ смиренно въ

сторонкѣ, едва осмѣливаясь поднять на графиню грустный взоръ, омоченный слезами. Графиня замѣтила его.

— А этотъ? спросила она Реутера, указывая на бѣдняжку, впавшаго въ немилость.

— Это, отвѣчалъ учитель, негодный мальчишка, изъ котораго никогда не будетъ ничего путнаго; я его скоро исключу изъ числа учениковъ моихъ.

Реутеръ сдержалъ слово: онъ исключилъ бѣднаго ученика, не хотѣвшаго сдѣлаться знаменитымъ *сопрано*. Сдѣлавшись свободнымъ, Іосифъ Гайднъ, не думая еще о средствахъ снискивать себѣ пропитаніе, съ жаромъ принялся за любимѣйшее занятіе свое—композицію. Насмѣшки Реутера и собственное сознаніе убѣдили его въ томъ, что онъ еще ничего не зналъ. Ему не чѣмъ было платить за уроки, а потому, накупивъ нѣсколько старыхъ книгъ, онъ сталъ изучать теорію музыки днемъ и ночью, на чердакѣ, безъ огня, предъ старымъ фортепіяно, источеннымъ червями и, какъ онъ самъ говорилъ, *не завидуя участи монарховъ*.

Со временемъ Гайднъ досталъ нѣкоторыхъ ученицъ: онъ сочинялъ сонаты, вальсы, серенады, которыя самъ, вмѣстѣ съ двумя пріятелями, исполнялъ на вѣнскихъ улицахъ, ночью. Одно изъ этихъ сочиненій, исполненное подъ окнами арлекина Куртца, актера и вмѣстѣ директора театра, доставило ему заказъ первой оперы его *Хромой Бѣсъ*. За сонату онъ былъ еще лучше вознагражденъ. Графиня Тунъ купила ее случайно; соната ей такъ понравилась, что она непремѣнно хотѣла узнать сочинителя ея и послала къ нему своего камердинера съ просьбой, явиться къ ней. Іосифъ Гайднъ явился къ графинѣ, которая, увидѣвъ его, сказала:

— Извините, это ошибка. Я желала видѣть у себя сочинителя этой сонаты, г. Гайдна, и за нимъ посылала....

— Я самъ Гайднъ, отвѣчалъ, покраснѣвъ, молодой артистъ.

— Возможно-ли! возразила графиня: если я не ошибаюсь, то, кажется, я васъ видѣла еще недавно у капельмейстера Реутера?

— Точно-такъ, графиня.

— И онъ исключилъ васъ изъ школы своей, какъ ни къ чему негоднаго ученика.

Гайднъ опустилъ глаза, не говоря ни слова.

— Однакожъ вы написали эту сонату?...

— И многія другія, графиня.

— О, вы мнѣ принесете всѣ ваши сочиненія, я хочу знать ихъ; метода ваша мнѣ чрезвычайно нравится. Но, прежде всего, я хочу, чтобы вы были со мной откровенны: который вамъ годъ?

— Шестнадцать лѣтъ, графиня.

— Шестнадцать лѣтъ!... Да это непостижимо!... Слушайте, будьте откровенны со мною, какъ съ вашею матерью; признайтесь мнѣ въ проступкахъ вашихъ; скажите откровенно, зачѣмъ Реутеръ выгналъ васъ отъ себя?

Гайднъ опять опустилъ глаза и не говорилъ ни слова.

— Хорошо, я вижу что вы раскаяваетесь; это уже первый шагъ къ исправленію. Краска, выступившая на лицѣ вашемъ, говоритъ уже въ вашу пользу, но этого недостаточно. Я прощу вамъ только съ тѣмъ условіемъ, что вы признаетесь во всемъ откровенно и не скрывая ничего.

Чѣмъ-болѣе графиня настаивала, тѣмъ-болѣе увеличивалось замѣшательство и смущеніе молодаго человѣка. Онъ не зналъ какъ-бы поприличнѣе разсказать причину разлада своего съ капельмейстеромъ. Вдругъ ему представилась идея и, преодолѣвъ смущеніе свое, онъ спросилъ графиню:

— Читали-ли вы, сударыня, исторію Фаринелли?

— Конечно; я даже слышала его самого при испанскомъ дворѣ. Но что имѣетъ этотъ виртуозъ общаго съ....

— Извольте видѣть, графиня: г. Реутеръ хотѣлъ.. .

— Что?... Говорите-же.... онъ хотѣлъ?... Чтожъ вы молчите?... Однако, постойте.... неужели?... неужели онъ хотѣлъ заставить васъ.... пѣть, по методѣ Фаринелли?

— Точно такъ, графиня, вы меня вполнѣ поняли.

Тутъ графиня въ свою очередь опустила глаза и едва могла удержаться отъ смѣха. Минуту спустя, она продолжала:

— А вы.... вы не хотѣли?

— Не хотѣлъ, графиня.

— И учитель вашъ только по этой причинѣ называлъ васъ негоднымъ мальчишкой?

— Только по этой, графиня.

— Въ такомъ случаѣ, я нахожу, что Реутеръ не совсѣмъ правъ. Я даже нѣкоторымъ образомъ одобряю отказъ вашъ. Фаринелли поетъ какъ ангелъ, это правда, но онъ не сочинилъ-бы вашей сонаты. Ступайте, другъ мой, и принесите мнѣ завтра всѣ сочиненія ваши. Возьмите пока этотъ кошелекъ и надѣйтесь на покровительство мое.

Въ кошелькѣ графини было 25 червонцевъ. Это было сокровище для бѣднаго Гайдна! Впрочемъ благородная дама сдержала слово свое: она употребила всѣ старанія, чтобы доставить выгодное мѣсто молодому композитору, который вскорѣ могъ порадоваться тому, что не согласился остаться *сопрано* на всю жизнь, и пѣть—по методѣ знаменитаго Фаринелли.

Музыкальный-же міръ долженъ еще болѣе радоваться этому.

НОВЫЙ СПОСОБЪ ПРИДАВАТЬ ВЫРАЗИТЕЛЬНОСТЬ СЛОВАМЪ СВОИМЪ. При каждомъ французскомъ театрѣ есть комитетъ, собирающійся обыкновенно для выслушанія какой-либо новой піесы, которую авторъ желаетъ поставить на тотъ театръ.

Недавно молодой человѣкъ, имя котораго еще неизвѣстно въ драматической литературѣ, явился въ комитетъ одного изъ парижскихъ театровъ для прочтенія драмы своего сочиненія.

Когда всѣ члены собрались, молодой человѣкъ началъ съ предисловія или нѣкотораго рода обращенія къ судьямъ своимъ, въ которомъ онъ объяснялъ имъ всю важность занимаемой ими должности, необходимость строжайшаго безпристрастія и опасность, могущую произойдти отъ слишкомъ скораго, необдуманнаго приговора. Это была новость, къ которой комитетъ не привыкъ; не-смотря на то, онъ хладнокровно выслушалъ ее.

Потомъ судьи выслушали очень-внимательно чтеніе драмы, написанной съ жаромъ, и доказывавшей, что авторъ ея обладалъ истиннымъ драматическимъ дарованіемъ, хотя въ немъ не доставало еще опытности: сцены были не довольно-хорошо связаны, а развязка, хотя и эффектная, была не нова; она заключалась въ пистолетномъ выстрѣлѣ, который, съ незапамятныхъ временъ, наказываетъ преступленіе, отмщая за невинность.

Когда авторъ дошелъ до послѣдней сцены, которая должна была увѣнчать все дѣло, онъ выхватилъ изъ кармана пистолетъ и, отворотившись нѣсколько въ сторону, спустилъ курокъ въ то самое мгновеніе, когда произнесъ роковое слово, служившее развязкой. Раздался выстрѣлъ.... всѣ члены комитета вздрогнули и вскочили съ мѣстъ своихъ.

— Не безпокойтесь, я зарядилъ пистолетъ холостымъ зарядомъ, сказалъ авторъ, улыбаясь при видѣ ужаса, которымъ были объяты судьи его: мнѣ только хотѣлось доказать вамъ,

какое дѣйствіе этотъ выстрѣлъ можетъ произвесть на публику. Теперь, господа, извольте рѣшить, можетъ-ли піеса моя удостоиться представленія.

При этихъ словахъ молодой человѣкъ свернулъ рукопись свою, взялся за шляпу, поклонился членамъ комитета и удалился. Прошло десять минутъ, съ тѣхъ поръ, какъ онъ удалился, а судьи все еще не пришли въ себя отъ изумленія и испуга. Надобно было однакожъ сдѣлать рѣшеніе: драма была принята, но съ тѣмъ условіемъ, чтобы въ ней были сдѣланы нѣкоторыя измѣненія.

Однакожъ члены не забыли поставить за правило, чтобы впредь авторы, являющіеся въ комитетъ для чтенія сочиненій своихъ, оставляли у швейцара всякое оружіе, могущее опаснымъ содѣйствіемъ своимъ придать болѣе выразительности словомъ или жестамъ читающаго.

МИСТРИССЪ ИНЧЬБАЛЬДЪ. Она занималась и была актрисой; она была щедра и скупа; она писала и была скромна; презрѣніе къ свѣтскимъ мнѣніямъ доходило у нея до высочайшаго цинизма, забывчивость приличій до безразсудства, а безкорыстіе до величайшаго героизма.

Такова была Мистриссъ Инчьбальдъ, имя которой особенно извѣстно публикѣ по нѣкоторымъ прелестнымъ романамъ, которыми восхищалась вся Европа, которые служили сюжетами для драматическихъ писателей Франціи и Германіи, и которые, не-смотря на то, все-таки не достигли той знаменитости, которую заслуживали.

Нѣтъ ничего страннѣе жизни этой женщины: живя на чердакѣ, она находилась въ сношеніяхъ съ замѣчательнѣйшими особами своего времени и не хотѣла воспользоваться этимъ для улучшенія состоянія своего. Она спокойно переносила обвиненія въ самой презрительной скупости, между-тѣмъ-какъ каждый день жизни ея знаменовался какимъ-нибудь благодѣяніемъ. Сначала кочевала она по провинціямъ съ труппой странствующихъ актеровъ, а позже была принята въ салонахъ г-жи Сталь, не перемѣняя скромнаго образа жизни своей: хлѣбъ, вода и чердачокъ вполнѣ удовлетворяли всѣмъ нуждамъ ея.

Мистриссъ Инчьбальдъ, урожденная Елизавета Симпсонъ, была очень-хороша собой, высокаго, стройнаго роста; во всѣхъ чертахъ ея, особенно въ чорныхъ глазахъ, было выраженіе ума необыкновеннаго; смѣсь тонкости, живости и скромности придавала физіономіи ея невыразимую прелесть.

Бѣдность, въ которую впали родные ея, въ-слѣдствіе несчастныхъ коммерческихъ дѣлъ, внушила ей мысль выступить на сцену и облегчить заработанными, трудовыми деньгами своими участь отца и матери; она захотѣла быть актрисой, а между-тѣмъ заикалась! Въ пансіонѣ, въ которомъ она воспитывалась, подруги ея немилосердо преслѣдовали ее насмѣшками своими. Какъ-же показаться ей на сценѣ? Какъ станетъ она произносить стихи Шекспира предъ публикой, мало снисходительной? Елизавета (ей тогда было 16 лѣтъ) выбрала въ лексиконѣ самыя трудныя слова, заперлась въ своей комнаткѣ и безпрестанно произносила ихъ. Послѣ долгихъ упражненій она замѣтила, что самое лучшее средство было произносить эти слова весьма-медленно. Прошли два года,—она почти совсѣмъ преодолѣла природный недостатокъ, но другая трудность предстояла ей: первый дебютъ!

Нѣкто Ричардъ Гриффизъ, человѣкъ съ умомъ, и въ особенности съ дипломатическимъ умомъ, необходимымъ при званіи его, былъ директоромъ Норуичскаго театра. Миссъ Симпсонъ обратилась къ Гриффизу: ему обязана она совѣтами и наставленіями, на которые онъ не скупился, не выходя однако изъ круга тоіі ловкой политики, которая подаетъ надежды, не обязывая себя однакожъ ничѣмъ. Молодое сердце миссъ Симпсонъ привязалось къ Гриффизу и это была единственная любовь во всю жизнь ея. Такъ-какъ она съ малолѣтства привыкла ежедневно записывать всѣ поступки и ощущенія свои, то въ рукописныхъ запискахъ ея того времени, когда она была знакома съ директоромъ Норуичскаго театра, имя г. Гриффиза написано прописными буквами, съ узорами, подобными тѣмъ, которые встрѣчаются въ надписяхъ римскихъ храмовъ; подъ именемъ написано:

«Каждая буква этого имени имѣетъ особую гармонію для слуха моего».

Наконецъ она вышла за г. Инчьбальда, актера, мота, волокиту, хотя и добраго сердцемъ, и выступила на сцену, но не имѣла успѣха. Она въ первый разъ явилась въ роли ревнивой женщины; роль эту она не замедлила продолжать и у себя дома.... И вотъ наступило время, когда бѣдная мистриссъ Инчьбальдъ, плохая актриса, должна была рыскать по городамъ, лежавшимъ въ окрестностяхъ столицы, чтобы добыть себѣ пропитаніе, будучи принуждена сверхъ-того ухаживать за больнымъ мужемъ, котораго убивала распутная жизнь, и во все это время она ни разу не совратилась съ

пути добродѣтели, ни разу душевная твердость не покинула ее! По смерти мужа, она сдѣлалась писательницей; въ сюжетахъ ей не было недостатка: она много страдала, много наблюдала, и природа одарила ее умомъ проницательнымъ, силой души и могуществомъ скрытой и необыкновенной чувствительности.

Желая сдѣлаться актрисой, она читала и перечитала Шекспира, и заучила нѣкоторыя мѣста изъ лучшихъ англійскихъ авторовъ. Драмы ея, хотя не всегда удачно веденныя, но исполненныя вѣрныхъ замѣчаній, имѣли успѣхъ. Романъ, названный *Простая Исторія*, поставилъ ее на ряду съ первѣйшими писательницами ея времени. Всѣ хотѣли видѣть ее и познакомиться съ нею. Миссъ Эджеворть находилась съ нею въ дружеской связи. Г-жа Сталь хотѣла также сблизиться съ нею, но блескъ и ораторское краснорѣчіе ея произвели непріятное впечатлѣніе на миссрисъ Инчьбальдъ, которая привыкла жить на чердачкѣ своемъ безъ всякой прислуги. Огромные доходы, доставляемые ей сочиненіями ея, она пересылала больнымъ и престарѣлымъ родителямъ своимъ и молодой двоюродной сестрѣ, не имѣвшей никакого состоянія.

Не-смотря на все это, первая обманутая любовь миссрисъ Инчьбальдъ оставила въ душѣ ея какую-то горечь.

— За чѣмъ не бываете вы въ свѣтѣ? спросила ее однажды г-жа Сталь: вы-бъ могли лучше наслаждаться успѣхомъ вашихъ произведеній.

— Къ-чему? отвѣчала миссрисъ Инчьбальдъ: я совершенно одна и некому-бъ было раздѣлить со мной радости моей!

ФИЗІОНОМІЯ НИСШИХЪ ПАРИЖСКИХЪ ТЕАТРОВЪ. Въ высшихъ парижскихъ театрахъ представленіе начинается въ 8 и 7, а въ нисшихъ въ 5 и 6 часовъ вечера; но въ нисшихъ, за три или за четыре часа уже до представленія, слѣдовательно, съ перваго часа, зрители толпою собираются около театра и составляютъ то, что Французы называютъ *la queue* (хвостъ).

La queue начинается отъ самыхъ дверей, ведущихъ въ залу зрителей, тянется по корридорамъ, спускается по лѣстницамъ, къ подъѣзду, расширяется по тротуарамъ и продолжается иногда на значительное разстояніе отъ театровъ. Народъ громоздится, толкается, шумитъ, жалуется и кричитъ во все горло, при малѣйшемъ желаніи сосѣда пробраться впередъ. Но мало-по-малу все приходитъ въ порядокъ....

тогда каждый старается занять себя чѣмъ-нибудь, чтобы пріятно провесть время. Одинъ вынимаетъ изъ кармана обѣдъ свой и начинаетъ ѣсть съ большимъ аппетитомъ; другой закуриваетъ трубку или сигару, пускаетъ дымъ въ глаза сосѣдамъ, надѣясь заставить ихъ отступить; третій ораторствуетъ, передразниваетъ актеровъ или обсуживаетъ новую піесу. Иной позволяетъ себѣ оскорбительныя замѣчанія на-счетъ носа сосѣда своего, или на-счетъ сосѣдки; другой изподтишка бьетъ куда-нибудь ногой полицейскаго служителя, осмѣлившагося пробраться въ толпу или бросаетъ сердцевины яблоковъ въ кассу жандарма. Сосѣдъ сердится, сосѣдка кричитъ, что ее.... обижаютъ, полицейскій служитель реветъ, что истинный Французъ никогда не нападаетъ сзади, а жандармъ хватаетъ виновнаго за-воротъ....

И вотъ опять шумъ, опять суматоха!

Толкаются, дерутся. Мужчины размахиваютъ кулаками, женщины визжатъ и роняютъ шляпки и чепчики; уличные мальчишки пробираются между ногами, кусаютъ, царапаютъ, щиплютъ и выходятъ впередъ, на лучшее мѣсто, подражая, въ знакъ побѣды, крикамъ двадцати различныхъ животныхъ. Руки мошенниковъ пользуются суматохой, начинаютъ ходить по карманамъ; носовые платки, часы и кошельки исчезаютъ; раздаются восклицанія: «Держи вора! держи»!.. Нельзя себѣ ничего вообразить ужаснѣе этого крика, визга, вопля!

Наконецъ касса открывается. Народъ вырываетъ у кассировъ билеты, разсыпается по корридорамъ, врывается въ залу, овладѣваетъ партеромъ, галлереями и райкомъ.... дѣло не обходится безъ толчковъ, ударовъ и щипковъ, но что за бѣда!... благо есть мѣсто!

La queue, который мы описали, есть непремѣнная принадлежность всѣхъ нижнихъ театровъ, каковы: *les Délassements-Comiques*, *les Funambules* и *Lazari*.

Впрочемъ, надобно сказать правду, новѣйшія французскія мелодрамы и не могутъ имѣть другихъ зрителей: только простой народъ можетъ принимать за правду драматическія неправдоподобности. Въ доказательство словъ нашихъ, мы напомнимъ анекдотъ о двухъ ремесленникахъ, которые, по окончаніи спектакля, поджидали у театральнаго подъѣзда злодѣя, возбуждавшаго въ-продолженіе пяти дѣйствій негодованіе ихъ, и хотѣли убить его.

Люди просвѣщенные разсуждаютъ, сравниваютъ и владѣютъ нѣкоторымъ образомъ ощущеніями, какія производятъ на

нихъ театральные эффекты; простой народъ забываетъ все,—онъ только видитъ, слышитъ и вполнѣ отдается на волю страстямъ своимъ. Для него, страданія актера — не обманъ; онъ такъ ослѣпляется, что ему кажется, что онъ видитъ настоящую кровь!... И пусть завтра ему представится случай совершить злодѣяніе, подобное тому, которое онъ видѣлъ, и онъ это сдѣлаетъ!... Онъ будетъ убивать, потому-что видѣлъ въ вашихъ мелодрамахъ, господа драматурги, что преступленіе остается часто безнаказаннымъ!... Что вы на это скажете, господа? Неужели вы думаете, что общество должно быть благодарно вамъ за то, что вы подаете ремесленнику примѣры убійствъ, а женѣ его уроки прелюбодѣянія?... Не ужели вы полагаете, что посреди множества ужасовъ и преступленій, неразвитой умъ простаго народа съумѣетъ найдти искру слабой нравственности, проявляющейся иногда въ сочиненіяхъ вашихъ? Васъ можно-бъ было еще извинить, еслибъ въ твореніяхъ вашихъ проявлялось мастерское произведеніе по слогу, по идеѣ—но нѣтъ! Вы увѣрены, что тѣ, для развращенія которыхъ вы трудитесь, не поняли-бы васъ, и вы заимствуете ихъ идеи, языкъ, нравы!... Честь и слава вамъ!

Подобныя сочиненія и подобная система, вѣроятно, довели Римлянъ до того, что они для препровожденія времени смотрѣли на жертвы, которыхъ убивали при ихъ глазахъ въ циркахъ!...

Но обратимся опять къ самымъ театрамъ. Первое дѣйствіе кончилось. Чтобы вдохнуть нѣсколько свѣжаго воздуха, вы во-время антракта оставляете душную атмосферу залы. Но при самомъ выходѣ на васъ нападаютъ пять или шесть промышлениковъ, и громко принимаются кричать вамъ на ухо:

— Продаете, баринъ? Продаете, что-ли?

Одинъ тянетъ васъ за руку, другой отрываетъ полу сюртука вашего; уличные мальчишки, всегда готовые пошумѣть, вмѣшиваются въ толпу:

— Продаете, что-ли? Или такъ отдаете? Мнѣ! Мнѣ! Нѣтъ, мнѣ! Не давайте ему! и пр.

Знаете-ли, о чемъ идетъ дѣло? О вашей контрмаркѣ. Но такъ-какъ вы не хотите ни продавать, ни отдавать ее, то насилу освобождаетесь изъ рукъ докучливыхъ спекулантовъ. Но это только самая малая изъ всѣхъ непріятностей, ожидающихъ васъ. Вы не прошли двухъ шаговъ, какъ десятка

два апельсинщицъ нападаютъ на васъ; цвѣточница насильно всовываетъ вамъ въ руки букетъ полузавядшихъ цвѣтовъ и наступательно требуетъ платы; далѣе мальчишка—савояръ насильно хочетъ вычистить вамъ сапоги; всѣ мелочные торгаши-разнощики овладѣваютъ вами, толкаютъ, дергаютъ, надоѣдаютъ. Они смотрятъ на васъ, какъ на свое добро, свое имущество; вы принадлежите имъ, душой, тѣломъ и кошелькомъ; васъ закидываютъ апельсинами, вареными яблоками, подозрительными пирожками и леденцами; вамъ предлагаютъ оржадъ, лимонадъ и даже мороженое.... да! настоящее ванильное или лимонное мороженое по 5-ти коп. за порцію!

Чтобы спастись отъ нашествія промышленниковъ, вы стараетесь укрыться въ сосѣдней кондитерской. Всѣ мѣста заняты. Болѣе сотни посѣтителей хотятъ, чтобы ихъ немедленно удовлетворили. Хозяинъ не знаетъ, что̀ дѣлать, съ хозяйкой дѣлается дурно, мальчики спотыкаются, роняютъ подносы и бьютъ бутылки и рюмки.... Нечего дѣлать! Вы и отсюда должны удалиться—и возвращаетесь въ театръ.

Антрактъ не кончился еще. Галлереи, балконъ и раекъ старается провести время пріятнымъ образомъ, кушая безъ церемоніи апельсины, яблоки или пирожки, и громко разговаривая или перекликаясь съ знакомыми.

Нѣтъ ничего вѣжливѣе, ничего благопристойнѣе простаго народа, когда онъ забавляется. Послушайте эти милые разговоры, съ одного конца райка до другаго, эти восклицанія, исполненныя остроты, изобрѣтенныя *остроумнѣйшимъ* народомъ въ мірѣ.... Послушайте!

— Эка рожа! вонъ тамъ на лѣво!

— Глянь-ка! глянька-ка! Какая харя?

— Ты что̀ тамъ дѣлаешъ, рыло!

— Экой хоботъ у сосѣда твоего! и проч.

Но это еще не все. Милые зрители не довольствуются этими разговорами, — они осыпаютъ васъ градомъ апельсинныхъ корокъ; яблоко, болѣе или менѣе вареное, летитъ вамъ въ голову и вы не смѣете сердиться, иначе тысячи голосъ возвысятся, осыпая васъ насмѣшками, и чего добраго! васъ же самихъ выведутъ изъ театра, какъ нарушителя порядка!... Неужели это все послѣдствія того просвѣщенія, которымъ славятся и гордятся Французы?

Наконецъ раздаются три форменные удара, и вы въ безопасности до слѣдующаго антракта, потому-что простой народъ обращаетъ все свое вниманіе на представленіе: онъ съ жадностію слѣдитъ за развивающеюся интригой. Смотрите на него: онъ вытянулъ шею, выпучилъ глаза, открылъ ротъ и не шевельнется. Онъ не пропуститъ ни одного слова, онъ содрогается въ ужасныхъ сценахъ и плачетъ при развязкѣ. Онъ вѣритъ всему; для него это не обманъ, а существенность!... горе актеру, играющему злодѣя, еслибъ въ ту минуту онъ попался въ руки ужасной черни! Его-бы растерзали!...

Скажемъ нѣсколько словъ объ актерахъ этихъ театровъ. Это типы старинныхъ комедіантовъ, беззаботныхъ и стольже безпорядочныхъ по костюму, какъ и по поведенію. У нихъ существуетъ равенство въ высшей степени. Королева, сходя со сцены, принимается разговаривать дружески съ пожарнымъ или парикмахерскимъ ученикомъ. Вѣжливое мѣстоименіе *вы* имъ незнакомо. Актеры и актрисы между собою, съ директоромъ, режиссерами и даже писателями и журналистами не говорятъ иначе какъ *ты*, да *ты*!

Послѣ театра они почти всегда собираются поужинать въ одномъ изъ сосѣднихъ трактировъ. Можете представить себѣ, какъ веселы бываютъ эти ужины, въ которыхъ неприличны и неблагопристойны—только приличіе и благопристойность!

=

АНЕКДОТЫ И МЕЛОЧИ.

Гайднъ написалъ знаменитую симфонію свою: «Семь словъ Іисуса» для одного кадикскаго духовнаго. Она исполнена была на страстной недѣлѣ, въ Соборной кадикской церкви. Архіепископъ взошелъ на каѳедру, произнесъ первое слово, и сошедъ опять внизъ, бросился ницъ передъ алтаремъ и лежалъ, пока органъ выполнялъ музыку перваго слова, потомъ снова взошелъ на каѳедру, произнесъ второе слово и снова повергся передъ алтаремъ, и такъ продолжалъ до послѣдняго седьмаго слова, при которомъ раздались по всей церкви громкія рыданія умиленныхъ слушателей.

— Послѣ перваго представленія «Земиры и Азора» Мармонтель и Гретри представлялись Королевѣ. Она обратилась къ Гретри съ похвалами его новой оперѣ и между-прочимъ сказала, что ей и во снѣ слышалось превосходное тріо отца и

двухъ сестеръ Земиры. Сказавъ эти слова, Королева удалилась. Гретри, внѣ себя отъ-радости, обнялъ Мармонтеля и вскричалъ: «Видишь-ли, другъ! что дѣлаетъ прекрасная музыка!»—И гадкое либретто! отвѣчалъ холодно Мармонтель, которому Королева не сказала ни одного слова.

— Въ Эдинбургѣ, еще въ концѣ 1824 года или въ половинѣ 1825 давали «Волшебнаго Стрѣлка»; Эдинбургскіе *театралы* такъ чудесно поняли это высокое произведеніе Вебера, что роль Каспара отдана была актеру, который вовсе не умѣлъ пѣть, а чтобы не выпустить превосходную застольную пѣсню Каспара, ее придѣлали къ ролѣ Киліана, къ характеру котораго она совершенно не йдетъ. И все таки опера, и въ особенности эта застольная пѣсня, приняты были съ величайшимъ одобреніемъ.

— Съ Греческимъ посольствомъ отъ Императора Никифора къ Карлу Великому прибыло во Францію множество греческихъ музыкантовъ. Артисты эти навезли съ собою много инструментовъ, совершенно неизвѣстныхъ до-той-поры во Франціи. Императоръ съ завистію глядѣлъ на эти сокровища греческой гармоніи, и не смѣя силою отнять ихъ у законныхъ обладателей, придумалъ слѣдующую хитрость: онъ велѣлъ своимъ мастерамъ втайнѣ снять модели съ этихъ инструментовъ и сдѣлать точно такіе-же. Слѣдовательно, любовь къ музыкѣ довела Карла Великаго, если не до воровства, то, по-крайней-мѣрѣ, до подлѣлки. Бельгійскіе контрфанторы французскихъ книгъ могутъ послѣ этого гордится тѣмъ, что въ числѣ ихъ собратій былъ—Карлъ Великій.

— Седенъ сказалъ однажды: «Композиторы всегда похищаютъ у насъ нашу славу и бѣдный авторъ либретто трудится только для того, чтобы быть пьедесталемъ статуи, поставленной въ честь композитора.

— Глюкъ, сочиняя музыку для «Армиды» Гирольта, говорилъ: «Какъ можно писать музыку на такіе стихи! они сами по себѣ ужъ музыка»!

ХРОНИКА ИНОСРТАННЫХЪ ТЕАТРОВЪ.

(май.)

ПАРИЖСКІЕ ТЕАТРЫ.

Въ третьей книжкѣ «Репертуара и Пантеона» мы представили читателямъ нашимъ бѣглый обзоръ всѣхъ вѣнскихъ театровъ. Полагая, что исторія и описаніе парижскихъ театровъ можетъ имѣть нѣкоторую занимательность, мы постараемся разсказать здѣсь происхожденіе нѣкоторыхъ изъ нихъ.

Выберемъ на первый случай восемь театровъ, находящихся не въ далекомъ разстояніи одинъ отъ другаго на *Бульваръ преступленія* (Boulevard du Crime). Эти театры суть. Théâtre de la Porte-Saint-Martin; théâtre de la Gaieté, l'Ambigu-Comique; le Cirque-Olympique; Folies-Dramatiques; Délassements-Comiques; des Funambules и Lazari.

Théâtre de la Porte-Saint-Martin. Этотъ театръ былъ выстроенъ искуснымъ архитекторомъ въ теченіе 40 дней, послѣ пожара, истребившаго оперный театръ, труппа котораго съ радостію приняла гостепріимство, предложенное ей хозяиномъ новаго театра. Марія-Антоанетта присутствовала, со всѣмъ Дворомъ, при открытіи новаго театра. Бѣдная королева, могла-ли она предвидѣть тогда, когда ее встрѣчали радостныя восклицанія цѣлаго народа, что ровно черезъ три года, она положитъ голову на плахѣ, и что тотъ-же самый народъ заставитъ, въ томъ-же театрѣ и тѣхъ-же актеровъ, преклонить колѣно и пропѣть революціонную пѣснь *la Marseillaise*!...

Въ 1794 году оперная труппа перешла изъ этого театра въ улицу Ришлье, и публика перестала посѣщать его. Онъ опустѣлъ. Наконецъ въ началѣ эпохи Возстановленія, нѣсколько постоянныхъ успѣховъ привлекли туда публику. *Ричардъ д'Арлингтонъ*, *Тридцать лѣтъ или Жизнь Игрока*, первые проложили путь въ этотъ театръ тѣмъ великимъ, знаменитымъ писателямъ, которые позже утвердили привязанность публики къ нему.

Викторъ Гюго, Казимиръ Делавинь, Александръ Дюма писали для М-lle Жоржъ, М-me Дорваль, для Фредерика Леметра и Бокажа!

Самый замѣчательный успѣхъ на этомъ театрѣ имѣли: *Антоній*, *Лукреція Борджіа*, *Зажигатель* и *Нельская Башня*, эта изумительная драма, надѣлавшая столько шуму и запятнавшая имя Дюма. Но самое цвѣтущее состояніе театра de la Porte-Saint-Martin было, безъ сомнѣнія, когда онъ находился подъ дирекціей Гареля.

Théâtre de la Gaieté. Основателемъ его былъ, въ 1770 году, нѣкто Ж. Б. Николе, который два года спустя послѣ открытія своего театра удостоился чести играть въ Шоази, у знаменитой Дюбарри. Людовикъ XV былъ такъ восхищенъ этой труппой, что позволилъ актерамъ называться *великими королевскими танцорами*.

Главный актеръ труппы Николе была—обезьяна, которая пользовалась колоссальною извѣстностью, вотъ по какому случаю:

Моле, актеръ при театрѣ *французской комедіи* (de la Comédie Française) занемогъ и кому-то пришла странная мысль замѣнить его обезьяной. Ее посадили въ кресла, надѣли на нее халатъ съ узорами, ночной, шерстяной колпакъ съ розовой ленточкой и весь Парижъ бѣжалъ смотрѣть на новаго актера.

Знаменитая обезьяна умерла, а хозяинъ ея вскорѣ послѣдовалъ за нею.

Настала революція. Новая администрація театра поспѣшила перемѣнить названіе труппы своей и назвала свой театръ просто Gaieté (веселость). Это названіе, и въ подобную ужасную эпоху, могло показаться кровавой ироніей, тѣмъ-болѣе, что на сцену являлись только слѣдующія піесы: *Brutus*, *Fénelon* и *les Victimes cloitrées*. Наслѣднику Николе угрожало паденіе, когда знаменитый *Мартэнвиль* въ піесѣ *Le Pied de Mouton* снова привлекъ публику въ этотъ театръ.

Не-смотря на названіе театра имъ овладѣли не веселые, легкіе водевили или комедіи, но тяжелыя мелодрамы, которыми его щедрою рукою надѣлялъ Бушарди.

Въ 1835 театръ *de la Gaieté* былъ истребленъ пожаромъ. Девять мѣсяцевъ спустя, онъ былъ возобновленъ, и директоръ не можетъ не радоваться блистательному успѣху піесъ, поставляемыхъ имъ на сцену. Одна мелодрама *La Grâce de Dieu*, (которую даютъ теперь у насъ подъ названіемъ: *La nouvelle Fanchon*), выдержала болѣе 50 представленій *сряду!*

Théâtre de l'Ambigu-Comique. Ловкость и хитрость основателя этого театра, г. Одино, замѣчательна. Онъ купилъ привиллегію для постройки театра для маріонетокъ и нѣсколько времени забавлялъ ими дѣтей и нянюшекъ. Но вдругъ какимъ-то чудомъ куклы заговорили сами собою! Ростъ ихъ остался тотъ-же, но они движутся уже не по пружинамъ. Это актеры, настоящіе актеры, хотя ростъ ихъ не превышаетъ 10 вершковъ.... Вещь впрочемъ самая простая: директоръ замѣнилъ автоматовъ своихъ дѣтьми.

Прочіе театры зашумѣли. Всѣ кричали, что Одино не имѣетъ права давать *живыя* представленія, а онъ все молчалъ, далъ пройти грозѣ и украсилъ фронтисписъ театра своего латинскою надписью:

Sicut infantes audi nos,

которую простой народъ переводилъ:

C'est ici les enfants d'Audinot.

Послѣдствія этой перемѣны весьма понятны. Одино кормилъ, воспиталъ дѣтей своихъ, они подросли, потомъ выросли, и директоръ по-неволѣ уже долженъ былъ играть другія піесы. Дѣти, ходившія нѣкогда въ этотъ театръ, также подросли и по привычкѣ продолжали туда ходить, не замѣчая, что піесы и актеры перемѣнились и были уже приноровлены къ лѣтамъ и понятіямъ ихъ.... Вотъ какимъ образомъ родился, рось и выросъ театръ de l'Ambigu-Comique!

Въ 1827 году пожаръ, этотъ бичъ театровъ, истребилъ его. Онъ былъ возобновленъ, но видимо клонился къ упадку, такъ что новая администрація принуждена была объявить себя несостоятельною и закрыть театръ. Нынѣ онъ вновь процвѣтаетъ.

Cirque-Olympique. Этотъ циркъ принадлежитъ знаменитому волтижеру *Франкони*, который долгое время не имѣлъ постояннаго театра, но около 1810 поселился въ *Олимпійскомъ*

циркъ, гдѣ на просторѣ скачетъ на лошадяхъ своихъ, оглушая зрителей страшными выстрѣлами и ослѣпительными фейерверками. Циркъ нѣкогда служилъ театромъ индѣйскимъ фокусникамъ, китайскимъ плясунамъ и итальянскимъ акробаткамъ, которыя дѣлали разныя *штуки* на простой натянутой проволокѣ! Потомъ явились: карликъ Харви-Ликъ и знаменитый олень *Коко*, котораго сучковатые рога дамы охотно гладили, къ величайшему неудовольствію господъ мужей, принимавшихъ этотъ капризъ за личность; потомъ коза-акробатка, лошадь-гастрономъ и извѣстный *Кіуни*, актеръ—великанъ, хоботъ котораго всегда безпокоилъ капельмейстера, когда этотъ актеръ новаго рода выходилъ на сцену въ *Сіамскомъ слонѣ*.

Съ 1830 году овладѣла Циркомъ страсть къ побѣдамъ, и каждый день даются на немъ сраженія. Только изрѣдка позволяется попрыгать обезьянамъ, или льву Нумидійскихъ лѣсовъ лизать ноги своему смирителю!

Прочь со сцены ученыя животныя! прочь фокусники и плясуны! Начинаются битвы *съ выстрѣлами и великолѣпнымъ спектаклемъ!*... Дайте мѣсто Императору, *человѣку судьбы!*

И вотъ является герой, окруженный старой гвардіей своей, своими безстрашными воркунами. Это онъ, точно, это онъ! Его высокое чело, его орлиный взглядъ!... Впередъ гренадеры! Оружіе звучитъ, раздаются выстрѣлы, адъютанты безпрестанно скачутъ взадъ и впередъ, шумъ, крикъ, суматоха! Вездѣ является знакомая маленькая трехъ-угольная шляпа великаго царя битвъ! Гдѣ опасность, тамъ и онъ!...

Но мало-по-малу шумъ битвы утихаетъ. Раздаются побѣдные клики!... и усталые воины собираются около бивачнаго огня; хорошенькія маркитантши въ коротенькихъ платьицахъ разносятъ вино и водку.... веселый, оригинальный разговоръ завязывается.... потомъ опять пушки, опять война, и опять бивакъ, и опять пушки!

Театръ Франкони находится въ самомъ цвѣтущемъ состояніи.

Folies-Dramatiques. Открытъ 22-го января 1831 года и соперничествуетъ съ сосѣдомъ своимъ *la Gaieté*. Театръ второстепенный.

Délassements-Comiques, *Funambules* и *Lazari*. Вотъ три преимущественно народные театра, въ которые опасно зайдти человѣку не носящему ни блузы, ни передника каменщика, ни

грязнаго платья или страшнаго чепца пуассардки (рыбной торговки).

Въ первомъ представляются фарсы, о которыхъ не стоитъ и упоминать: такъ они, большею частію, грязны и неприличны.

Въ *les Funambules* отличается паяцъ *Дебюро*, прославленный Ж. Жаненомъ, который неумѣренными похвалами своими пожаловалъ его чуть не въ геніи. Этотъ театръ занятъ канатными плясунами.

Театръ *Lazari* обязанъ названіемъ своимъ одному бѣдному итальянцу, арлекинады котораго очень нравились въ 1777 году, и который застрѣлился съ горя, когда театръ его сгорѣлъ. Этотъ театръ, пользовавшійся нѣкогда извѣстностью, спустился нынѣ на нисшую степень.

Пока довольно о театрахъ; бросимъ взглядъ на новыя піесы, явившіяся въ прошедшемъ мѣсяцѣ на сценѣ въ Парижѣ.

THÉATRE DU VAUDEVILLE.

Hermance, комедія-водевиль въ трехъ дѣйствіяхъ, г-жи Ансло.

Между новыми піесами, о которыхъ мы упоминали въ прошедшей книжкѣ «Репертуара и Пантеона», мы проглядѣли одну, довольно-замѣчательную; спѣшимъ представить ее читателямъ нашимъ.

Новая піеса г-жи Ансло замѣчательна уже по подраздѣленію своему; судите сами: въ первомъ дѣйствіи играетъ главную роль *Любовь*, во второмъ *Несчастіе* и наконецъ въ третьемъ *Добродѣтель!*... Чего-же больше? Кажется на каждый изъ этихъ сюжетовъ можно-бъ написать по нѣскольку драмъ и комедій; вообразите-жъ, что должно выдти изъ соединенія ихъ!

Любовью начинается дѣйствіе комедіи, и гдѣ-же? въ Испаніи, этой странѣ вѣчно-голубаго неба, вѣчно-огненныхъ взглядовъ, вѣчно-острыхъ кинжаловъ и вѣчно-цвѣтущихъ апельсинныхъ деревъ! Альфредъ де-Сенвиль, молодой французъ, храбрый, смѣлый и страстный, плѣняетъ сердце молодой и прелестной Эрмансы. Какой-то Альваресъ, Кастиліанецъ съ возвышенными чувствами и длинными усами, также любитъ Эрмансу, но она его и знать не хочетъ, потому-что любитъ Альфреда и взаимно любима имъ. Вотъ первая часть: *Любовь*; любовь при солнечномъ восходѣ, при

вечеромъ вѣткѣ, при журчащемъ ручейкѣ, на горахъ, въ долинѣ—всегда и вездѣ! Когда любовь видитъ, что можетъ продолжительностью своею надоѣсть публикѣ, то посылаетъ—

Несчастіе, являющееся въ видѣ усатаго Альвареса. Онъ злопамятенъ, а потому затѣваетъ ссору и вызываетъ Альфреда на дуэль. Соперники встрѣтились, и бѣдный Альфредъ де-Сенвиль падаетъ, пораженный смертельно страшными ударами усатаго и злопамятнаго Кастильянца. Слухъ о смерти Альфреда доходитъ до Эрмансы и, вмѣсто того, чтобы удостовѣриться въ справедливости этого слуха, она бросается въ воду.

Но Альфредъ не убитъ, а Эрманса не потонула. Первый излечился отъ ранъ, ему нанесенныхъ, и оплакиваетъ мнимую смерть своей возлюбленной, которая вышла изъ воды какимъ-то чудомъ и вступила въ монастырь, желая постричься въ монахини, все отъ того, что она думаетъ, что милый Альфредъ ея уже не существуетъ на этомъ свѣтѣ. И такъ оба плачутъ, несчастіе доведено до высшей степени, пора явиться на сцену—

Добродѣтели. Прошелъ годъ. Альфредъ, не надѣясь увидѣться съ Эрмансой въ этомъ мірѣ, съ горя женится на сестрѣ ея, Валеріи, и переѣзжаетъ съ нею въ свой замокъ, во Францію Оба любятъ другъ-друга, и они были-бъ очень счастливы, если-бъ не надоѣдали имъ росказни стараго слуги, ужаснаго труса, который будто-бы всякую ночь видитъ привидѣніе, одѣтое въ трауръ и прогуливающееся по парку и по корридорамъ замка. Пусть старый трусъ вѣритъ въ привидѣнія, но мы съ вами, читатель, выше этихъ предразсудковъ и тотчасъ догадываемся, что это привидѣніе, вѣрно... Эрманса.

Но интересъ зрителей возбуждается еще тѣмъ, что въ замкѣ находится и Альваресъ, который, какъ водится, подружился съ Альфредомъ послѣ поединка. Вы видите, что все въ порядкѣ и всѣ на лицо. Вы понимаете также, что если Эрманса показалась-бы безъ всякихъ церемоній, то надѣлала-бъ ужасную суматоху, а потому она является сначала только слугѣ, который ужасно труситъ, потомъ приходитъ она къ сестрѣ, которая узнаетъ ее и принимаетъ съ радостью. Скажи Валерія, что сестра ея воротилась и конецъ піесѣ! Но нѣтъ, г-жа Ансло очень хорошо умѣетъ приготовлять сценическіе эффекты Валерія не говоритъ сестрѣ,

что мужъ ея никто иной какъ *покойникъ* — Альфредъ, и скрываетъ отъ мужа, что *покойница* — Эрманса жива и находится у нихъ въ замкѣ въ званіи привидѣнія!... Г-жа Ансло смѣло можетъ повѣрять героямъ своимъ всѣ тайны: она очень хорошо знаетъ, что безъ позволенія ея, они не проболтаются. Альфредъ сидитъ въ своемъ кабинетѣ, въ какомъ-то полузабвеніи, вѣроятно, послѣ сытнаго обѣда, какъ вдругъ дверь отворяется, входитъ Эрманса и узнаетъ Альфреда.

— Какъ! Альфредъ живъ!

Первое изумленіе. Картина.

Альфредъ приходитъ въ себя отъ восклицанія Эрмансы, узнаетъ ее и восклицаетъ:

— Какъ! Эрманса жива!

Второе изумленіе. Картина.

За изумленіемъ слѣдуетъ восторгъ, потомъ радость и наконецъ — только удовольствіе.

— Знаешь-ли Эрманса, что я женатъ? восклицаетъ наконецъ Альфредъ уже *безъ* удовольствія.

— На комъ?

— На твоей сестрѣ!

Третье изумленіе. Картина.

Эрманса удаляется, а Альфредъ падаетъ въ обморокъ. Пришедъ въ себя, онъ видитъ себя окруженнымъ женой и друзьями.

— Гдѣ Эрманса? спрашиваетъ онъ, но видя, что ея нѣтъ, онъ прибавляетъ: мнѣ пригрезилось....

Но Валерія догадывается наконецъ, въ чемъ дѣло и горько плачетъ. Альфредъ одинаково любитъ Эрмансу и Валерію, но находясь не въ Турціи, не знаетъ какъ помочь горю, и слезно плачетъ. Эрманса чувствуетъ, что для нея нѣтъ уже счастія въ этомъ мірѣ, и рыдаетъ. Одинъ Альваресъ не плачетъ и то потому только, что не знаетъ, въ чемъ дѣло. Наплакавшись до сыта, Альфредъ начинаетъ разсуждать и заключаетъ тѣмъ, что ему кажется, что онъ любитъ Валерію больше, а Эрманса, въ порывѣ *добродѣтели* рѣшается пожертвовать собою и выходитъ за нѣкогда-отвергнутаго Альвареса.

Изъ разсказаннаго нами видно, что въ новой піесѣ ужасно много слезъ, отчего она могла-бы показаться *скучною*, но г-жа Ансло искусно вставила два чрезвычайно-комическія лица, г-на и г-жу де Сенъ-Сернекъ, такъ, что публика невольно переходитъ отъ слезъ къ смѣху и обратно.

Это одна изъ лучшихъ піесъ г-жи Ансло, какъ по содержанію, такъ и по отдѣлкѣ характеровъ дѣйствующихъ лицъ. Успѣхъ былъ огромный.

— *Brutus*, водевиль въ одномъ дѣйствіи, гг. Варена и Коайяка (Соуас).

Этотъ Брутъ нисколько не похожъ на древняго римскаго Брута. Это какой-то дурачокъ, котораго преслѣдуетъ судьба: онъ попадается въ полицейскіе служители, за что въ революцію его хотятъ повѣсить, и много другихъ глупостей.

THÉATRE DE L'ODÉON.

La famille Renneville (Семейство Ренваль), комедія въ трехъ дѣйствіяхъ, въ прозѣ, гг. Леонсъ и Молери.

Артюръ де Ренвиль женился противъ воли отца на молодой дѣвушкѣ, ужасной кокеткѣ, честолюбивой и не-совсѣмъ добродѣтельной. Ее звали.... кажется, Амеліей. Бѣдный Артюръ сдѣлалъ большую глупость, и самъ сознался въ томъ, когда Амелія оставила его, чтобы убѣжать со своимъ любовникомъ. Пораженный въ сердце, бѣдный мужъ умираетъ.... тогда вѣроломная начинаетъ раскаяваться. Она оплакиваетъ того, кого такъ оскорбила, вспоминаетъ о дочери, которую покинула ребенкомъ и является подъ именемъ г-жи Гюберъ въ Ренвильскій замокъ, гдѣ въ горести доживалъ остатокъ дней своихъ старый отецъ Артюра, который немедленно убилъ-бы г-жу Гюберъ, еслибъ узналъ, что то была несчастная Амелія. Старый графъ принялъ ее очень хорошо сначала какъ служанку, но послѣ, замѣтивъ, что она была образованна, онъ пожаловалъ ее въ компаньонки.

Какъ описать радость, восторгъ, блаженство матери, свидѣвшейся съ милою дочерью Каролиной? Какъ описать горесть и слезы ея, при той мысли, что она не смѣетъ открыть дочери, что она мать ея! Ужасное положеніе, которое еще болѣе увеличивается тѣмъ, что Каролина должна выдти, по волѣ стараго графа, за одного изъ племянниковъ его! А между-тѣмъ бѣдная дѣвушка любитъ другаго и сознается въ томъ гувернанткѣ своей, г-жѣ Гюберъ. Что дѣлать? Наступаетъ рѣшительная минута. Графъ де Ренвиль хочетъ заставить Каролину повиноваться волѣ его, Каролина сопротивляется.... Вдругъ г-жа Гюберъ очень-кстати вспоминаетъ,

что она Амелія, а, слѣдовательно, мать Каролины, и забывая все, открываетъ всѣмъ тайну, которую такъ долго скрывала.

Эта сцена производитъ большой эффектъ. Графъ въ бѣшенствѣ; онъ готовъ предать проклятію Амелію, Каролину, себя самого, всѣхъ, какъ вдругъ авторы ловкимъ поворотомъ поправляютъ все дѣло. Всѣ мирятся и цѣлуются.

Піеса эта написана и составлена очень недурно, а потому имѣла успѣхъ.

— *L'hameçon de Phénice*, (Удочка Фениціи), комедія въ одномъ дѣйствіи, въ стихахъ; подражаніе Лопе де-Вега, г-на Ипполита Люка.

Оригиналъ, съ котораго передѣлана эта піеса, принадлежитъ къ числу самыхъ милыхъ комедій плодовитаго испанскаго писателя Лопе де-Веги; вотъ уже два столѣтія, какъ она держится на сценѣ испанскихъ театровъ. Мысль перевесть эту піесу прекрасна, но сочиненія Лопе де-Вега, неимѣвшаго опредѣленной драматической системы и стряпавшаго піесы свои въ 24 часа, требуютъ бо̀льшею частію измѣненій, для того, чтобы могли понравиться въ наше время. Молодой французскій писатель Ипполитъ Люка взялъ на себя этотъ трудъ и выполнилъ его удачно. Сохранивъ почти всѣ подробности испанской комедіи, онъ придалъ ей болѣе полноты, болѣе общаго, отбросивъ несвязный ходъ дѣйствія и оставивъ въ цѣлости всѣ острыя оригинальныя и комическія сцены. Не возможно было лучше и съ бо̀льшимъ вкусомъ перевесть и вмѣстѣ съ тѣмъ передѣлать эту піесу.

Обманутая нѣкогда человѣкомъ, котораго любила, Финиція рѣшилась мстить всѣмъ мужчинамъ. Величайшее удовольствіе и вообще занятіе ея состоитъ въ томъ, чтобы заманивать въ свои сѣти богатыхъ купцовъ или дѣтей знатныхъ фамилій и обогащаться—разоряя ихъ. Она обираетъ у нихъ все, что̀ можно обобрать, и по временамъ дѣлаетъ имъ незначительные подарочки, чтобы заставить ихъ отплачивать ей подарками-же, но уже драгоцѣнными. Вотъ что̀ называетъ она *закидывать удочку*.

Молодой Испанецъ, пріѣхавшій изъ провинціи, попадается на удочку Фениціи: она обираетъ его; но, по-счастію, слуга молодаго Испанца присматриваетъ и слѣдитъ за нимъ. Слуга уменъ, остороженъ и хитеръ: съ помощію этихъ трехъ качествъ ему удается отобрать у Фениціи перстень, цѣпочку, кошелекъ и даже 2000 червонныхъ, по мѣрѣ того, какъ господинъ его даритъ ихъ кокеткѣ. Ловкость слуги спасаетъ

молодаго Испанца отъ разоренія. Эта чрезвычайно-забавная интрига написана прелестными стихами.

Судя по первому успѣху, можно полагать, что піеса долго удержится на сценѣ.

Mademoiselle Rose, комедія въ трехъ дѣйствіяхъ, гг. Ва (Waes) и А. Роаіе.

М-lle Роза далеко уже перешла за тѣ, лѣта, когда жизнь женщины останавливается на точкѣ замерзанія; не-смотря на то, ей все еще кажется, что она способна возбудить любовь. У нея есть племянница Евгенія, въ которую влюбленъ молодой человѣкъ Донасьянъ. Этотъ Донасьянъ, весьма скромный и робкій юноша, нѣсколько разъ уже начиналъ говорить съ тантинъ Розой, чтобы объяснить ей все дѣло, но никакъ не могъ развить идеи своей и сбивался при первыхъ-же словахъ. Онъ очень боится сверхъ-того, чтобы тетушка не разсердилась.... она обѣщалась дать Евгеніи порядочное приданное, съ тѣмъ однакожъ условіемъ, чтобы она никогда не выходила за-мужъ!...

Какъ М-lle Роза узнаетъ, что молодой человѣкъ любитъ не ее, а Евгенію, какъ она противится браку ихъ и какъ потомъ соглашается и благословляетъ ихъ, все это такія вещи, которыхъ разсказывать нельзя; ихъ надобно видѣть на сценѣ, гдѣ онѣ могутъ имѣть, и имѣли, большой успѣхъ.

THÉATRE DE LA PORTE SAINT-MARTIN.

M-lle de Lavallière, драма въ пяти дѣйствіяхъ, въ стихахъ, г. *Адольфа* Дюма.

Эта новая драма, какъ сочиненіе литературно-драматическое, весьма замѣчательна. Авторъ, по-видимому, человѣкъ еще молодой, хотѣлъ испытать силы свои, избравъ трудъ не маловажный; послушайте только имена дѣйствующихъ лицъ: Людовикъ XIV, Боссюэтъ, Мольеръ, Гизъ, Анна Австрійская, дѣвица де Лавальеръ, г-жа де Монтеспанъ! А аксессуарами весь *тогдашній* версальскій дворъ, дворъ Людовика XIV!...

Но разсмотрите сюжетъ драмы:

Дѣйствіе происходитъ въ 1660 году, въ Сенъ-Жерменскомъ замкѣ, у Королевы-матери. Людовикъ XIV юноша, незнакомый еще съ любовью, случайно видитъ дѣвицу де-Лавальеръ и плѣняется красотой ея. Является Мольеръ. Первая несообразность. Возможно-ли, чтобы комедіантъ, камердинеръ короля, осмѣлился безъ доклада войдти въ покои Королевы-

матери? Эта вольность унижаетъ нѣкоторымъ образомъ самого Мольера: она выставляетъ его какимъ-то шутомъ!... Мольеръ входитъ къ Королю, исполненный гнѣва и негодованія на придворныхъ вельможъ, которые преслѣдуютъ его насмѣшками.... Король успокоиваетъ его и Мольеръ удаляется. За этимъ слѣдуетъ одна изъ лучшихъ сценъ всей драмы. Людовикъ, находясь наединѣ съ дѣвицею де Лавальеръ преклоняетъ предъ нею колѣно и говоритъ:

Ecoutez, je ne suis qu'un homme de ma cour,
Un homme de vingt ans, qui vous aime d'amour.

Луиза де-Лавальеръ отвѣчаетъ ему:

Sire, que faites-vous? Sire, votre couronne,
Qui relève de Dieu, n'est aux pieds de personne.

Сцена эта прекрасна и написана мастерскими стихами.

Во второмъ дѣйствіи является какое-то вымышленное лицо, никогда не существовавшее при версальскомъ дворѣ—маркизъ де-Санта-Фіоръ. Король препоручаетъ ему вручить дѣвицѣ де-Лавальеръ письмо. Она сначала колеблется, но наконецъ не только беретъ письмо, но даже посылаетъ отвѣтъ и говоритъ:

Portez-lui ce billet....
Un billet, c'est-à-dire un peu plus qu'une lettre.

Послѣ этого авторъ вводитъ Боссюэта, славнаго епископа, съ орлинымъ взглядомъ, суровымъ и величественнымъ выраженіемъ лица, вдохновеннаго и краснорѣчиваго!... Опять несообразность! Боссюэтъ входитъ къ Луизѣ де-Лавальеръ и первый человѣкъ, котораго онъ встрѣчаетъ, никто иной, какъ Мольеръ, авторъ *Тартюфа!* Эти два человѣка идутъ вмѣстѣ, руку-объ-руку!... Непростительное сближеніе, особенно для того вѣка!

Еще прекрасная сцена. Придворныя дамы, завидуя красотѣ, молодости, скромности и терпѣнію Луизы, оскорбляютъ ее. Тогда Мольеръ защищаетъ молодую дѣвушку, потому-что, по мнѣнію автора, *оба несчастны по любви!*.. Помилуйте, да какое-жъ сходство можетъ быть въ этомъ отношеніи между Мольеромъ и дѣвицей де-Лавальеръ? Оба несчастны—это такъ! Но несчастія ихъ совершенно различнаго рода. Луиза, обманутая въ сладчайшихъ надеждахъ своихъ, покинутая королемъ, не отказывается однакожъ отъ любви своей и ищетъ утѣшенія въ молитвѣ и покаяніи! Мольеръ, нападающій на всѣхъ, смѣющійся надъ всѣми, видитъ, что онъ самъ попалъ

въ число тѣхъ, надъ которыми такъ смѣялся!... Она плачетъ о безчестіи своемъ; онъ плачетъ о женщинѣ, которая убѣжала отъ него съ любовникомъ. У Луизы страждетъ сердце, у Мольера тщеславіе!... Помилуйте, гдѣ-же тутъ сходство?

Въ третьемъ дѣйствіи происходитъ открытіе Версальскаго дворца и сада. Авторъ хотѣлъ придать болѣе величія драмѣ своей, украсивъ ее *великолѣпнымъ спектаклемъ*. Между-тѣмъ Мольеръ перечитываетъ любовную переписку жены своей съ обольстителемъ ея Фуке. Молодые вельможи насмѣхаются надъ несчастіемъ бѣднаго мужа и разсказываютъ всѣ подробности бѣгства г-жи Мольеръ (урожденной Бежаръ), съ Фуке:

Le soir on fut aux bois comme pour une chasse;
La forêt s'enflamma comme celle du Tasse;
Chaque lac eut son feu, chaque arbre son flambeau.
Le soleil, à vingt pas, ne serait pas plus beau.
Jusque-là c'était bien, la joie était parfaite,
Mais hélas!... Enfin, bref, le soir, après la fête,
On compta tous le monde,—à minuit.... il manquait
. . . . . la Béjart et Fouquet.

При этомъ сарказмѣ, Мольеръ не въ-силахъ владѣть собою. Онъ встаетъ внѣ себя, забываетъ, что находится во дворцѣ, у Короля, передъ знаменитѣйшими вельможами, и начинаетъ осыпать ихъ упреками.

— Твой дядя, восклицаетъ онъ, обращаясь къ одному изъ придворныхъ, убилъ Генриха III!—Другому: Тетка твоя подкупила убійцъ Генриха IV! Вы ничто-иное какъ плясуны, шуты, игрушки королевскія! Я не знаю ничего смѣшнѣе и подлѣе васъ!...

Вотъ что говоритъ Мольеръ, и Король не заставляетъ его замолчать, придворные спокойно слушаютъ его ни одна шпага не обнажается, чтобы проэзить дерзновеннаго!... Худо-жъ вы знаете, г-нъ Дюма, придворныхъ того времени!

Мольеръ покричалъ, побѣсился и Король останавливаетъ его слѣдующими словами:

— Ну, полно, кончимъ эту *комедію!* Ты ее сыгралъ прекрасно!

Слово *комедія* поражаетъ Мольера въ сердце и заставляетъ его опомниться. Обращаясь къ герцогинѣ де-Лавальеръ, которая вся въ слезахъ, потому-что король даже не взглянулъ на нее, онъ говоритъ:

Duchesse, allons, levez-vous, il faut bien
Venger la courtisane avec le comédien!

И это говоритъ Мольеръ *комедіантъ*, *герцогинѣ* де-Лавальеръ!...

Въ четвертомъ дѣйствіи Луиза впадаетъ въ немилость. Свиданіе ея съ Королемъ скучно, безъ интереса, вяло.... Людовикъ уже не любитъ ея, Монтеспанъ безпрестанно ее оскорбляетъ, и бѣдная дѣвушка, достойная лучшей участи, рѣшается удалиться въ монастырь. Къ ней является новый заступникъ и утѣшитель — Боссюэтъ. Мѣсто комедіанта заступилъ епископъ! Не понимаемъ, что̀ за страсть у Дюма безпрестанно ставить этихъ двухъ людей въ параллель? Но мы забыли, что Мольеръ сравнивается не съ однимъ Боссюэтомъ; судьба его (по мнѣнію автора) чрезвычайно сходствуетъ съ судьбой г-жи де-Лавальеръ, а потому надобно поддержать характеръ піесы до конца.

Г-жа де-Лавальеръ умираетъ для свѣта, слѣдовательно, и Мольеръ долженъ умереть. *La courtisane* постригается въ монахи; *le comédien* умираетъ отъ апоплексическаго удара.... Она покидаетъ свѣтъ, оплакивая вѣроломнаго; онъ умираетъ, произнося имя невѣрной жены и *проклиная людей*!... И Боссюэтъ утѣшаетъ комедіанта въ послѣднія минуты его!

Неужели авторъ забылъ или не знаетъ о непримиримой враждѣ, существовавшей между этими двумя людьми? Неужели онъ забылъ взаимную ненависть ихъ?

Скажемъ наше мнѣніе: вся драма Дюма 2-го есть ничто иное, какъ *мечта* молодаго поэта, исполненнаго ума, чувства, души, краснорѣчія, но все-таки *мечта*, восторженная и лишенная даже правдоподобія!... Вездѣ поэзія — правды-же и исторіи нѣтъ. Послушайте только послѣднее, пятое дѣйствіе.

Темная ночь, на небѣ ни звѣздочки. Весь городъ слѣдуетъ за гробомъ своего великаго философа, артиста и писателя. Тутъ-же выходятъ на сцену король, Боссюэтъ, герцогиня де-Лавальеръ и всѣ дѣйствующія лица. Авторъ, по̀ видимому, разсчитывалъ, что послѣднее дѣйствіе произведетъ сильнѣйшій эффектъ! Онъ не ошибся, но можетъ-ли онъ отнести это къ чести своей? Кажется, нѣтъ. Ночь, факелы, гробъ, черные плащи — могутъ произвесть на насъ сильное дѣйствіе и въ жалкомъ произведеніи, какого-нибудь бездарнаго писаки....

Вотъ стихъ, которымъ оканчивается драма.

Molière à Saint-Josephe.... Louise aux Carmélites!

Благодаря истинному дарованію Адольфа Дюма, проявляющемуся почти въ каждой сценѣ, въ каждомъ стихѣ, піеса имѣла блистательный успѣхъ.

THÉATRE DES VARIÉTÉS.

J'ai du bon tabac dans ma tabatière, водевиль въ двухъ дѣйствіяхъ, гг. Денойе и Данвена.

Дѣйствіе происходитъ во времена Людовика XIV.

Г. Камю, содержатель табачной лавки, не знаетъ въ свѣтѣ ничего выше нюхальнаго табаку, исключая жены своей. Всѣ вельможи заходятъ къ нему въ лавку, но менѣе за табакомъ, чѣмъ за женой, въ которую они всѣ влюблены. Одинъ изъ нихъ, маркизъ де Фонтанжъ, болѣе другихъ влюбленъ въ хорошенькую жену табачника, а потому безъ церемоніи говоритъ ей:

— Я люблю тебя, прелестная г-жа Камю, и если ты согласишься, въ чемъ я и не сомнѣваюсь, раздѣлить любовь мою, то мы натянемъ порядочный носъ мужу твоему.... Хочешь?

Г-жа Камю, можетъ, быть, и не отказалась-бы, но она находитъ, что у мужа ея и безъ того длиненъ носъ, а потому отвергаетъ всѣ предложенія маркиза. Но вотъ является другой обожатель, очень-молодой человѣкъ изъ знатной фамиліи; онъ ухаживаетъ за г-жою Камю и счастливѣе де-Фонтанжа, который узнавъ о томъ, хочетъ непремѣнно драться съ своимъ соперникомъ, въ которомъ узнаетъ.... кого? какъ вы думаете? — Переодѣтую женщину, которую онъ когда-то любилъ и которая изъ ревности рѣшилась оспорить у него сердце г-жи Камю. Все объясняется и табачный торгашъ спасенъ.

Піеска эта очень-забавна, хотя въ ней и нѣтъ ничего новаго

THÉATRE DU PALAIS-ROYAL.

L'homme de paille. (Отвѣтчикъ), комедія въ одномъ дѣйствіи, съ куплетами, Гг. Лефрана и Лабиша.

Какой-то господинъ Шанвилье, не любящій, чтобы его обвиняли въ чемъ-бы то ни было, рѣшается ссылаться и обвинять во всемъ вымышленное лицо и дѣлать его *отвѣтчи-*

комъ за всѣ глупости, которыя онъ самъ въ состояніи сдѣлать.

— Боже мой! г-нъ Шанвилье, какъ вы дурно причесаны! говорятъ ему, а онъ немедленно отвѣчаетъ:

— Меня причесывалъ этотъ негодный Канбьякъ! — Онъ выдумалъ это имя для своего *отвѣтчика*.

Все, что нехорошо, въ томъ виноватъ Канбьякъ. Вообразите-ж страхъ и изумленіе г. Шанвилье, когда онъ случайно встрѣчается съ однимъ господиномъ, котораго зовутъ именемъ, о которомъ Шанвилье отзывался всегда съ такимъ презрѣніемъ.

Піеска очень-забавная и остроумная. Она напоминаетъ забавный водевиль *Le Porte-Respect*, игранный нѣсколько лѣтъ тому назадъ у насъ, на Михайловскомъ театрѣ.

— *La fille de Figaro* (Дочь Фигаро), водевиль въ пяти дѣйствіяхъ, г. Мельвиля.

Съ-тѣхъ-поръ какъ водевиль *Les Mémoires du Diable* надѣлалъ столько шуму въ Парижѣ и даже у насъ, ни одна піеса не имѣла такого успѣха, какъ *Дочь Фигаро*, которая имѣетъ много сходственнаго съ *Записками Дьявола*; роль ловкаго и умнаго Робена замѣнена въ новой піесѣ ролью хитрой торговки Аспазіи, которая, ходя по домамъ и мѣняя новыя вещи на старыя, никакъ не упускаетъ случая узнавать всѣ домашнія подробности.

Однимъ-словомъ, піеса эта очень-недурна и, можетъ-быть, въ слѣдующей книжкѣ, мы будемъ имѣть случай поговорить о ней подробнѣе.

THÉATRE ROYAL DE L'OPÉRA-COMIQUE.

Angélique et Médor. (Ангелика и Медоръ), комическая опера въ одномъ дѣйствіи, слова г. Соважа, музыка Г. А. Тома.

Вотъ сюжетъ этой простенькой, но довольно-милой оперетки:

Въ оперномъ театрѣ идутъ репетиціи *Роланда*. М-lle Розалія должна играть роль Анжелики, а молодой пѣвецъ Мюге—Медора. Вдругъ Мюге, влюбленный въ Розалію, начинаетъ подозрѣвать ее въ невѣрности. Онъ узналъ, что она принимаетъ у себя какого-то вельможу, и съ горя не хочетъ играть съ нею. Директоръ въ отчаяніи. Но успокойтесь! Этотъ вельможа никто иной, какъ отецъ Розаліи, и все устроивается къ общему удовольствію.

THÉATRE DE L'AMBIGU COMIQUE.

Eulalie Pontois, (Эйлалія Понтуа) драма въ 5-ти дѣйствіяхъ, съ прологомъ, соч. *Фр. Сулье*.

Эта драма передѣлана Фридерикомъ Сулье изъ повѣсти подъ тѣмъ-же названіемъ и имъ-же самимъ написанной. Несмотря однакожъ на то, что содержаніе было заранѣе извѣстно, піеса имѣла большой успѣхъ и исторгла много слезъ изъ глазъ чувствительныхъ зрителей.

Понтуа, управитель маркизы де-Субиранъ, убиваетъ ее въ то время, когда она и сама близка уже къ смерти. Цѣлію злодѣянія его было—похитить духовное завѣщаніе маркизы и овладѣть ея имѣніемъ. Никто не былъ свидѣтелемъ этого преступленія кромѣ—родной его дочери, Эйлаліи. На нее падаетъ подозрѣніе: Эйлалія осуждена на смерть—но она ни за что̀ не откроетъ настоящаго преступника.

Эйлаліи однакожъ удалось укрыться отъ преслѣдованія закона. Скитаясь въ горахъ швейцарскихъ, она спасаетъ жизнь одному молодому живописцу Мануэлю; Мануель предлагаетъ сердце и руку прекрасной незнакомкѣ: сердце его принято, рука отвергнута.... Чтобы выйдти за-мужъ за Мануэля, Эйлаліи надобно объявить свое имя, и вмѣсто брачнаго алтаря идти на эшафотъ.

Эйлалія и Мануэль ѣдутъ въ Парижъ, страстно влюбленные другъ въ друга. Здѣсь живутъ они скромно, закрыто, счастливые любовью своею.... Но чѣмъ больше скрытности, тѣмъ больше возбуждается любопытство. Въ таинственное убѣжище Эйлаліи прокрадывается нѣкто Поль Вернонъ. При видѣ его, Эйлалія вскрикиваетъ:—Ты убійца, злодѣй, воръ!—А ты—приговорена къ смерти, возражаетъ ей перемѣнившій имя отецъ ея.

Является Мануэль. Онъ узнаетъ о посѣщеніи Вернона. Ревность, гнѣвъ, негодованіе выводятъ его изъ границъ. Онъ жестоко оскорбляетъ бѣдную Эйлалію,—мало того, выгоняетъ ее изъ дому.... «И ты меня считаешь преступницей»? говоритъ Эйлалія, о «смерть мнѣ, смерть!...»

Но къ-счастію вскорѣ все перемѣняется. На Поля Вернона доказываетъ Правосудію его соумышленникъ Денньвилль; духовное завѣщаніе, которое этотъ Денньвилль передалъ Вернону, было подложное; настоящее-же находится въ рукахъ нотаріуса Вобріана. Невинность Эйлаліи доказана ясно, а сверхъ-того, къ величайшему счастію Мануэля, открывается,

что она дочь не Понтуа (Поля Вернона), а—графа Шанжирона. Эйлалія охотно прощаетъ Мануэлю его несправедливость и отдаетъ ему руку и сердце, которое давно уже ему принадлежало.

Драма имѣетъ много эффектныхъ, *раздирательныхъ* сценъ. Четвертый актъ просто наводитъ ужасъ. При искусной игрѣ актеровъ неудивительно, что эта піеса имѣла успѣхъ.

THÉATRE-FRANÇAIS.

Les petits et les grands, комедія въ пяти дѣйствіяхъ, соч. Гареля.

Первое дѣйствіе происходитъ въ Моденѣ, около 1760 года. Фабричіо, артистъ, граверъ и писатель, влюбленъ въ маркизу делла Порта, и поручаетъ другу своему Франсони, большому чудаку, передать маркизѣ письмо, въ которомъ Фабриціо изъясняется ей въ любви. Въ то-же время маркизъ делла Порта старается обольстить Антонію, сестру Фабричіо. Между-тѣмъ какъ бѣдный артистъ не видитъ возможности достигнуть цѣли своей, маркизъ имѣетъ въ рукахъ всѣ средства. Фабричіо бѣденъ, у него есть долги, и маркизъ, подъ именемъ одного изъ своихъ управляющихъ, покупаетъ расписку артиста, и безпрестанно заставляетъ его уходить изъ дому, приказавъ управляющему призывать его къ себѣ, какъ-бы для сдѣлки, а между-тѣмъ самъ въ это время идетъ къ Антоніи, которая съ отвращеніемъ отвергаетъ всѣ предложенія его: она любитъ Маттеи, молодаго и бѣднаго офицера гвардіи Моденскаго герцога. Однакожъ Фабричіо вскорѣ узнаетъ продѣлку маркиза и угрожаетъ ему мщеніемъ. Но онъ не можетъ привести въ исполненіе угрозъ своихъ, потому-что получаетъ отъ герцога приказаніе—немедленно удалиться изъ Модены. Это изгнаніе не есть слѣдствіе жалобъ маркиза; но герцогу попалось въ руки письмо Фабричіо къ маркизѣ, которую герцогъ самъ любитъ.

Во второмъ дѣйствіи мы въ кабинетѣ герцога. Разговаривая съ министромъ своимъ о государственныхъ дѣлахъ, онъ не забываетъ и собственныхъ. Его чрезвычайно забавляетъ письмо Фабричіо. Тутъ-же Маттеи, пользуясь веселымъ расположеніемъ герцога, упрашиваетъ его помиловать бѣднаго Фабричіо, и герцогъ позволяетъ артисту воротиться въ его владѣнія.

Въ слѣдствіе какихъ-то непріятностей, герцогъ принужденъ объявить Венеціи войну. Чтобы сдѣлать эту войну на-

родною, онъ сзываетъ всѣхъ дворянъ, купцовъ и даже простой народъ на совѣщаніе. Фабричіо, тщетно искавшій маркиза во дворцѣ, чтобы отомстить ему за намѣреніе обольстить Антонію, вмѣщивается въ толпу, въ надеждѣ увидѣть маркиза на совѣщаніи И точно, въ то самое время, когда Сфорца (министръ) и самъ герцогъ, самымъ краснорѣчивымъ образомъ стараются доказать пользу и даже необходимость этой войны, Фабричіо оскорбляетъ маркиза и вызываетъ его на дуэль. маркизъ не удостоиваетъ артиста отвѣтомъ. По окончаніи совѣщанія, герцогъ узнаетъ все дѣло, и приходитъ въ величайшій гнѣвъ; но желая сдѣлаться какъ можно болѣе народнымъ, онъ отзываетъ маркиза и Фабричіо въ сторону и заставляетъ обоихъ отказаться отъ намѣреній своихъ; потомъ всѣ вмѣстѣ отправляются въ залу пиршества. Маркиза находится въ числѣ придворныхъ дамъ, и Фабричіо не можетъ отвести взора отъ той, которую такъ страстно любитъ, и ищетъ только средствъ, какъ-бы сблизиться съ нею; вдругъ является Франсони и разсказываетъ артисту, что сестру его похитили, вѣроятно, люди, подкупленные маркизомъ. Фабричіо внѣ себя, хочетъ непремѣнно видѣть герцога. Слуги принимаютъ его за безумнаго и выгоняютъ.

Въ антрактѣ между вторымъ и третьимъ дѣйствіемъ, Фабричіо и Франсони пускаются въ погоню за похитителями, настигаютъ ихъ, спасаютъ Антонію. Все это прекрасно, но Фабричіо смертельно ранилъ кучера.

И такъ по поднятіи занавѣса мы только узнаемъ, что все это уже совершено. Сцена раздѣлена на двѣ половины. Съ одной стороны, бѣдный артистъ въ темной, мрачной темницѣ; съ другой довольно-богато убранная комната смотрителя темницы. Франсони и Антонія посѣщаютъ Фабричіо и говорятъ, что съ помощію одной знатной дамы, они доставятъ ему средства спастись.—Но и маркизъ, какъ похититель, присужденъ къ недѣльному заключенію, въ квартирѣ смотрителя. Тутъ довольно забавная сцена: темничный докторъ обходитъ всѣ отдѣленія, и находитъ, что въ мрачномъ, сыромъ и душномъ уголку, гдѣ заключенъ бѣдный артистъ, воздухъ очень чистъ и здоровъ, между-тѣмъ-какъ тамъ, гдѣ находится маркизъ, онъ видитъ тысячу неудобствъ. Но знатная дама, о которой говорили артисту сестра и другъ, никто иная, какъ маркиза: она исполняетъ обѣщаніе свое и узнавъ, что Фабричіо присужденъ къ смерти, даетъ ему средства спастись. Маркизъ-же, узнавъ о бѣгствѣ врага своего, начинаетъ

подозрѣвать жену, но не имѣетъ возможности изслѣдовать этого дѣла, потому-что получаетъ отъ герцога депешу, по которой онъ назначается посломъ въ Венецію, для мирныхъ переговоровъ. Маркиза чрезвычайно безпокоится, потому-что и Фабричіо туда-же отправился.

Четвертое дѣйствіе — въ Венеціи. Маркизъ тамъ посланникомъ, и узнавъ, что Антонія находится тамъ-же съ братомъ, опять начинаетъ преслѣдовать ее, между-тѣмъ какъ Фабричіо вновь придумываетъ средства свидѣться съ маркизой. Чтобы получить доступъ во дворецъ маркиза, онъ пишетъ къ послѣднему письмо, въ которомъ объясняетъ, какимъ способомъ лучше заключить миръ. маркизъ въ восторгѣ отъ этого письма, тѣмъ-болѣе, что ему этимъ представляются средства къ достиженію цѣли своей. Онъ ласково принимаетъ артиста и диктуетъ ему совершенно непонятное письмо; этимъ письмомъ маркизъ вовлечетъ Антонію во дворецъ, но пока онъ о томъ хлопочетъ, Фабричіо встрѣчаетъ маркизу и описываетъ ей любовь свою. Маркизъ застаетъ ихъ и готовъ уже сердиться, какъ вдругъ входитъ Антонія и спрашиваетъ брата, зачѣмъ онъ писалъ ей, чтобы она пришла во дворецъ маркиза?

Маркизъ и тутъ выпутывается и говоритъ, что онъ призвалъ Антонію единственно для того, чтобъ объявить ей, что братъ ея будетъ прощенъ. Фабричіо однакожъ догадывается, въ чемъ дѣло и удаляется, рѣшившись спасти сестру отъ противныхъ преслѣдованій. Является курьеръ, которому было дано препорученіе, отнять, хотя-бы силой, у другаго курьера письмо, посланное Дожемъ къ своему посланнику въ Модену. Письмо это не заключаетъ въ себѣ ничего замѣчательнаго, но вмѣстѣ съ нимъ находится еще сложенная бумажка: это записка женщины, нѣчто въ родѣ сплетень. Маркизъ читаетъ, что связь жены его съ герцогомъ всѣмъ извѣстна, и что всѣ венеціянскія дамы между собою называютъ се въ насмѣшку *герцогиней*. Маркизъ въ бѣшенствѣ. Тутъ-же приходятъ ему сказать, что миръ не состоится; маркизъ въ отчаяніи!... Маркиза даетъ знать артисту, что она была вынуждена открыть мужу своему содѣйствіе свое къ его побѣгу.

— Я погибъ! говоритъ Фабричіо, если не сдѣлаюсь человѣкомъ нужнымъ маркизу; и нѣсколько времени спустя, онъ опять входитъ къ нему въ милость, умѣвъ возобновить мирные переговоры, но не на долго: маркизъ узнаетъ, что онъ

отослалъ сестру въ Феррару и рѣшается въ-тайнѣ отомстить артисту, который, благодаря уму и ловкости своей, успѣваетъ окончить переговоры и утвердить миръ. Тогда маркизъ изъ мести и изъ боязни, чтобы Фабричіо не открылъ, что ему одному принадлежитъ вся честь заключенія этого мира, отказываетъ ему даже въ мѣстѣ.

— Неблагодарность! восклицаетъ артистъ: но у меня въ рукахъ тайна, доставленная мнѣ случаемъ, и я воспользуюсь

Въ пятомъ дѣйствіи мы опять въ Моденѣ. Маркизъ пожалованъ въ министры, Фабричіо-жъ въ крайности, и притомъ объ немъ всѣ говорятъ, что онъ былъ шпіономъ въ Венеціи. Слухъ этотъ распущенъ и поддерживается маркизомъ.

Наконецъ нищета, голодъ заставляютъ Фабричіо поддѣлать ассигнацію; его схватываютъ. Маттеи умоляетъ герцога о пощадѣ, но онъ рѣшился показать строгій примѣръ. Является маркиза, и Фабричіо проситъ, чтобы ему позволили переговорить съ маркизомъ на-единѣ.

Тайна, которую случай доставилъ въ руки артиста, состоитъ въ слѣдующемъ: между бумагами маркиза, Фабричіо нашелъ собственноручную записку его, по которой онъ готовъ былъ продать себя претенденту, брату герцога.

Маркизъ въ отчаяніи.

— Что съ вами? спрашиваетъ маркиза.

— Я погибъ! Я пропалъ! если герцогъ не помилуетъ Фабричіо!

Маркиза научаетъ его, какъ поступить. Взглядъ государя есть уже помилованіе, а потому артиста впускаютъ къ герцогу, и тотъ ему прощаетъ, съ особеннымъ удовольствіемъ поглядывая на Антонію. Фабричіо остается въ Моденѣ; ему даютъ мѣсто и онъ питается сладкой надеждой, что когда-нибудь маркиза сжалится надъ нимъ. Маркизъ пожалованъ въ герцоги.

— Ну, такъ и есть! думаетъ онъ, вспомнивъ о запискѣ, перехваченной въ Венеціи: ужъ когда жена давно *герцогиня*, то и мнѣ надобно-же было когда-нибудь сдѣлаться герцогомъ!...

Вотъ сюжетъ новой комедіи остроумнаго и наблюдательнаго писателя и вмѣстѣ директора театра, Гареля. Основная мысль ея та, что одна и та же-вещь можетъ быть преступной или невинной, смотря потому, на которой ступени общества происходитъ.... Успѣхъ былъ замѣчательный.

=

ВѢНСКІЕ ТЕАТРЫ.

Замѣчательныхъ новостей на вѣнскихъ театрахъ, въ теченіе этого мѣсяца, не было никакихъ, а потому и обозрѣніе *Вѣнскихъ театровъ* отлагается до слѣдующей книжки.

=

НОВОСТИ ИНОСТРАННЫХЪ ТЕАТРОВЪ ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ.

Что̀ сказать намъ о нѣмецкомъ театрѣ? Во весь нынѣшній мѣсяцъ были только три новыя піесы, въ два бенефиса. Каковы эти піесы и какъ они были сыграны?—это одинъ изъ тѣхъ вопросовъ, на которые намъ отвѣчать весьма-трудно, потому-что мы охотно выбирали-бъ изъ худаго хорошее, не упоминая о первомъ, но что̀-же прикажете дѣлать, когда нѣтъ втораго?

Первый бенефисъ былъ данъ 5-го мая, передъ отъѣздомъ г-жи *Лиллы-Леве* въ отпускъ.

Мы чрезвычайно удивляемся, какимъ образомъ такая милая, очаровательная актриса могла выбрать для своего бенефиса такую піесу, несообразную съ духомъ нашего времени, какова *Сынъ пустыни* (Der Sohn der Wildniß)? Скучная, тяжелая нѣмецкая драма, растянутая до-нельзя, хотя и написанная порядочными стихами, піеса эта не оставила рѣшительно никакого впечатлѣнія на душѣ зрителя, кромѣ — скуки, скуки и скуки! Самые терпѣливые Нѣмцы, которые могутъ восхищаться даже игрой г-на трагика Миллера, и тѣ не могли преодолѣть зѣвоты.

Театръ былъ пустъ, потому-что почти вся нѣмецкая, бо̀льшею частію музыкальная публика, собралась въ Большой театръ. Тамъ голосъ дивнаго пѣвца проникалъ до сердца, и приводилъ въ восторгъ....

Бѣдная г-жа Лилла-Леве! худо-же мы васъ проводили!

— Второй бенефисъ—*Г-на Миллера*, былъ въ среду, 19-го мая.

Едва мы проводили со сцены *Сына пустыни*, какъ на ней явился другой сынъ — *Сынъ волнъ*, романтическая драма въ пяти дѣйствіяхъ, соч. Бульвера, съ англійскаго перевелъ Бэрманнъ.

Піэса прекрасная, еслибъ ее *возможно* было сыграть на нашей нѣмецкой сценѣ. Эта одна изъ тѣхъ драмъ, которую едва-ли-бы можно было сыграть на театрѣ *de la Porte-Saint-Martin*, въ Парижѣ, не-смотря на то, что труппа тамъ многочисленная и прекрасно-составленная, а г-нъ Миллеръ ду-

малъ, что ее можно сыграть у насъ, нашими, болѣе чѣмъ слабыми нѣмецкими актерами!....

Главное дѣло въ этой драмѣ, какъ почти во всѣхъ сочиненіяхъ Бульвера, состоитъ въ наслѣдствѣ. Леди Арабелла, графиня Аррундельская, покинула по *какимъ-то* причинамъ старшаго сына своего, Артюра, который былъ найденъ и принятъ капитаномъ военнаго корабля Норманномъ. Капитанъ воспиталъ своего найденыша, усыновилъ его, и умирая, имѣлъ счастіе видѣть пріемыша своего капитаномъ. Летая по морямъ, Артюръ заѣзжаетъ въ тотъ замокъ, гдѣ живетъ мать его; тамъ встрѣчаетъ онъ молодую дѣвушку, Викторію, воспитанницу графини, которую онъ также *какъ-то* спасъ отъ смерти. Одного взгляда достаточно графинѣ, чтобы узнать сына своего, котораго она покинула *двухъ* или *трехлѣтнимъ* ребенкомъ, и который стоитъ теперь передъ нею *25-тилѣтнимъ мужчиной!* Что-то не вѣроятно!—У графини есть еще другой сынъ, Перси, котораго она нѣжно, страстно любитъ, слѣдовательно, очень-понятно, что внезапное появленіе Артюра ее безпокоитъ: она боится, чтобы онъ не открылъ тайны и не досталъ бумагъ, которыя могутъ сдѣлать его полнымъ властелиномъ надъ всѣмъ имѣніемъ, по праву маіората. Эти бумаги хранятся у сельскаго священника Онслоу. Но графиня спасена: узнавъ, что Артюръ и Викторія любятъ другъ друга, она хочетъ поскорѣе обвѣнчать ихъ и отправить подальше отъ себя. Однако она забыла, что и Перси влюбленъ въ Викторію и что гордый, неукротимый, тщеславный Перси, ни за что въ мірѣ не уступитъ никому возлюбленной своей. Интрига запутывается еще болѣе по милости родственника графини, стараго скряги, ужаснаго негодяя и честолюбца, сэра Мурфея, который подкупаетъ убійцъ, чтобы отнять у пастора бумаги, служащія доказательствомъ къ тому, что у Перси есть старшій братъ и, слѣдовательно, онъ незаконный владѣтель имѣнія Аррундельскаго.

Убійца нападаетъ на пастора, но почтенный старецъ готовъ лучше разстаться съ жизнію.... злодѣй наноситъ ему рану, но въ тоже мгновеніе является Артюръ и убійца спасается бѣгствомъ.

— Ты Артюръ! восклицаетъ вдругъ пасторъ; вотъ доказательства тому, что ты законный владѣтель великаго Аррундельскаго имѣнія.

Слѣдуетъ свиданіе сына съ матерью. Она не хочетъ признать его, потому-что не можетъ безъ ужаса представить

себѣ ту минуту, когда милый Перси ея долженъ будетъ отказаться отъ графскаго титла, отъ имущества, и отъ славы!

Вотъ главный интересъ всей драмы. Потомъ авторъ вплелъ весьма-слабую любовную интригу, разбойниковъ, ночь, капеллу, факелы и много другихъ эффектовъ, которые черезъчуръ устарѣли. Но графиня раскаявается—материнское сердце заговорило — она бѣжитъ къ старой часовнѣ, у которой Артюръ только-что спасъ жизнь Перси, между-тѣмъ-какъ послѣдній хотѣлъ обманомъ обвѣнчаться съ невѣстой его, Викторіей!

Этотъ поступокъ трогаетъ гордую графиню.

— Артюръ! ты сынъ мой! Обними-же мать свою!..

Но Артюръ, видя отчаяніе брата, сжигаетъ всѣ документы, служащіе доказательствомъ тому, что онъ настоящій владѣтель имѣнія Аррундельскаго, и Перси остается графомъ, а Артюръ простымъ капитаномъ военнаго корабля!...

Г-жа Миллеръ — Графиня, была недурна, хотя въ игрѣ ея проявляется какая-то рѣзкость, жесткость (Roheit); дѣвица *Шварцъ* — Викторія, была рѣшительно не на своемъ мѣстѣ; напрасно она берется за роли, которыя ей совсѣмъ не по-силамъ; оставалась-бы она лучше при субреткахъ или другихъ водевильныхъ роляхъ. *Г-жа Альбрехтъ* занимала роль компаніонки Викторіи; роль эта, хотя совершенно аксессуарная, была очень хорошо выполнена этой прекрасной актрисой. *Г. Миллеръ* — бенефиціантъ, въ роли Артюра, былъ.... Скажите, ради Бога, г. Миллеръ, неужели вы еще думаете, что стихи надобно *декламировать на-распѣвъ*, а не *говорить?* Неужели вы предпочитаете *пѣвучесть* выраженію? Пора-бы, кажется, бросить эту методу и поучиться, (за образцомъ вамъ недалеко ходить — *Г. Германъ* играетъ при вашихъ глазахъ) не искусственной, а натуральной декламаціи!.... Во второмъ дѣйствіи есть прекрасный монологъ, который г. Миллеръ *пропѣлъ* такъ, что послѣ первыхъ-же стиховъ у зрителей невольно слипались глаза. И къ-чему эти тѣлодвиженія, *округленные* жесты, притопываніе ногами, приличные уже конечно не трагику?... Мы не отнимаемъ у г. Миллера дарованія, но мы совѣтуемъ ему поучиться и поучиться, и ходить почаще во французскій театръ.... *Г. Толлеръ* или *Толлертъ* — Перси, не переставалъ бѣсноваться. Перси, этотъ избалованный, гордый, пылкій, но вмѣстѣ съ тѣмъ прелестный юноша, котораго представляетъ намъ въ драмѣ своей

Бульверъ, явился на сценѣ какимъ-то отчаяннымъ великаномъ — буяномъ! Впрочемъ мы желали-бы видѣть еще разъ г. Толлерта, только въ другой піесѣ: у него, кажется, есть дарованіе.

Г. Іерманнъ — сэръ Мурфей, старый скряга, былъ безъусловно хорошъ. Вотъ въ какихъ роляхъ мы-бъ желали почаще видѣть г. Іерманна! Мы видѣли скупаго честолюбца, готоваго принесть на жертву все, чтобы только достигнуть цѣли своей. Съ какимъ выраженіемъ произноситъ онъ слово: *золото!* Какъ взоръ его оживляется, руки судорожно дрожатъ, звѣрская улыбка искривляетъ ротъ.... Іерманна можно-бъ было только тогда вполнѣ оцѣнить, когда-бъ онъ былъ окруженъ лицами, болѣе достойными его. А то бросьте алмазъ въ... песокъ, и только знатокъ отъищетъ и оцѣнитъ его!... Мы должны извиниться въ томъ, что въ послѣдней книжкѣ *Репертуара и Пантеона* сказали, что публика охладѣла къ Іерманну. Нисколько! Апплодисманы и вызовы, которыми ему старались выразить благодарность за доставленное удовольствіе, были конечно прерываемы, по временамъ, невѣжливымъ шиканьемъ нѣкоторыхъ людей, которымъ нравятся кривлянья *инаго* или крики *другаго*, но г. Іерманнъ, вѣроятно, чувствуетъ собственное достоинство свое и не обратитъ вниманія на эти вздорныя интрижки.

За драмой слѣдовалъ водевиль: *Вотъ какъ нынче обдѣлываютъ дѣла!* (So macht man heut' zu Tage Geſchäfte), въ одномъ дѣйствіи, передѣланный съ французскаго.

Если хотите посмѣяться отъ-души, то идите смотрѣть этотъ водевиль. Гг. *Моръ* и *Голландъ* въ немъ уморительно-хороши. Дѣвица *Чекка* молода, хороша собою и очень мило поетъ. Піеска эта имѣла успѣхъ.

Вотъ все, что мы можемъ сказать о немѣцкомъ театрѣ; но за то, сколько пріятныхъ новостей на французской сценѣ, на которой владычествуетъ г-жа *Альберъ*, прелестная г-жа Альберъ, которой высокое дарованіе аристократическая публика Михайловскаго театра наконецъ оцѣнила, хотя еще не вполнѣ — и знаете-ли отъ чего?

Отъ того, что у насъ, сѣверныхъ жителей, подъ холодной оболочкой скрывается сердце пламенное, пылкое, неспособное раздѣлять или раздроблять привязанностей и восторговъ своихъ! *Un coeur pour deux amours* * можетъ существовать только на югѣ!... Спросите у кого хотите:

---

* Извѣстный романъ Жюль-Жанена. Дѣйствіе происходитъ въ Италіи.

— Видѣли-ли вы M-me Albert?

— Видѣлъ, отвѣтятъ вамъ небрежно; но слышали-ли вы Рубини? А? каковъ?

— Она прекрасная актриса!

— Да это, батюшка, что! Нѣтъ, вотъ вы послушайте-ка Рубини, такъ что послѣ этого *ваша* Альберъ!

Вамъ, можетъ-быть, никогда и на умъ не пришло-бы сравнивать Рубини съ г-жею Альберъ, и вы, пораженные странностію отвѣта, котораго не ожидали, по-неволѣ замолчите.

Не-смотря на набѣгъ Рубини на наши сердца, въ нихъ остался однакожъ еще маленькій уголокъ для г-жи Альберъ, потому-что театръ всегда полонъ, когда на аффишѣ выставлено готическими буквами имя ея, за которымъ слѣдуетъ обычное *premier sujet* и пр., и *rôle qu'elle a créé*, и проч.

А сколько чудныхъ, прекрасныхъ ролей создала она! Бѣдную савоярдку *Марію*, живую, веселую *Жоржетту*, бабушку и вмѣстѣ внучку *г-жу и дѣвицу де-Мюраиль*, прелестную *Эрнестину* и много, много другихъ!

Всякій, кто видѣлъ M-me Альберъ въ *La nouvelle Fanchon* и *Georgette*, не можетъ не согласиться съ нами, что она обладаетъ удивительнымъ талантомъ; въ этихъ двухъ піесахъ она неподражаема! Въ водевилѣ *La fiole de Cagliostro* она занимаетъ двѣ роли, бабушки и внучки; мы уже видѣли въ этой самой ролѣ г-жу Алланъ, но г-жа Альберъ сыграла ее совершенно въ другомъ родѣ. Справедливость заставляетъ насъ сказать, что родъ г-жи Алланъ намъ болѣе нравится: въ немъ, если хотите, менѣе натуры, но за то онъ какъ-то спокойнѣе, въ немъ болѣе гармоніи, если позволятъ намъ такъ выразиться.

Въ маленькомъ водевилѣ *Une nuit d'attente* M-me Альберъ играетъ роль Эрнестины, единственную во всей піесѣ. Мы не удивляемся, когда Верне или Поль-Мине играютъ одни цѣлую піесу, не сходя со сцены. Каждое слово, каждое движеніе ихъ возбуждаетъ смѣхъ, а кто смѣется, тотъ не скучаетъ. Вообразите-жъ себѣ водевиль, въ которомъ одна только роль, и то женская.... Задача весьма трудная для писателя, но еще труднѣйшая, можетъ-быть, для актрисы.

Послушайте-же, чѣмъ г. Мельвиль и г-жа Альберъ заняли насъ въ продолженіе цѣлаго дѣйствія:

Эрнестина недавно за-мужемъ за Альфредомъ де*. Молодые супруги нѣжно любятъ другъ-друга и живутъ счастли-

во и весело. Каждый день какое-нибудь новое удовольствіе: театры смѣняются балами, балы концертами, концерты поѣздками за городъ.

— Эрнестина, говоритъ однажды Альфредъ молодой женѣ своей: завтра мы ѣдемъ на балъ къ тетушкѣ. Весело-ли тебѣ бываетъ тамъ?

— О! другъ мой, отвѣчаетъ Эрнестина, съ тобой мнѣ всегда и вездѣ весело.

Наступилъ вечеръ. Молодая жена, въ прелестномъ бальномъ нарядѣ входитъ къ мужу въ кабинетъ.

— Альфредъ! я готова, говоритъ она. Какъ тебѣ нравится нарядъ мой?

— Онъ прелестенъ, отвѣчаетъ мужъ разсѣянно: но мнѣ очень-жаль, что онъ пропадетъ даромъ. Я не могу ѣхать съ тобою сего-дня на балъ.

— Отчего?

— Дѣла.... очень-важныя дѣла.... не терпящія отлагательствъ....

— Помилуй, другъ мой! Какія теперь дѣла? Вечеромъ, почти ночью?

— Другъ мой, не разспрашивай меня! Я тебѣ уже сказалъ рѣшительно, что не могу ѣхать съ тобою.

— Что дѣлать! отвѣчаетъ печально Эрнестина; такъ мы останемся дома.... вмѣстѣ.... вдвоемъ....

— Нѣтъ, я долженъ ѣхать со двора.

— Со двора! Но куда, Альфредъ?

— Эрнестина, я разскажу тебѣ все.... Эдуардъ, братъ твой, просилъ меня поѣхать вмѣстѣ съ нимъ въ маскарадъ, въ Оперный театръ, по весьма нужному дѣлу....

— О, да это прекрасно! Я съ тобой поѣду.

— Нельзя, другъ мой, это не прилично.

Слезы Эрнестины и гнѣвъ Альфреда. Она уходитъ въ свою комнату, а онъ уѣзжаетъ.

Все это разсказываетъ намъ Эрнестина, воротившись въ кабинетъ мужа, т. е. на сцену, и не находя его. Слѣдовательно піеса начинается съ появленія Эрнестины. Печально оглядывается она.... все тихо, пусто.... она одна!

— О, Альфредъ! Альфредъ! восклицаетъ она: неужели ты меня разлюбилъ, неужели другая?... И страшная ревность

впервые закрадывается въ сердце ея, дотолѣ довѣрчивое и счастливое. Мучимая безпокойствомъ, она прислушивается къ малѣйшему шуму....

— Кто-то идетъ.... Это онъ.... точно.... шаги приближаются.... О, Альфредъ! — и Эрнестина готова уже бѣжать на встрѣчу мужу, броситься въ объятія его, но внезапно останавливается. — Нѣтъ! мнѣ нужно поболѣе твердости.... приму его холодно.... а не то онъ избалуется.... И она садится въ кресла, беретъ книгу и читаетъ: но никто не входитъ.... сердито бросаетъ она книгу и подходитъ къ дверямъ — нѣтъ! Это былъ не мужъ, а горничная! Какая досада! Нужно-же этому Эдуарду развращать мужа ея; пора-бы ему остепениться, вѣдь онъ самъ уже женихъ и скоро женится!

Но бьетъ два часа. Эрнестина очень устала, ее клонитъ сонъ, однако она хочетъ дождаться мужа и садится въ кресла, — нѣсколько минутъ спустя, глаза ея смыкаются и она засыпаетъ.

— Альфредъ! Альфредъ, произноситъ она во снѣ — ты уѣхалъ? ты меня оставилъ? Это кто? А! Эдуардъ, это ты? Не знаешь-ли, гдѣ мужъ мой?... Ты говоришь, что онъ поѣхалъ въ Оперный театръ, на маскарадъ? И ты поѣдешь? Эдуардъ, братъ мой, возьми меня съ собою, умоляю тебя!... Ты соглашаешься, о благодарю, благодарю!... Пойдемъ, пойдемъ!... У! какой холодъ! Какъ эти наемныя кареты неудобно устроены.... Боже мой! сколько народу, сколько масокъ, сколько люстръ, свѣчей! Эдуардъ, не оставляй меня, мнѣ страшно!... Смотри, смотри, это, кажется, мужъ мой? Да, точно, это онъ; вонъ-тамъ, подъ-ручку съ розовымъ домино... Онъ будетъ танцовать.... Эдуардъ, станемъ къ нему vis-à-vis....

Вся эта сцена сыграна г-жею Альберъ превосходно.... Зрители слѣдили за каждымъ движеніемъ ея, прислушивались къ каждому слову — и выраженіе словъ и лица ея было такъ изумительно-вѣрно, что мы, невольно, перенеслись мысленно въ эти волшебные оперные маскарады, въ толпу самыхъ замысловатыхъ масокъ!...

И такъ Эрнестина пролжаетъ видѣть во снѣ, что она танцуетъ въ одной кадрили съ мужемъ; она не утерпѣла и передъ концомъ танца сказала ему слово... Изумленный до-крайности мужъ слѣдуетъ за нею, но толпа разлучаетъ ихъ.... и вотъ бѣдная Эрнестина одна, рѣшительно одна, безъ защитника, замѣшана въ эту толпу; нѣсколько мужчинъ въ маскахъ окружаютъ ее, приступаютъ.... ей страшно, со-

бравъ силы, готовыя покинуть ее, она громко вскрикиваетъ и просыпается!

Свѣча нагорѣла. Только постукиваніе маятника слышится въ ночной тиши.... Альфредъ еще не воротился.

— А! какой страшный, ужасный сонъ! говоритъ Эрнестина, осматриваясь съ нѣкоторымъ безпокойствомъ. Случайно взглядъ ея падаетъ на бюро мужа, ключъ остался въ замкѣ. А! думаетъ Эрнестина: теперь я все узнаю!... Подбѣгаетъ къ бюро, поспѣшно отпираетъ его, открываетъ всѣ ящики, роется и—ничего не находитъ. Она въ отчаяніи!... Однако вотъ еще ящикъ.... онъ не отпирается....

— Такъ вотъ гдѣ скрываются секреты! и нашедъ секретную пружину, Эрнестина выдвигаетъ ящикъ. Первый предметъ, попадающійся ей на глаза, есть букетъ завядшихъ цвѣтовъ.

— Вѣроломный! восклицаетъ она: онъ любитъ другую, иначе зачѣмъ-бы ему такъ тщательно беречь этотъ букетъ? Но кто эта другая?—И бросивъ букетъ на полъ, Эрнестина продолжаетъ поиски и находитъ медальонъ.

— Медальонъ!... и не въ-силахъ будучи держаться на ногахъ, она опускается въ кресла. Она боится открывать медальонъ, но сомнѣніе мучительно, и, почти судорожно оторвавъ крышечку, она видитъ портретъ молодой женщины, удивительной красоты, но ей незнакомой! И медальонъ полетѣлъ на полъ.... но вотъ письмо! письмо!... Это доказательство, ясное, неопровержимое!

Эрнестина читаетъ письмо:

«Другъ мой!

«Я васъ ждала вчера цѣлый вечеръ, но вы не пришли; «неужели вы меня такъ мало любите? Неужели, не-смотря «на всѣ клятвы ваши»....

Бѣдная Энестина не можетъ читать далѣе.... рука ея опустилась на столъ и опрокинула подсвѣчникъ. Темно. Какъ описать страданія бѣдной Эрнестины! Она горько плачетъ, потому-что невѣрность мужа поразила ее прямо въ сердце! Она садится къ окну, свѣжій, ночной воздухъ успокоиваетъ волнующуюся кровь ея.... Но вотъ по горизонту пробѣжала красная полоса; первые лучи солнца освѣтили кабинетъ красноватымъ свѣтомъ.... съ жадностію хватается бѣдная женщина за письмо, она можетъ наконецъ дочитать его. По мѣрѣ того, какъ она читаетъ, лицо ея проясняется, она дышетъ свободнѣе.... письмо это писано не къ мужу, а къ брату ея, Эдуарду! О радость, о восторгъ! Но.... медальонъ?

Разсмотрѣвъ его пристальнѣе, она находитъ на немъ надпись.... Это портретъ матери Альфреда! И такъ она ревновала его къ матери!...

Но.... букетъ?

Эрнестина находитъ въ немъ записочку: это первый букетъ, который она подарила Альфреду, будучи еще невѣстой его!...

Кто-то подъѣхалъ къ воротамъ.... это Альфредъ! Это мужъ Эрнестины! Какъ она счастлива!

Піеса эта очень-мила. М-me Альберъ въ ней просто совершенство! Всѣ переходы отъ печали къ радости, отъ ревности къ раскаянію, словомъ, всѣ переходы выдержаны прекрасно, художественно! Чѣмъ чаще мы видимъ г-жу Альберъ, тѣмъ болѣе она привлекаетъ насъ, тѣмъ болѣе открываемъ въ ней достоинствъ!

П. ФУРМАНЪ.

=

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ

Малолѣтные геніи въ наше время стали распложаться въ изумительной прогрессіи. Пишутъ изъ Мадрита, что тамъ появился новый скрипачь Ж. Монастеріо, *шести лѣтъ* отъ роду. Гордые Испанцы видятъ уже въ немъ будущаго Паганини; а дамы на-перерывъ оспориваютъ одна у другой право имѣть этого Паганини на своихъ колѣнахъ и кормить его конфектами и сластями, такъ-что даже и самъ юный Паганини, на сдѣланный ему послѣ перваго дебюта вопросъ: «Доволенъ-ли онъ»? отвѣчалъ наивно: «Да, аплодисманами я очень-доволенъ, но дамы совсѣмъ закормили меня конфектами».

— Изъ Кадикса увѣдомляютъ о новомъ чудѣ—о 12-ти лѣтней пѣвицѣ, сеньоринѣ Мануеллѣ Леонъ, которая при такомъ юномъ возрастѣ оказала превосходную методу и замѣчательную чувствительность въ пѣніи. Чего добраго, въ нашъ вѣкъ чудесъ доживемъ мы, пожалуй, и до того, что дѣти, только-что вышедшіе изъ утробы матери, будутъ распѣвать аріи Россини и разыгрывать концерты не хуже Листа!

— Прошедшей зимой въ Парижѣ было много толковъ о вечерахъ д-цы Рашель. Вечера эти бывали каждой четвергъ, дамы на нихъ не допускались; въ одиннатцать часовъ подавали чай. Г-жа Рашель, какъ настоящая театральная царица, владычествовала въ этомъ тщательно-избранномъ кругу своихъ почитателей. Общество составлялось обыкновенно изъ трехъ или четырехъ старыхъ дипломатовъ, дюжины остроумныхъ критиковъ, двухъ-трехъ неузнанныхъ поэтовъ, множества банкировъ и нѣкоторыхъ родственниковъ хозяйки, которые чрезвычайно гордятся этими вечерами. Кто не слыхалъ, какъ мамзель Рашель произноситъ слово: *мой салонъ*, тотъ не знаетъ лучшей стороны ея таланта, потому-что во всемъ репертуарѣ ея ролей нѣтъ ниодного эффектнаго слова, которое произносила-бы она такъ превосходно, какъ эти слова: «мой салонъ.» Она занимается ролью хозяйки гораздо болѣе, чѣмъ самою лучшею изъ ролей своего репертуара, и никакой блистательный успѣхъ на сценѣ не радуетъ ее столько, сколько похвала ея вечерамъ.

— Въ театрѣ Variétés случилось недавно слѣдующее забавное происшествіе: Нѣсколько молодыхъ людей, подгулявши препорядочно за сытнымъ обѣдомъ, зашли посмотрѣть спектакль, но скоро, соскучившись сидѣть въ душной залѣ, отправились вонъ. Спектакль только-что начался. Кассиръ отлучился куда-то отъ своего мѣста и оставилъ контрмарки на столѣ. Въ кассѣ никого не было. Молодые люди взяли со стола кучу контрмарокъ, отправились съ ними на улицу и стали раздавать проходящимъ. Разумѣется, на даровой входъ нашлось много охотниковъ и въ пять минутъ партеръ театра наполнился народомъ. Скоро не оставалось уже ни одного порожняго мѣста, а публика все прибывала. Наконецъ театральные капельдинеры догадались, что тутъ что-то не такъ; стали разыскивать и дознались въ чемъ дѣло. Но выжить даровыхъ зрителей не было уже никакой возможности, потому-что какъ различить ихъ съ тѣми, которые дѣйствительно заплатили за свой билетъ деньги. Принуждены были, покрайней-мѣрѣ, не впускать остальныхъ, являвшихся съ похищенными контрмарками.

— Знаменитая актриса прошедшаго вѣка, m-lle Тевененъ, скончалась въ прошедшемъ февралѣ въ Фонтенбло, на 92-мъ году отъ-роду. Отъ всѣхъ даровъ фортуны и богачей, разорявшихся на ея прихоти, у ней при старости оставалось 40,000 ливровъ годоваго дохода, которые она и копила цѣлыя 40-къ

лѣтъ, живя въ Фонтенбло такъ скупо, что проживала въ годъ не болѣе 1,500 франковъ. M-lle Тревененъ жила въ совершенномъ уединеніи, не отворяя дверей своихъ ни для бѣднаго, ни для богатаго. Послѣ нея осталась огромная сумма денегъ и множество брилліантовъ, дорогихъ картинъ и другихъ драгоцѣнностей, плодовъ ея юности и красоты. Наслѣдниковъ у нея никакихъ нѣтъ, духовнаго завѣщанія она никакого не сдѣлала, потому-что m-lle Тревененъ, съ достойнымъ ея эгоизмомъ, не хотѣла ни о комъ подумать, ни даже о бѣдныхъ, которымъ она не отказала ни одной копѣйки.

— Блистательный успѣхъ *Лукреціи* напомнилъ о существованіи преміи въ 10,000 франковъ, которую Французская Академія должна выдать за лучшую и наиболѣе могущую имѣть благодѣтельное нравственное вліяніе трагедію. Казалось, что Академія давно уже и позабыла объ этой преміи; но въ послѣднемъ засѣданіи Кузенъ формально предложилъ выдать эту премію г. Понсару. Предложеніе это принято, и назначено исполнить его въ началѣ будущаго 1844 года. Забавнѣе всего то, что тогда-какъ В. Гюго съ удовольствіемъ изъявилъ свое согласіе на выдачу этой преміи, два другіе члена Академіи, тоже авторы трагедій, протестовали противъ предложенія Кузена, и не соглашались, чтобы эта трагедія была достойнѣе *другихъ* такой награды.

— Доницетти получилъ изъ Неаполя предложеніе написать новую оперу для театра Санъ-Карло, но только съ условіемъ, что-бы она была готова въ іюнѣ, потому-что въ іюлѣ мѣсяцѣ намѣрены уже поставить ее на сцену. — Маэстро Доницетти и не задумался принять это предложеніе и потребовалъ только, что-бы либретто доставлено было ему въ апрѣлѣ. Каково-же, въ полтора или въ два мѣсяца написать большую оперу!—Это напоминаетъ остроумную каррикатуру на неистощимаго маэстро, приложенную при «Charivari». Въ каррикатурѣ этой Доницетти пишетъ вдругъ обѣими руками, правою оперу-серіа, а лѣвой оперу-буффа.

— Въ Парижской Академіи Изящныхъ Искусствъ происходило недавно присужденіе премій за лучшее музыкальное сочиненіе. Предметомъ конкурса назначена была чрезвычайно-трудная для исполненія трехъ-голосная кантата Маркиза Пасторета: «Очарованный рыцарь». Первой большой премія Академія не удостоила никого, вторую большую премію получилъ Дювернуа, молодой 22-хъ лѣтній воспитанникъ Галеви.

— На Ридингскомъ (Reading) театрѣ, въ Англіи, давали не давно драму подъ названіемъ: «Лоцманъ». Извѣстный американскій актеръ Гаррингтонъ игралъ роль Тома Коффина Въ концѣ втораго акта онъ долженъ былъ выхватить изъ-за-пояса пистолетъ и прицѣлиться въ Капитана Бороуклифа. По-несчастію курокъ пистолета какъ-то запутался въ

поясѣ,—послѣдовалъ выстрѣлъ и Гарриигтонъ получилъ ужасную рану въ нижнюю часть живота, такъ-что у него выпали внутренности. Занавѣсъ тотчасъ-же опустили и представленіе не кончено. Несчастный оставилъ послѣ себя супругу и шестерыхъ малолѣтныхъ дѣтей.

— Въ великолѣпной залѣ Большой Парижской Оперы, наполненной самымъ отборнѣйшимъ и блестящимъ обществомъ Парижа, въ настоящее время невольно западаютъ въ душу зрителя печальныя мысли при взглядѣ на три опустѣвшія ложи перваго яруса, владѣльцы которыхъ, обладавшіе всѣми дарами земнаго счастія и разливавшіе вокругъ себя любовь къ изящному, прелесть общественности и благодѣянія, покоятся теперь подъ хладнымъ мраморомъ! Ложи эти—Герцога Орлеанскаго, банкира Агуадо и знаменитаго прусскаго банкира Шиклера.

— Въ 1568-мъ году Беневоли исполнилъ въ церкви Св. Петра въ Римѣ обѣдню о избавленіи Рима отъ заразы. Обѣдня эта была чудомъ въ своемъ родѣ. Она написана для двадцати четырехъ голосовъ и для шести хоровъ. Двѣсти человѣкъ исполнителей были размѣщены въ разныхъ мѣстахъ церкви и даже въ куполѣ. Размѣщеніе это произвело необыкновенный эффектъ и, по словамъ современниковъ, подобнаго ничего еще и не слыхивали.

— Въ Прагѣ выстроенъ театръ для представленія оперъ на богемскомъ языкѣ. Надѣялись, что появятся новыя произведенія, написанныя на богемскія поэмы, но до-сихъ-поръ даютъ только однѣ французскіе, нѣмецкіе и италіянскіе переводы.

— Въ началѣ іюня мѣсяца въ Берлинѣ дана будетъ греческая трагедія Еврипида «Медея». Роли уже розданы и хоры написаны Мендельсономъ Бартольди. Репетиціями управляетъ А. Тикъ.

— Недавно по улицамъ Брюсселя тихо тянулась погребальная процессія. Провожатыхъ было очень, очень - немного. Процессія эта тянулась изъ сумасшедшаго дома. Смертный, которому отдавали эту послѣднюю почесть, еще недавно былъ на высокой степени славы и почестей, не смотря на свою молодость: имя его стояло на-ряду съ славнѣйшими именами нашего времени, и гдѣ-бы онъ не появился, вездѣ принимали его съ восторгомъ и съ уваженіемъ. Не предкамъ, не роду обязанъ онъ былъ этими почестями, самъ собою заслужилъ онъ славу и любовь. Да, его чествли и славили какъ художника и любили какъ человѣка.—Годъ спустя, художникъ сидѣлъ уже въ безумномъ домѣ!—Непризнанный въ собственномъ своемъ отечествѣ, осмѣянный невѣждами, которые не хотѣли и не могли понять его, онъ былъ пораженъ въ сердце такою несправедливостью судьбы и — помѣшательство привело его въ печальное жилище подобныхъ ему не-

счастныхъ, гдѣ впрочемъ онъ не долго томился. Скромно, безъ блеску, безъ пышности похоронили бѣднаго художника! Слава, почести холоднаго свѣта, блестящія палаты, торжественные тріумфы, праздники—потомъ мрачная комнатка безумнаго и наконецъ скромное вѣковѣчное жилище на мѣстѣ всеобщаго успокоенія — и все это въ самое короткое время—вотъ судьба бѣднаго скрипача *Прюма*!

— Послѣдній дебютъ г-жи Шредеръ-Девріентъ въ Данцигѣ (25 мая н. с.) гдѣ она сыграла десять, ролей какъ *гостья*, отличался необыкновеннымъ тріумфомъ. По окончаніи спектакля знаменитая артистка была, такъ сказать, засыпана цвѣтами. Директоръ театра, Гене сказалъ дорогой гостьѣ коротенькую благодарственную рѣчь и вручилъ ей лавровый вѣнокъ; въ партерѣ раздавали стихи, написанные въ честь ея поэтомъ Фритце. Безчисленная толпа собралась около экипажа знаменитой пѣвицы, громогласнымъ «виватъ!» встрѣтила ее при выходѣ изъ театра и съ торжествомъ сопровождала до квартиры. Впереди шли тридцать человѣкъ съ факелами, потомъ слѣдовалъ хоръ музыкантовъ, и наконецъ ѣхала царица тріумфа, въ коляскѣ, сдѣлавшейся на этотъ разъ торжественною колесницею. У дверей англійской гостинницы, въ которой квартировала г-жа Шредеръ-Девріентъ собралось столько народа, что она едва могда выйдти изъ коляски. Снова раздались громкіе «виватъ!»—музыканты сыграли лучшія мѣста изъ оперъ, въ которыхъ Данцигцы наслаждались пѣніемъ своей дорогой гостьи, и толпа разошлась, громогласно прославляя знаменитую артистку.

— Въ Сенико, въ Далмаціи, составилось общество на акціяхъ для постройки въ этомъ городѣ небольшаго, но хорошенькаго театра. Для открытія этого театра дана будетъ піеса, написанная молодымъ Далматомъ, Томазео, на отечественномъ языкѣ.

— Королевско-баварская придворная актриса, г-жа Крамеръ, праздновала 17 мая въ Мюнхенѣ свой 50-ти-лѣтній юбилей. По повелѣнію Короля въ этотъ день были въ ея пользу Ифландовы «Охотники», въ которыхъ она, вмѣстѣ съ Эсслеромъ, такъ часто восхищала публику въ роли Оберъ-форстмейстерши. По окончаніи спектакля уважаемая артистка была вызвана, и г-жа Фрисъ возложила на нее вѣнокъ. Въ спектаклѣ присутствовала 80-ти-лѣтняя мать бенефиціантки. На другой день г-жа Крамеръ была приглашена ко двору и король вручилъ ей драгоцѣнную табакерку съ надписью: «Король Людвигъ королевской придворной артисткѣ Крамеръ за 50-ти-лѣтнюю вѣрную службу» Дирекція театра подарила ей драгоцѣнный браслетъ.

ФЕЛЬЕТОНЪ.

31-го маія.

Вотъ и май мѣсяцъ прошелъ, «вдохновительный», «поэтическій» май, только—не для петербургскихъ поэтовъ.... Театры пустѣютъ. Рубини допѣлъ свои послѣднія соловьиныя пѣсни. Г-жа Альберъ потеряла уже для публики свою прелесть, хотя она прелестна по-прежнему. Александринскій театръ, въ теченіе всего мѣсяца, представилъ новаго только бенефисъ г-на Самойлова.... Плохая пожива для «Репертуара *русскаго* театра» и для фельетона. Такой скудости въ новыхъ піесахъ, какъ нынѣшній годъ, мы и не запомнимъ.

Чѣмъ-же подарилъ насъ въ свой бенефисъ г-нъ Самойловъ? На чемъ основывалъ онъ успѣхъ своего бенефиса? Чѣмъ думалъ привлечь вниманіе публики?

— Кажется, мы не ошибемся, если скажемъ, что капитальною статьей въ этомъ спектаклѣ была *виньетка парохода*, поставленная вмѣсто заглавія піесы и вызвавшая столько умныхъ остротъ подъ перо нашихъ остроумныхъ театральныхъ рецензентовъ. Боже мой! Сколько ѣдкаго и колкаго наговорили по этому случаю наши доморощенные Жюль-Жанены! Одинъ сравниваетъ аффишу г-на Самойлова съ объявленіемъ о привозѣ устрицъ; другой, съ какимъ-то дѣтски-простодушнымъ умиленіемъ, сѣтуетъ на г-на Самойлова не за то, что онъ дурно сыгралъ роль въ «Запискахъ Демона», не за то, что выбралъ плохія піесы для бенефиса, но именно за то, что поставилъ на аффишѣ виньетку вмѣсто заглавія водевиля: онъ видитъ въ этой виньеткѣ униженіе искусства, оскорбленіе вкуса, просто паденіе—chûte complète—театра!... Скажите послѣ этого, не главная-ли, не капитальная-ли піеса эта виньетка парохода, поставленная на бенефисной аффишѣ г-на Самойлова? Не будь виньетки—и нашимъ театральнымъ критикамъ не надъ чѣмъ было-бы потѣшить своего устроумнаго юмора!...

Что-жъ это за водевиль, надѣлавшій своей виньеткой столько шуму и гаму?—Водевиль съ самымъ пустымъ содержаніемъ, довольно-грязноватый, въ которомъ есть однакожъ одинъ или два куплета не дурные. А такъ-какъ публика Александринскаго театра всегда отличается тонкимъ вкусомъ, и радушно покровительствуетъ талантамъ, то, очень-естественно,

что, замѣтивъ эти куплеты, она долгомъ почла вызвать автора (г-на *А. И. П.*) котораго однакожъ, къ ея прискорбію, въ театрѣ не оказалось.

Если вы непремѣнно хотите знать содержаніе этого водевиля,—извольте, мы вамъ разскажемъ его въ двухъ словахъ. Экзекуторъ Кузьма Кузьмичь Резинкинъ, провожая своихъ знакомыхъ, отъѣзжавшихъ на Любскомъ пароходѣ за границу, до такой степени *упостился*, что крѣпкимъ сномъ уснулъ на этомъ самомъ пароходѣ. Представьте-жъ его удивленіе и ужасъ, когда, проснувшись, онъ видитъ себя въ открытомъ морѣ! Онъ въ открытомъ морѣ, когда ему надобно быть въ Департаментѣ! Кузьма Кузьмичь самъ не свой! Онъ сердится, хлопочетъ, требуетъ, чтобы пароходъ воротился назадъ, но—разумѣется, ничто не помогаетъ! Къ-счастію его встрѣчается наконецъ другое судно, которое идетъ въ Петербургъ: Кузьму Кузмича пересаживаютъ съ парохода—онъ торжествуетъ—и занавѣсъ опускается. Г-нъ Каратыгинъ 2-й былъ очень забавенъ въ роли Резинкина.

— «Записки Демона....» Но вы хорошо знаете этотъ водевиль: вы, вѣрно, любовались имъ на нашей французской сценѣ; его играли у насъ въ Петербургѣ и Нѣмцы—такъ хорошо, какъ Нѣмцы въ Петербургѣ могутъ хорошо играть французскіе водевили; наконецъ, если вы не видали, такъ ужъ, вѣрно, читали этотъ водевиль въ переводѣ, въ прошедшемъ году: онъ былъ напечатанъ въ «Репертуарѣ и Пантеонѣ». Перейдя такимъ-образомъ всѣ степени, онъ явился и на русской сценѣ. и увы! здѣсь ему посчастливилась менѣе всего. За исключеніемъ г-на Сосницкаго (Готье), исполнившаго роль свою прекрасно, всѣ прочіе г-да артисты были—весьма-плохи. Главную роль (Робена) занималъ г-нъ Самойловъ, и изъ этой живой, увлекательной, отъ начала до конца полной интереса роли, онъ ничего не сдѣлалъ. Мы думаемъ, что этой роли на русской сценѣ некому сыграть, кромѣ развѣ г-на Максимова. Мы не отрицаемъ дарованія въ г-нѣ Самойловѣ,—напротивъ, помнится, первые привѣтствовали его, когда онъ, послѣ незабвеннаго Дюра, явился въ роляхъ шута *(Король Лиръ)*, Губкина, *(Студентъ Артистъ)*, Эдуарда, *(Артистъ*, водевиль пер. Булгаковымъ) и п. др. Г-нъ Самойловъ съ большимъ успѣхомъ игралъ въ роляхъ карикатурныхъ, основанныхъ на переодѣваньи, и сдѣлалъ изъ этихъ ролей свой особенный родъ, spécialité: ими онъ увлекъ публику, приобрѣлъ благосклонность ея, и,довольный своими успѣхами, опочилъ на лаврахъ. А между-тѣмъ этотъ родъ ролей, какъ временная прихоть вкуса, какъ отступленіе отъ законовъ изящнаго, вскорѣ попригляделся и надоѣлъ публикѣ. Слава г-на Самойлова прошла быстро, а онъ не позаботился упрочить ее созданіями болѣе серьезными, болѣе достойными артиста съ дарованіемъ. Удивляться-ли по-

слѣ этого, что публика такъ скоро охладѣла къ г-ну Самойлову, и театръ, въ бенефисъ его, былъ на-половину пустъ?...

— Солдатъ и сержантъ, водевиль въ 1-мъ д., перев. съ французскаго, не отличаясь новостію содержанія, позабавилъ однакожъ зрителей, благодаря прекрасной игрѣ г-жъ Сосницкой и Самойловой 2-й и г-на Максимова. Въ Жанету, племянницу богатой вдовы, г-жи Жоли, влюблены солдатъ и сержантъ одного и тогоже полка. Простому солдату съ сержантомъ бороться трудно, но на сторонѣ перваго сама Жанета. Извѣстное дѣло, любовь хитра на выдумки,—и нашимъ молодымъ любовникамъ удается схитрить такъ, что сержантъ женится на тетушкѣ, солдатъ на Жанетѣ, а тетушка, съ своей стороны, даетъ племянницѣ богатое приданое. Тѣмъ дѣло и кончается.

И вотъ вамъ на-перечетъ всѣ новости Александринскаго театра. Впереди все глухо и темно. Обѣщаютъ въ скоромъ времени драму Гуцкова *Вернеръ*, которая была напечатана въ прошедшемъ году «Репертуара и Пантеона», и въ которой отличался въ то время на нашей нѣмецкой сценѣ Эмиль Девріентъ.

Нашъ молодой, талантливый артистъ, г-нъ Мартыновъ, украшеніе комедіи и водевиля, уѣхалъ въ Кіевъ, на лѣтніе мѣсяцы. Отсутствіе его на Александринской сценѣ очень-замѣтно.

=

Скажите, когда кончатся наши концерты? Мы уже думали проститься съ ними до будущаго поста—не тутъ-то было! И кто же даетъ эти концерты — Рубини, Листъ? Нѣтъ, ихъ даютъ артисты, неуспѣвшіе выбрать для себя дня въ теченіе поста, не надѣящіеся собственнымъ талантомъ привлечь къ себѣ публику, и благоразумно разсчитывающіе на великодушіе Рубини и Листа.... Разумѣется, эти г-да концертисты не въ накладѣ: накладно только публикѣ, и, можетъ-быть, искусству и его успѣхамъ въ Россіи. Насъ, Русскихъ, грѣшно упрекнуть въ нелюбви къ искусствамъ, и въ особенности къ музыкѣ: мы очень *громко* и *звонко* доказываемъ любовь эту. Но не совсѣмъ, можетъ-быть, безосновательно упрекаютъ насъ въ недостаткѣ музыкальнаго образованія, изящнаго, развитаго вкуса. Принимаемъ упрекъ этотъ, только осмѣливаемся замѣтить, что винить за это публику, право, грѣшно и стыдно. Изящный вкусъ и музыкальное образованіе развиваютъ изящными образцами, знакомствомъ съ великими художниками. Мы не можемъ пожаловаться: знаменитѣйшіе иностранные артисты любятъ и охотно навѣщаютъ насъ; но спрашиваемъ мы — для всѣхъ-ли доступны ихъ соловьиныя пѣсни? Подъ открытымъ-ли сводомъ небеснымъ поютъ они, во славу Творца, для наслажденія человѣка? Въ нашей высшей, аристократической публикѣ вкусъ къ изящному развитъ

до высочайшей степени—противъ этого грѣшно сказать слово; въ нашихъ аристократическихъ салонахъ найдутся, можетъ быть, и Гризи, и Листы, и Рубини.... Но вѣдь этой публикѣ все доступно: она легко можетъ отсчитать пятнадцать или двадцать тысячъ за фортепьяно Лихтенталя, можетъ заплатить по 25 р. сер. за ложу въ итальянской оперѣ, можетъ являться на всѣхъ концертахъ, гдѣ участвуютъ Листъ и Рубини.... Да развѣ эта публика составляетъ большинство? Что вы прикажете дѣлать людямъ средняго состоянія, которые также любятъ искусство, и также-бы хотѣли образовать вкусъ свой? Какія средства и способы найдти къ этому? Вы отецъ семейства, у васъ есть жена, дочь или двѣ, сынъ—всѣ они болѣе или менѣе любятъ музыку и занимаются ею; вы-бы желали свозить ихъ иногда въ концертъ—послушать знаменитаго артиста.... Но вы прежде должны посовѣтоваться съ своимъ карманомъ: я, жена, двѣ дочери, сынъ—разсуждаете вы—и того пять—за пять билетовъ *пятнадцать руб. серебромъ!!* Спрашиваю послѣ этого, сколько надобно имѣть годоваго дохода, чтобъ ѣздить въ концерты, для образованія вкуса и музыкальнаго чувства? За границей все это легко, потому-что дешево, доступно для небогатыхъ людей, а у насъ.... воля ваша, при этихъ условіяхъ, мы вѣчно останемся въ музыкѣ тѣмъ, чѣмъ были и есть! И добро-бы заплатить такую сумму въ концертъ Листа, Рубини — тутъ мы не говоримъ: дань справедливая таланту, какихъ немного; но вѣдь съ васъ требуютъ такой-же платы артисты менѣе нежели второстепенные, артисты, которые успѣли кое-какъ воспользоваться снисхожденіемъ Листа и Рубини, и при помощи этихъ волшебныхъ именъ дѣлаютъ набѣги на карманъ вашъ, забывая, что безъ Листа и Рубини они должны были-бы играть и пѣть въ пустой залѣ, для своихъ снисходительныхъ пріятелей, которымъ они сами изъ снисхожденія подарили билеты для входа.... Мы ни слова не сказали-бы, еслибъ эти господа, пользуясь *расположеніемъ* знаменитыхъ артистовъ, по-крайней-мѣрѣ, изъ уваженія къ публикѣ, рѣшающейся терпѣливо прослушать даже ихъ самихъ, чтобъ только потомъ услышать Листа и Рубини, еслибъ эти г-да, говоримъ, вполовину уменьшили за входъ цѣну въ свои концерты,—о, тогда можно даже быть имъ благодарнымъ: они даютъ средства и небогатымъ людямъ ознакомиться съ великими артистами. Да и сами они въ накладѣ не были-бы, потому-что посѣтителей было-бы у нихъ вдвое больше.... Но они объ этомъ не разсуждаютъ и не думаютъ.... *Намъ нужно злато, злато, злато,* говорятъ они, и вотъ на этомъ-то основаніи, за ваше *злато*, за пѣніе Рубини, за игру Листа, они усердно вознаграждаютъ васъ своей самодѣльщиной, своимъ собственнымъ *художествомъ*. Тутъ, право, *есть отъ чего въ отчаяніе придти!...*

И. Мятлевичъ.

ГОСУДАРСТВЕН. АКАДЕМ.
Ленинградская театральная
БИБЛИОТЕКА
ТЕАТР ДРАМЫ

ОПЕЧАТКИ въ 5-й КНИЖКѢ «РЕП. и ПАНТ.»

ст.	стр.	напечатано.	читай.
108	— 9 —	Кончилъ	Кончалъ.
110	— 17 —	Ченерентола, *Графъ Ори* и проч.	Ченерентола и проч.
112	— 1 —	Цвѣта	Цвѣты
115	— 35 —	vorrei chepensiere	vorrei che *il tuo* pensiere
»	— 38 —	Первая арія Ассура	Первая *часть* аріи Ассура
120	— 23 —	Представляемыя	Предоставляемыя
121	— 2 —	Гайденъ	Гайднъ
128	— 6 —	Зналъ музыку	Зналъ основанія музыки
129	— 35 —	Кресшендо	Кресчендо
130	— 10 —	благо*дарнаго*	благо*роднаго*
252	— 13 —	лучшей оперы.	лучшей, послѣ «Нормы», оперы.

Въ Типографіи Вѣдомостей С.-П.-бургской Городской Полиціи.

ОГЛАВЛЕНІЕ

ВТОРАГО ТОМА.

=

КНИЖКА ЧЕТВЕРТАЯ.

I. Камилла или Сестра и Братъ. Комедія въ 1-мъ д. соч. Скриба и Баяра, перев. *П. С. Ѳедорова*. . . . 1

II. Теорія сценическаго искусства. Нѣчто о мимикѣ и тѣлодвиженіяхъ. (Съ рисункомъ.) 49

III. Парижскія тайны (Les mystères de Paris), романъ Евгенія Сю. Перев. *В. М. Строева*. Часть первая. 58

IV. Музыка. Музыкальныя замѣтки. *Статья вторая*. (Нѣчто о пѣніи и пѣвцахъ.—Взглядъ на пѣвцовъ и хоры русской оперы.—Можно-ли довольствоваться нашею оперою и какъ у насъ слушаютъ музыку.—Средства улучшенія оперы и учрежденіе музыкальной академіи.—Бывшія у насъ итальянскія оперы.—Нѣчто о дирижорѣ оркестра. — Что̀ требуется отъ хорошаго исполненія?—Кто у насъ лучшій дирижоръ?—Что̀ мы слушаемъ въ концертахъ?—Взглядъ на италіянскихъ пѣвцовъ прежняго времени и новѣйшихъ.—Рубини, какъ пѣвецъ.) *С. К.* 172

V. Стихотвореніе. *Вѣтеръ знаетъ, кто она.* *** 203

VI. Провинціальные театры въ Россіи. § 4. Харьковскій театръ, (*Т — ко*).—§ 5. Театръ въ Калугѣ (*А. К. В — скаго*).—§ 6. Нѣчто о Костромскомъ театрѣ (*А. Семигорскаго.*). 204

VII. Смѣсь. Анекдоты и мелочи. 215

VIII. Хроника иностранныхъ театровъ. *(Мартъ)* Парижскіе театры. — Вѣнскіе театры. — Разныя извѣстія. 234

IX. Фельетонъ. *В. С. Межевича.*

=

КНИЖКА ПЯТАЯ.

I. Сынъ Кромвеля или Возстановленіе. Комедія въ 5-ти дѣйствіяхъ, соч. *Скриба*. 1

II. Философія и Исторія музыки. Россини. Статья *С. К.* 92

III. Чорный тараканъ. Фантастическій романъ изъ жизни одного чиновника. Соч. *Вл. Р. Зотова*. . . . 131

IV. Стихотворенія. Пляска мертвецовъ, баллада изъ Гете ***.—Современная замѣтка *(И. П. Плеткина)*. 234

V. Музыкальная хроника Петербурга. Взглядъ на концерты 1843 года—Рубини въ «Отелло».—Рубини въ «Лючіи ди-Ламмермуръ». Статья *С. К.* 237
VI. Провинціальные театры въ Россіи. § 7. Воронежскій и курскій театры. Статья *Н. Фридебура.*—§ 8 Орловской театръ. Статья *Д. Г. Т.*—Извѣстіе изъ Одессы. 253
VII. Смѣсь. Анекдоты и мелочи. 268
VIII. Хроника иностранныхъ театровъ. *(Апрѣль).*—Парижскіе театры.—Вѣнскіе театры.—Новости иностранныхъ театровъ въ Петербургѣ (Abend-Unterhaltungen.—Дебюты г-жи Альберъ). Статья *П. Р. Фурмана.*—Разныя извѣстія. 288
IX. Фельетонъ. *В.. С. Межевича.*

=

КНИЖКА ШЕСТАЯ.

I. Дочь шута Драма въ 5-ти дѣйствіяхъ, въ стихахъ. Пер. съ Англійскаго. 1
II. Сцены изъ національной Русской комедіи «Тезки» * * * * * 71
III. Парижскія Тайны. Романъ Ев. Сю. Часть вторая. Перев. *В. М. Строева.* 1
IV. Стихотвореніе. Слеза и балъ — *г* — *г.* Мысль (въ альбомъ) *Z.* 81
V. Критика. О современномъ состояніи русской сцены.—Драматическая литература внѣ сцены.—Драматическіе опыты Гоголя.—Драма Лермонтова.—Виды на будущее. 84
VI. Музыкальная хроника Петербурга. Рубини въ «Sonnambula», въ «Puritani» и «Il Pirata»—музыка Беллини. Статья *С. К.* 110
VII. Смѣсь. Анекдоты и мелочи. 1
VIII. Хроника иностранныхъ театровъ. *(Май.)* Парижскіе театры.—Вѣнскіе театры.—Новости иностранныхъ театровъ въ Петербургѣ. Ст. *П. Р. Фурмана.* 27
IX. Фельетонъ *(В. С. Межевича).*

=

КЪ СЕМУ ТОМУ СДѢЛАНЫ СЛѢДУЮЩІЯ ПРИЛОЖЕНІЯ:

1. Рисунокъ къ статьѣ: *Нѣчто о мимикѣ и тѣлодвиженіяхъ;* 2. Закулисная сцена: *Актеръ* и *Режиссеръ;* 3. Изображеніе *недробнаго памятника В. Н. Ассенковой;* 4. Портретъ Рубини, въ роли *Артура* изъ оперы *Пуритане.*

Сверхъ-того, на внутренней сторонѣ обвертки (въ 5-й кн.) напечатанъ *Первый и послѣдній отзывъ Ѳ. Кони или разъ навсегда! (И. Песоцкаго).*

7945 6997

Поле иностранной драматической литературы разработывается при пособіи лучшихъ заграничныхъ журналовъ, выписываемыхъ въ большомъ количествѣ, и иностранныхъ книгъ, касающихся до театра. Всѣ новыя парижскія піесы получаются редакціею немедленно по выходѣ ихъ изъ печати въ Парижѣ.

Приложенія къ «Репертуару и Пантеону» будутъ состоять изъ портретовъ, русскихъ и иностранныхъ артистовъ, драматическихъ писателей и композиторовъ, изъ каррикатуръ, сценъ, и пр. и пр., исполненныхъ лучшими заграничными художниками. Такихъ приложеній въ годъ будетъ не менѣе *двѣнадцати*, по одному на книжку. *Всѣ 12 картинъ непремѣнно будутъ выданы къ концу года*, и составятъ такимъ-образомъ изящный художественный Альбомъ.

=

Прошлогодніе подписчики «Репертуара и Пантеона» непремѣнно получатъ *обѣщанныя четыре приложенія* въ теченіе сего года.

=

Подписка на «Репертуаръ и Пантеонъ» *исключительно* принимается въ Конторѣ онаго, учрежденной при Книжномъ Магазинѣ *А. А. Ольхиной*, на Невскомъ Проспектѣ, въ домѣ купца Завѣтнаго, противъ Аничкова Дворца.—Въ Москвѣ, у Коммиссіонера Книжнаго Магазина А. А. Ольхиной, Книгопродавца А. Ножевщикова, въ книжномъ магазинѣ, на Никольской улицѣ, въ д. Шевалдышева.—Иногородные благоволятъ адрессоваться или въ одинъ изъ означенныхъ магазиновъ, или въ Газетную Экспедицію С.-Петербургскаго Почтамта. Тудаже должны быть адрессованы всѣ письма и пакеты, назначаемые въ редакцію «Репертуара и Пантеона».

Цѣна за годовое изданіе, состоящее изъ 12-ти книжекъ, и 12-ти приложеній—

ДЕСЯТЬ РУБЛЕЙ СЕРЕБРОМЪ.

За пересылку и доставку на домъ полагается

ОДИНЪ РУБЛЬ ПЯТДЕСЯТЬ КОП. СЕРЕБРОМЪ.

Издатель И. Песоцкій.

КНИЖКА ШЕСТАЯ.

I. Дочь шута. Драма въ 5-ти дѣйствіяхъ, въ стихахъ. Пер. съ Англійскаго. 1

II. Сцены изъ національной русской комедіи: «Тезки» * * * * * 71

III. Парижскія Тайны. Романъ Ев. Сю. Часть вторая. Перев. *В. М. Строева*. 1

IV. Стихотворенія. Слеза и балъ — *з* — *з*. Мысль (въ альбомъ) *Z*. 81

V. Критика. О современномъ состояніи русской сцены.—Драматическая литература внѣ сцены.—Драматическіе опыты Гоголя.—Драма Лермонтова.—Виды на будущее. 84

VI. Музыкальная хроника Петербурга. Рубини въ «Somnambula», въ «Puritani» и «Il Pirata»—музыка Беллини. Статья *С. К*. 110

VII. Смѣсь. Пѣнковая трубка, или Листъ въ провинціи (Невымышленный анекдотъ).—Музыкантъ въ Фернеѣ.—Пѣвецъ или музыкантъ? Анекдотъ изъ жизни Гайдна.—Новый способъ придавать выразительность словамъ своимъ.—Мистриссъ Инчбальдъ.—Физіономія нисшихъ парижскихъ театровъ.—Анекдоты и мелочи. 1

VIII. Хроника иностранныхъ театровъ. *(Май.)* Парижскіе театры.—*(Разборы 12-ти новыхъ піесъ)*.—Вѣнскіе театры.—Новости иностранныхъ театровъ въ Петербургѣ. Ст. *П. Р. Фурмана*. 27

IX. Фельетонъ *(В. С. Межевича)*.

КЪ СЕЙ КНИЖКѢ ПРИЛОЖЕНЪ ПОРТРЕТЪ РУБИНИ, ВЪ РОЛИ АРТУРА, ВЪ ОПЕРѢ «ПУРИТАНЕ».